

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKVBU IMMANUEL KANT
BAL TIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2023

Том 14
Vol.

№ 2

ПОВЕРХ TRANSDISCIPLINARITY:
ДИСЦИПЛИНАРНЫХ БАРЬЕРОВ: DIALOGUE OF CODES
ДИАЛОГ КОДОВ И МЕТОДОВ AND METHODS

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Baltic Federal University
университета им. Иммануила Канта Press
2023

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2023
Том 14
№ 2

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2023.
165 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Хенрик Баран*, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Стефано Гардзонио*, Пизанский университет (Пиза, Италия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Валерий Закиевич Демьянков*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Николай Николаевич Казанский*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); *Максим Анисимович Кронауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртулов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Су Кван Ким*, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Цзиньлин Ван*, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 12.05.2023 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2023
Vol. 14
№ 2

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2023.
165 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics – Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакции</i>	6
<i>Соколова О.В.</i> Диалог лингвистики и поэтического авангарда в России в 1920–1930-е годы: эксперименты с универсальным языком.....	8
<i>Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» как олицетворяющие метафоры в русской поэзии.....	30
<i>Фещенко В.В.</i> Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста	49
<i>Логина Е.Г.</i> Выразительность в театре как технология смыслопорождения и роль жеста в ее реализации.....	67
<i>Кравченко М.А.</i> Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда	83
<i>Trushchelev P.N., Petrenko E.V., Piotrovskaya L.A.</i> Conceptualizing emotions through discourse: a pragmatic view on the reader's interest.....	93
<i>Буденкова В.Е., Савельева Е.Н., Князюк О.В.</i> Поликодовый текст как средство политической идентификации: анализ российской блогосферы.....	115
<i>Васкиневич А.И.</i> Спор о Гольбеине как спор о вере: полемика вокруг романа «Идиот» Ф.М. Достоевского	139

CONTENTS

<i>Editor's note: introducing the issue</i>	7
<i>Sokolova O. V.</i> The dialogue between linguistics and the poetic avant-garde in Russia in the 1920–1930s: experiments with a universal language	8
<i>Petrova Z. Yu., Fateeva N. A.</i> Units of the lexical-semantic group 'Information search and receipt' as personifying metaphors in Russian poetry	30
<i>Feshchenko V. V.</i> Experimental deixis in the space of poetic text	49
<i>Loginova E. G.</i> Expressiveness in the theatre as a meaning-making technology and the role of gestures in its realization.....	67
<i>Kravchenko M. A.</i> Distributive interpretants in the crossword metalanguage.....	83
<i>Trushchelev P. N., Petrenko E. V., Piotrovskaya L. A.</i> Conceptualizing emotions through discourse: a pragmatic view on the reader's interest.....	93
<i>Budenkova V. E., Savelieva E. N., Knasuk O. V.</i> Multimodal text as a means of political identification: an analysis of the Russian blogosphere.....	115
<i>Vaskinevich A. I.</i> Dispute about Holbein as a dispute about faith: discussion around Fedor Dostoevsky's novel 'The Idiot'	139

ОТ РЕДАКЦИИ

Выпуск «Поверх дисциплинарных барьеров: диалог кодов и методов» составили статьи, которые, как правило, не находят место в лингвистических изданиях, поскольку их объектом оказывается язык во взаимодействии с различными знаковыми системами и каналами (модальностями — в смысле социальной семиотики). Между тем мульти-модальность (или поликодовость) — неперенный признак языковой коммуникации, однако в настоящее время методы анализа взаимодействия различных семиотик и описания эффектов их сопряжения недостаточно разработаны. Предлагаемые статьи именно в силу их разнообразности помогают осознать как масштабность подобного проекта, так и нелинейный характер возможных решений. Особенно очевидным это становится при обращении к эстетически значимым текстам — смыслообразование в поэзии, театре, живописи неотделимо от синэстетических взаимодействий. Однако схожие явления характерны и процессов текстуализации и смыслообразования в целом — преобразование языка в речь неизбежно вовлекает в процесс дополнительные коды и смыслы. Как рассмотренные проблемы, так и предложенные решения могут стимулировать новый диалог — уже вокруг изложенных авторами выпуска вопросов.

EDITOR'S NOTE: INTRODUCING THE ISSUE

This issue of *SLOVO*, titled "Overcoming Disciplinary Barriers: Dialogue of Codes and Methods," features papers that do not often appear in traditional linguistic publications. These papers examine language in its interaction with various sign systems and channels, also known as modalities in social semiotics. Although multimodality, or the use of multiple semiotic resources in communication, is an essential aspect of linguistic expression, methods for analyzing the interaction of various semiotics and describing the effects of their combination are still not fully developed.

The papers featured in this issue of *SLOVO* offer diverse perspectives that shed light on the scope of this project and the non-linear nature of potential solutions. This is particularly evident when examining texts that incorporate multiple semiotic systems, such as poetry, theatre, and painting, where meaning-making is intricately linked to synaesthetic interactions. Additionally, the process of textualization and meaning-making more broadly involves the conversion of language into speech, which inevitably involves the use of additional codes and meanings.

The problems and proposed solutions featured in this issue of *SLOVO* have the potential to spark a new dialogue on the themes presented by the authors. Overall, the papers in this edition offer valuable insights into the intricate relationship between language and other semiotic systems, providing new avenues for exploring this interdisciplinary field.

**ДИАЛОГ ЛИНГВИСТИКИ И ПОЭТИЧЕСКОГО АВАНГАРДА
В РОССИИ В 1920—1930-е ГОДЫ: ЭКСПЕРИМЕНТЫ
С УНИВЕРСАЛЬНЫМ ЯЗЫКОМ**

О. В. Соколова

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 07.06.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1

В статье рассматриваются концепции «универсального языка», распространенные в лингвистике и поэтическом авангарде в послереволюционной России. В 1920–1930-х годах социально-политические реформы породили новые реалии и понятия, а установка на строительство алфавитов для безалфавитных народов в дальнейшей перспективе осмыслялась как база для создания языка мировой революции. Эти причины легли в основу не только обновления языковой политики, но и проектирования мировых языков лингвистами и поэтами. В эти годы получает развитие интерлингвистика (формируются общества по изучению таких международных языков, как эсперанто, ido, интерлингва, новиаль и др.), ученые занимаются лингвоконструированием (Я.И. Линцбах, В.Е. Чешихин, В.К. Петрашевич, В.Ф. Шмурло, Н.В. Юшманова и др.), систематизацией и типологией мировых языков (Э.К. Дрезен и др.). Кроме того, в связи с ориентацией на перспективу создания языка мировой революции в качестве первых подходов к нему осмыслились алфавиты на латинской основе (Е.Д. Поливанов и др.). Среди авангардистских концепций особый интерес представляет «космический язык АО» братьев Гординых, развивающий традицию Хлебникова, но идущий дальше в своей интенции на когнитивные и лингвосоциальные изменения. Он должен был стать одновременно техникой для трансформации революционного социума и моделью новой «пананархической» коммуникации. В статье сопоставляются научные и поэтические универсальные языки и делается вывод об общности установки на лингвистический эксперимент в 1920–1930-х годах.

Ключевые слова: универсальный язык, интерлингвистика, языковое творчество, поэтический авангард, Я.И. Линцбах, братья Гордины

1. Тенденция к языковой «универсализации»

Стремление преодолеть Вавилонское смешение языков и возродить *lingua humana*, первый язык человечества, во все века стимулировало разработку проектов «универсального» языка: от философских концепций, направленных на создание «идеального» языка, изоморфного логическим и математическим системам, до эмпирических систем, ориен-

тированных на преодоление межнационального непонимания, упрощение языка и создание унифицированной системы общения. Как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, обосновывая свою позицию по отношению к международному языку, «благодаря тоске по языковому единству создавалась легенда о Вавилонском столпотворении; ибо многоязычие считалось бедствием, считалось божеским наказанием за человеческую гордость и высокомерие» (Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 158).

В основе концепции «международного», или «интернационального», языка, способного служить средством общения разноязычных народов, лежит теория лингвопроектирования, которая возникла в эпоху Просвещения и была заложена в работах М. Мерсенна, Р. Декарта, Г. В. Лейбница и др. Интерес к созданию нового средства межнациональной коммуникации был связан с утратой латинским языком международных функций. Именно тогда получает научное обоснование теория «всеобщего», «универсального» языка.

В известном письме Р. Декарта, написанном в ответ на план М. Мерсенна по созданию «универсального» языка (1629)¹, философ поддерживает эту идею, но предлагает другие основания организации такого языка. Основным принципом проекта М. Мерсенна было непосредственное выражение значения языковыми единицами, в связи с чем он подчеркивал роль звукоподражательных элементов (Nöth, 1995, р. 271). Р. Декарт развил другую концепцию: он исходил из аксиомы о «врожденных идеях» (*innate ideas*), то есть априорности рационального знания по отношению к эмпирическому опыту, предлагая теорию значения, в которой *смысл* (концепции) доминирует над *референцией* (вещами): «Изобретение этого языка зависит от истинной философии. Только она сможет перечислить все мысли — идеи людей — и расположить их в стройном порядке, делая одновременно их ясными и простыми» (цит. по: Дрезен, 1928, с. 42). Философ предлагает «логическую» организацию словаря как списка простых понятий с эквивалентами на разных языках, которые станут основанием для толкования любых более сложных единиц.

Важно отметить, что в своих рассуждениях о структуре значения Декарт предвосхитил ключевые положения семиотики (Nöth, 1995, р. 21), а обращение к природе человеческого воображения и концептуализации «внешних» предметов сближает их с когнитивной лингвистикой и когнитивной психологией. На современном этапе развития лингвистического знания еще одним подходом, который может быть рассмотрен с точки зрения раскрытия новых механизмов универсального языка, является изучение подобия между системами передачи генетической и вербальной информации. Этот подход был заложен в работе Р. О. Якобсона (Jakobson, 1970, р. 437) и получил развитие в исследованиях С. Т. Золяна, в которых процессы обработки генетической инфор-

¹ См. подробнее о письме Мерсенна к Декарту с приложением брошюры Г. Гуго, в которой излагался проект искусственного языка (1617), а также об ответном письме Декарта от 20 ноября 1629 года где были сформулированы концепция и основные положения проектирования искусственных языков, в: (Дрезен, 1928, с. 42–43; Барулин, 2002).

мации рассматриваются как форма коммуникации, геном — как гипертекст, текст — как «квазиорганизм, обладающий памятью, креативно-когнитивными характеристиками и коммуникативным потенциалом, а клетка (ее рибосома) — как обладающая квазиинтеллектом и способностью оперировать абстрактными семиотическими последовательностями» (Золян, 2016, с. 114). Такая семиотическая корреляция между языковой системой и генетическим кодом может быть осмыслена в русле преодоления разграничения универсальных языков на *априорные* и *апостериорные*, с одной стороны; и *философские (логические)*, в которых доминирует когнитивная функция, а целью является создание идеальной семиотической системы, и *эмпирические*, в которых доминирует коммуникативная функция и которые служат адекватным средством международного общения, — с другой.

Отмеченная выше концепция логического языка Р. Декарта была схожа с идеей словаря Г. В. Лейбница, который разрабатывал идею универсального философского языка, отличного от других существующих проектов того времени. В труде «Об искусстве комбинаторики» (*“Disertatio de arte combinatoria”*, 1666) Лейбниц описал основанное на логическом принципе «универсальное письмо». Оно представляло собой сведение понятий к простым составляющим, которые выражены знаками по принципу *“praedicatum inest subjecto”* («предикат содержится в субъекте»), когда субъект включает в себя все предикаты, которые могут быть ему приписаны в высказываниях. На основании этих знаков можно построить идеографический алфавит, который будет включать столько символов, сколько существует элементарных понятий или категорий.

Экономическая глобализация в конце XIX века порождает необходимость международного общения, в связи с чем наступает новый этап, ознаменованный переходом от теоретического проектирования искусственных языков к их практическому использованию. Тогда утверждается другой подход к реализации идеи универсального языка, связанный с его практическим применением как средства международного общения и способа избежать войны. Начиная с таких искусственных языков, как волапук (1879), эсперанто (1887), идо (1907), новиаль (1928), интерлингва (1951), международные языки обретают социальный характер межнационального общения.

Областью лингвистики, цель которой состоит в построении оптимального искусственного международного языка и создании условий для его применения, является интерлингвистика (или космоглоттика²) (Ахманова, 1966). О. Есперсен, уделявший большое внимание проблеме мирового языка, обозначил в 1930 году рождение интерлингвистики как области языкознания, которая исследует строение и принципы организации всех языков с целью установления норм для создания искусственных международных вспомогательных языков (Jespersen, 1930–1931).

² Получила свое название от одного из первых плановых языков — волапука (1879) И. М. Шлейера. *Volapük* означает «мировая речь» (*vol* ‘мир’, *pük* ‘язык’ от англ. *world* и *speak*). В переводе на нем. *Weltsprache*, либо, с использованием греческих корней, как *Kosmoglosse* (см. подробнее: Кузнецов, 2016).

2. Интерлингвистика в Советской России 1920–1930-х годов

В России в 1920-е годы революционные реформы и социально-культурные изменения породили новые реалии и понятия, а также потребовали обновления языковой политики. Тогда же распространяется «языковое строительство», основанное на идее социального и языкового равноправия, при формировании которого В. И. Ленин опирался на многоязычную швейцарскую модель: в 1920-е годы первые алфавиты для безалфавитных народов строились на основе латиницы. Более того, как отмечает В. М. Алпатов, частью проекта перехода на латинский алфавит было также изменение графики русского языка: «Если верить А. В. Луначарскому, В. И. Ленин считал, что впоследствии, “когда мы укрепим”, необходимо будет дойти и до этого» (цит. по: Алпатов, 2017, с. 325). Перспектива такого изменения была связана с языковой функцией интернациональной коммуникации, необходимой на новом этапе, при переходе к «мировой революции».

Необходимость обновления языковой системы в связи с социальными реформами осознавалась как лингвистами (А. М. Селищевым, Е. Д. Поливановым и др.), так и поэтами-авангардистами (В. Хлебниковым, П. Митуричем, К. Малевичем, братьями Гордиными, А. Святогором и др.). Приведем здесь мнение лингвиста Е. Д. Поливанова³, который был знаком с футуристами и был одним из основателей ОПОЯЗа: «Словарь наиболее может отражать общественно-культурные сдвиги... Поэтому-то как раз в области словаря мы и имеем наиболее бесспорные результаты воздействия революции на язык» (Поливанов, 2003, с. 75). Он подчеркивал необходимость обновления словаря в революционный период: «Массовый спрос на новое словотворчество не только увеличил производство новых слов по старым рецептам словообразования, но и создал новый – революционный прием словотворчества» (Там же, с. 78).

В целом можно говорить о следующих научных тенденциях к изучению и созданию универсальных языков в постреволюционной России: развитие интерлингвистики, которая была направлена на исследо-

³ Е. Д. Поливанов также занимался поэтикой и был одним из основателей ОПОЯЗа и формальной школы. Он разрабатывал *Corpus poeticarum* («Свод поэтик»), посвященный сопоставлению структурных и функциональных свойств языков и литератур. Этому проекту не суждено было реализоваться, поскольку Е. Д. Поливанов был обвинен в троцкизме и расстрелян в 1938 году, однако сохранились некоторые его работы в этой области: «О метрическом характере китайского стихосложения» (Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию [1924]. М., 1968. С. 307–311); «Аббревиатура» (Литературная энциклопедия. М., 1930. Т. 1. С. 8–9), «Акцентуация» (Там же. С. 85–88); «Аллитерация» (Там же. С. 96–97); «Общий фонетический принцип всякой поэтической техники» (Вопросы языкознания. 1963. №1. С. 99–112); «О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других “алтайских народностей”» (Проблемы восточного стихосложения. М., 1973. С. 100–106); «Рифмология Маяковского» [1921–1922] (Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М., 1980. Т. 39, №2. С. 153–162) и др.

вание и регулирование международных искусственных языков (эсперанто, идо, новиаль и др.) в качестве средства мировой коммуникации (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Юшманов, П. Е. Стоян, Э. К. Дрезен и др.)⁴; ориентация на перспективу создания языка мировой революции, первыми подходами к которому были алфавиты на латинской основе (Е. Д. Поливанов и др.); признание «международного» статуса английского языка (Б. Арватов и др.).

Хотя в советском языкознании 1920–1940-х гг. большое значение приобрело «новое учение о языке», или яфетическая теория, Н. Я. Марра, в рамках которой был разработан «мировой аналитический алфавит», мы не будем, учитывая признанную в дальнейшем псевдонаучность марризма, подробно на нем останавливаться⁵.

Среди «интерлингвистов», которые занимались вопросом создания всемирного языка, были теоретики, классифицировавшие и популяризовавшие различные мировые языки, и те, кто занимался лингвоконструированием, разрабатывая собственные проекты. Среди представителей интерлингвистики в России необходимо назвать петроградские организации «Кружок говорящих на волапюке» (основан в 1889), «Эсперо» (1892), «Петроградский филиал Русского Всемирноязыкового Союза» (1923) и более представительное общество «Космоглот»⁶ (1916–1921, в 1921–1928 годах действовало в Таллине под названием «Космоглотт»), почетным президентом которого был И. А. Бодуэн де Куртенэ⁷, учредителем — В. К. Розенбергер, и куда входили не только лингвисты, но и представители других областей науки: П. Е. Стоян, Н. В. Юшманов, Я. И. Линцбах, Э. К. Дрезен, В. Ф. Шмурло, В. Е. Чешихин, Э. фон Валь и др. Ключевыми целями общества были исследование вопроса о международном языке, проведение идеи международного языка в жизнь и изучение искусственных и естественных языков (цит. по: Кузнецов, 2016, с. 118). Последний пункт, связанный с сопоставительным изучением всех искусственных и естественных языков, отличал «Космоглот» от других обществ, ориентированных на изучение и продвижение отдельных языков. Основные направления их исследования включали типологическое описание международных языков и лингвоконструирование, представлявшее широкий диапазон в связи с множеством типов мировых языков (проекты В. К. Розенберга, Я. И. Линцбаха, В. Е. Чешихина, В. К. Петрашевича, В. Ф. Шмурло и Н. В. Юшманова).

⁴ Изучение мировых языков получило государственную поддержку. В 1919 году при Наркомпросе была создана комиссия по проблеме международного языка, которая состояла из профессоров Московского университета Д. Н. Ушакова, В. К. Поржезинского и др.

⁵ См. об истории и заблуждениях марризма: (Алпатов, 1991).

⁶ Подробнее об истории и деятельности «Космоглота» см.: (Кузнецов, 2016).

⁷ О деятельности И. А. Бодуэна де Куртенэ в области интерлингвистики см. статью В. П. Григорьева «И. А. Бодуэн де Куртенэ и интерлингвистика» (Григорьев, 2006, с. 43–54). Основные работы И. А. Бодуэна де Куртенэ в этой области — «Об искусственном языке» (1905) и «Вспомогательный международный язык» (1908), где внимание уделено разграничению «искусственного» и «естественного» языка, а также введен термин «конструированный язык».

Рассмотрим подробнее проект эстонского лингвиста Я.И. Линцбаха, который разрабатывал «философский язык», критикуя эсперанто и волапюк за имитацию фонетической системы естественных языков и выдвигая в фокус графическую систему (принцип пазиграфии) (Линцбах, 1916). Поставив целью создать «идеальный» язык, Я.И. Линцбах достиг значительных результатов не столько в области интернациональной коммуникации, сколько в области семиотики⁸. Он сформировал подход для создания универсальной семиотической системы, основанной на передаче любых понятий с помощью разных медиаканалов. В функции разных носителей информации, согласно Я.И. Линцбаху, способны выступать геометрический чертеж, алгебраическая формула, музыкальная мелодия, игра телодвижений (пляска или ритмическая гимнастика), орнаменты и декорации (Там же, с. ix). Разработав такие основные принципы универсального языка, как сокращение, упрощение и упорядочивание, и выделив геометрические основания языка как набора «кратких выразительных схем» (Там же, с. 67), лингвист попытался создать универсальный мультимодальный набор семиотических ресурсов, способных конструировать коммуникативное событие, в том числе в области художественного (прежде всего, кино-) дискурса.

Одним из способов комбинирования разных семиотических ресурсов является «многопалое письмо», которое можно использовать для стенографии на специальных печатных машинках и в котором клавишам соответствуют не буквы, а различные органы и звуки речи, степень подъема языка и другие принципы артикуляции (рис. 1).

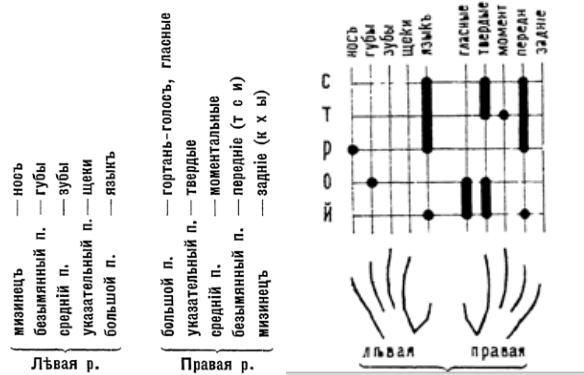

Рис. 1. «Многопалое письмо» Я.И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 28)

⁸ Хотя его работы долгое время не были достойно оценены потомками-лингвистами, выдающиеся семиотики высоко их оценивали (Kristeva, 1971, p. 42; Eco, 1976, p. 31), а отдельные исследователи даже оспаривали роль Ф. де Соссюра для семиотики (см. интервью К. Кулля и Е. Вельмезовой с эстонским математиком и программистом Л. Выханду: Kull, Velmezova, 2017, p. 179), поскольку и «Курс общей лингвистики», и «Принципы философского языка» были опубликованы в 1916 году. Отметим, в частности, что Я.И. Линцбах параллельно с Ф. Соссюром выдвинул тезис о произвольности знака: «Слова здесь сами по себе не выражают ничего, а являются лишь условными знаками, значение которых должно быть известно» (Линцбах, 1916, с. 64).

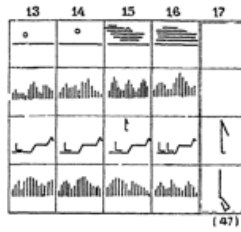

Ученый стремился свести разные формы выражения к бинарным оппозициям. Исходя из ограниченного количества математических знаков, красок на палитре художника и членораздельных звуков, которые различаются способом произнесения (глухие и звонкие, мягкие и твердые), Я. И. Линцбах делает вывод о том, что в искусстве и науке, математике и языке, пространстве и времени «цельное восприятие» складывается из выделения ограниченного числа элементарных элементов. При этом в основе логического, автоматического мышления лежит минимальное количество элементов, выраженное в виде бинарной оппозиции (Там же, с. 153–154). Он обозначает их как «знаки 2-го счисления», которые могут восприниматься разными способами (визуально, аудиально, тактильно и т.п.) и визуальное выражение которых может происходить с помощью нулей и единиц, белых и черных кружков. Среди других форм выражения выделяются ритмические телодвижения и позы, которые образуют «ручной язык» и при введении которых Линцбах ссылается на ритмическую гимнастику Ж. Далькроза (Там же, с. 165). Спектр движений человека он также сводит к двум элементарным жестам (поднятая и опущенная рука), а систему членораздельных звуков и тонов музыки доводит до двух звуков *a* и *o*, которые соответствуют знаку «один» и «ноль», что позволяет выстраивать ряд натуральных чисел (рис. 2). Подчеркнем, что «космический язык АО» авангардистов братьев Гординых также опирается на выделение двух базовых звуков (*a* и *o*), что говорит о взаимосвязи лингвистических и художественно-экспериментальных проектов в 1920–1930-е годы.

0	0	o
1	1	a
2	10	ao
3	11	aa
4	100	aoo
5	101	aoa
6	110	aa0
7	111	aaa
8	1000	aooo
9	1001	aooa
10	1010	aoao
11	1011	aoaa
12	1100	aaoo
13	1101	aa0a
14	1110	aaa0
15	1111	aaaa
16	10000	aoooo
17	10001	aoooa

Рис. 2. «Техника выражения знаков. Система членораздельной речи»
Я. И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 155)

При этом настоящим всемирным языком Линцбах признавал кинематограф, определяя его как язык, понятный каждому, «грамматика которого растворена в прямом изображении» (Там же, с. 70) и который закладывается в основу идеографического письма (рис. 3).

(47). Когда осталась позади изба и не стало видно горы, до-
рога пошла лѣсомъ. **13**
 Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе,
онъ нагналъ человѣка, который попросилъ посадить его въ **14**
 сани. **15**
 Онъ посадилъ его, и они поѣхали вмѣстѣ. **16**
 Человѣкъ этотъ былъ охотникъ,—при немъ было ружье. **17**
 (Вторая вставка, —обведена линіей).

Рис. 3. Идеографическое изображение «четырёхмерного мира на плоскости»
Я. И. Линцбаха (Линцбах, 2016, с. 83)

Ю. Кристева утверждает, что Линцбах не только предвидел формирование семиотики на базе лингвистики, но и предложил идею изоморфизма «семиотических практик с другими способами устройства нашего мира» (Kristeva, 1971, p. 39). Сформированную в работах Линцбаха всеобщую теорию символа Ю. Цивьян осмысляет как первую концепцию мультимодальности, поскольку в рамках этого подхода разрабатывается не только механизм кодирования, но и транскодирования информации (Tsivian, 1998). О междискурсивной природе этого универсального языка пишет С. Штретлинг, характеризуя его скорее как «язык искусства», чем как плановый язык международной коммуникации (Штретлинг, 2022).

Позже, в работе «Трансцендентная алгебра», Линцбах разработал «математическую идеографию», образец которой представлен на рис. 4 (i_1 — 'я', i_2 — 'ты', i_3 — 'он'), а также издал книгу «Универсальная математика и универсальный язык. Универсальная геометрия. Наглядное представление n-мерного пространства» (1950).

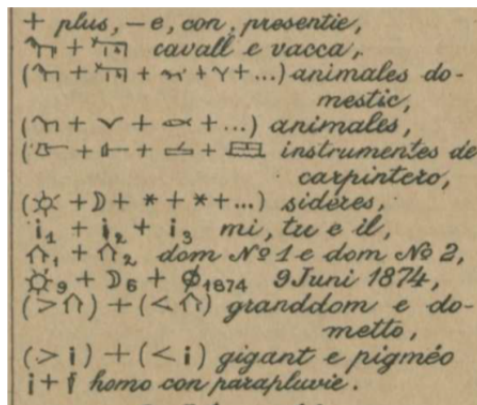

Рис. 4. «Математическая идеография» Я. И. Линцбаха (Linzbach, 1921, p. 3)

Проект Я. И. Линцбаха вызвал оживленную дискуссию среди современников⁹. Особенно большой резонанс получили идеи, связанные с универсальным киноязыком, в связи с публикацией фрагмента книги под названием «Кинематограф в роли языка» в журнале «Мир экрана» (1918). Как пишет Ю. Цивьян, эта трактовка блестяще подошла Дзиге Вертову и Сергею Эйзенштейну, каждый из которых по-своему пытался использовать фильм как «визуальный эсперанто» (Tsivian, 1998). Кроме того, идеи Линцбаха перекликались с уже существующими проектами «звездного языка» В. Хлебникова и «звездной азбуки» П. Митурича, с биомеханикой Вс. Мейерхольда, а также с алгебраическими вычислениями, лежащими в основе «цифрового» «космического языка» братьев Гординых (см. ниже).

Проекты других лингвистов, близких к «Космоглоту», носили апоптериторный характер и были ориентированы в первую очередь на создание упрощенной модели коммуникации, а не универсальной семиотической системы, объединяющей философский язык и язык искусства: «идиом-нейтраль» (“Idiom neutral” ‘нейтральный язык’) В. К. Розенбергера, «нэпо» (“Nepo” – ‘внук’ на эсперанто) В. Е. Чешихина (Чешихин, 1913), “Glott” В. К. Петрашевича (Pevich, 1917), «язык Ариадны» (“Esperido”, или “Ariadna lingvo”, Ariing) В. Ф. Шмурло (Дрезен, 1928, с. 209) и “Etem” Н. В. Юшманова (Юшманов, 1927). Многие из перечисленных языков (например, В. Е. Чешихина и Н. В. Юшманова) представляли собой проекты по усовершенствованию существующих международных языков (эсперанто, идо), а также были ориентированы на объединение европейских языков и культур: «Идеал междуязыка, точнее, ‘междуевропейского диалекта’ есть равнодействующая объединительных, упростибельных и усовершенствовательных стремлений языков европейской культуры, главным образом германских, романских и славянских» (Юшманов, 1927)¹⁰.

Отметим, что установка на создание «междуевропейского языка» пересекалась не столько с идеями русских и раннесоветских авангардистов, сколько с концепциями англо-американского авангарда. Концепция создания евроамериканского, «тигельного» языка была разработана Ю. Джоласом (мультилингвальным поэтом, редактором, переводчиком, а также другом Дж. Джойса), пыгавшимся осуществить проект создания языка международного литературного авангарда на страницах журнала “transition” (см. подробнее: Соколова, Фещенко, 2017).

С точки зрения типологии международных языков, значимый вклад сделал Э. К. Дрезен. В своей монографии «За всеобщим языком (Три века исканий)» (1928) ученый обозрел практически все существующие на тот момент теории универсального языка, в том числе и экспери-

⁹ П. Флоренский счел эту книгу «попыткой покуситься» на человеческий язык как высший дар (Флоренский, 1990, с. 187); в 1917 году профессор Московского университета лингвист В. К. Поржезинский выступил с докладом о книге Линцбаха.

¹⁰ Подробнее об интерлингвистических исследованиях Н. В. Юшманова см.: (Дуличенко, 2015).

ментально-художественные проекты русских поэтов (в общей сложности 373 проекта). Кроме того, особый интерес представляют его теоретические и практические разработки в области терминологии, которые можно соотнести с первым этапом проектирования международного языка.

Э.К. Дрезен был специалистом в области терминоведения, с 1913 года член комитета общества "Espero", позже его председатель, с 1921 года — руководитель Союза эсперантистов советских республик, с 1925 по 1936 год — генеральный секретарь Союза эсперантистов; в 1915 году был соучредителем общества «Космоглотт» и редактором отдельных номеров журнала «Международный язык»¹¹.

Среди широко круга интересов Э.К. Дрезена можно выделить два основных лингвистических направления, которые он развивал и у истоков которых стоял в России: интерлингвистика и терминоведение. В монографии «За всеобщим языком (Три века исканий)» представлена история создания всеобщего «рационального языка» (Дрезен, 1928, с. 35) и обзор различных «смешанных» проектов последнего времени (1907 — 1925). Среди них рассмотрены проекты упрощенного английского и немецкого языков, общеславянские и общескандинавские языки, а также так называемые «экспериментально-художественные» проекты: «сальвадор» сальвадорского поэта и драматурга Франциско Гавидья, «числовой язык АО» братьев Гординых и «звездный» язык Хлебникова под заголовком «Футуризм языка». Если идеи Гординых Дрезен отрицает уже за пананархические принципы их идеологии, то к языку Хлебникова относится более сочувственно, выделяя в качестве достоинства его фонетические основания. Это «язык, основанный на некоторых звуковых сочетаниях, передающих определенные сходные идеи каждому воспринимающему эти звуковые сочетания», который представляет интерес, поскольку «действительно, во многих языках однородные по своему значению слова и понятия передаются однородными звуковыми сочетаниями», хотя «отсюда еще весьма и весьма далеко до возможности выработки... всеобщего общепонятного языка» (Там же, с. 222 — 223).

Занимаясь актуальными проблемами стандартизации терминологии, Э.К. Дрезен «не только продемонстрировал исключительное знание вопросов терминологии, но и весьма солидно фундировал их идеологически» (Татаринов, 1993, с. 114). Уже в названии работы «Нормализация технического языка при капитализме и социализме» (1932), вышедшей как рецензия на немецкое издание книги Е. Вюстера "Internationale Sprachnormung in der Technik besonders in Elektrotechnik" (1931), строго лингвистический подход совмещается с идеологической установкой в виде пунктов «конкретной программы языковой политики в области техники». Однако обращение к проблеме терминологии было частью более общего интереса автора к международному языку, он ставит теоретический вопрос о соотношении явлений: «язык» — «национальный язык» — «технический язык». Вслед за Е. Вюстером

¹¹ О биографии Э.К. Дрезена и его терминологических разработках подробнее см.: (Татаринов, 1993).

Э.К. Дрезен актуализирует влияние социальных условий, в частности технического развития общества, на необходимость разработки специального, унифицированного и стандартизированного «технического языка».

По сути, такой язык является посредником между техникой как инструментом и человеком как субъектом. Э.К. Дрезен определяет «технический язык» как такой, который «используют инженеры и специалисты для выражения понятий и мыслей, относящихся к их специальным областям» (Дрезен, 1936, с. 231). В основе языкового нормирования лежала необходимость снятия омонимии и синонимии, избавление от функционально-содержательных ошибок, возникающих при переводе терминов, то есть различных неточностей и искажений; баланс между включением интернационализмов, обозначающих общие терминологические понятия в разных языках, и снятием терминологической псевдоинтернациональности. Принципы стандартизации репрезентативных возможностей языка, усложняющихся в связи с техническим прогрессом, предварили современные модели снятия морфологической и лексико-семантической омонимии в области компьютерной и корпусной лингвистики, а также получили развитие в изучении проблем перевода новых и многозначных терминов (см., напр.: Рунова, Фурменкова, Линевич, 2021).

Проект нормализации технического языка воспринимался самим Э.К. Дрезеном и как необходимый этап развития языка, соответствующий техническому прогрессу, и — в контексте интерлингвистических идей — как подготовительный этап к созданию международного языка.

Закладывая основы социолингвистического подхода к пониманию языка и подчеркивая значимость социального аспекта, Е.Д. Поливанов, с одной стороны, признавал значимость эсперанто (Поливанов, 2003, с. 55), а с другой — ориентировался на дальнейшую перспективу создания языка мирового общения, первыми подступами к которому было строительство алфавитов на латинской основе. Он называл такой алфавит «международным фонетическим алфавитом», характеризуя его выбор (например, якутами) как «смелый шаг в будущее, к латинскому, т.е. к наиболее интернациональному письму» (Там же, с. 85–86).

Кроме того, можно привести позицию Б. Арватова как представителя «ЛЕФа», который более радикально высказывался в отношении эсперанто. Его точка зрения была связана с критикой эсперанто как искусственной и «выдуманной системы», в противовес чему ставилась необходимость для языка быть не только средством международной коммуникации, но и частью культуры и идеологии (Арватов, 1930, с. 219). Вслед за лингва-франками предыдущих эпох (латынь, французский и др.), роль «международного языка пролетариата» Б. Арватов признавал за английским языком¹² как исторически близким европейским трудящимся, а также связывающим новые поколения с великой литературой и прогрессивной наукой (Там же, с. 223).

¹² О параллелях между проектами универсального языка в англо-американской художественно-экспериментальной и лингвистической традиции, в том числе о *Basic English* Ч. Огдена см.: (Соколова, Фещенко 2017).

Далее мы рассмотрим проекты мирового языка, которые проводились в поэтическом авангарде в 1920 – 1930-е годы.

3. Поиски «универсального» языка в русском поэтическом авангарде

Помимо социально-политических перемен и потребности в создании нового мирового языка, катализатором проектов универсального языка в авангардной литературе стал поиск нового художественного языка в условиях «кризиса языка»¹³, ознаменовавшего переход культуры от XIX к XX веку. «Кризис языка» привел к кризису мимесиса как искусства «подражания» действительности, к актуализации проблемы аутентичности художественного высказывания и к обновлению художественного языка.

Эти глобальные перемены повлияли и на проекты универсального языка в литературном авангарде. В целом конструирование мировых языков происходило параллельно в лингвистике и в поэтическом авангарде разных стран, авторы которого выдвигали различные концепции «очищения» языка от оков нормативного употребления и стремились к созданию нового, философско-поэтического языка. Среди поэтических подходов можно назвать «апофатический» язык Г. фон Гофмансталя («Письмо лорда Чандоса», 1902), возвращение к «истoku» немецкого языка (*Ursprung*) К. Крауса, проект “*lingua romana*” С. Георге (стихотворение “*Ursprünge*”, 1909), эксперименты А. Штрамма, концепции «языка будущего» Ф. Пессоа, «звездного языка» В. Хлебникова, «фонической музыки» А. Туфанова, международного заумного языка И. Терентьева, «космического языка» братьев Гординых, «райского языка» Х. Балля, мультилингвизма Дж. Джойса, «трансатлантического языка» Ю. Дзоласа и др.

Обращаясь к художественным экспериментам, отметим, что одной из наиболее структурированных и разработанных концепций стал «звездный язык» В. Хлебникова, который неоднократно становился предметом лингвистических исследований (Иванов, 2000, с. 342–398; Перцова, 2000; Григорьев, 2006; Соколова, 2015 и др.). Опираясь на теорию «языков-исчислений» Декарта и Лейбница¹⁴, которые были основаны на сведении всех сложных понятий и концепций к первичным, соответствующим «алфавиту человеческих мыслей» (*alphabetum cogitationum humanarum*, термин Лейбница), Хлебников разрабатывал свою «азбуку ума» (она же «азбука понятий», «звездная азбука»). Основные черты проекта Хлебникова – это, с одной стороны, неарбитrarность (неусловность) связи означающего и означаемого, а также приоритет зву-

¹³ Считается, что первым «кризис языка» сформулировал Гуго фон Гофмансталь в эссе «Письмо», или «Письмо Чендоса» (1902).

¹⁴ Поэт сам подчеркивал преемственность с теорией Лейбница, приводя восклицание философа: «Настанет время, когда люди вместо оскорбительных споров будут вычислять (воскликнут: *calculemus*)» (Хлебников, 2005, с. 108).

чания слова, что сближает его звездный язык с идеей Мерсенна; с другой — возможность «исчисления» значений, их комбинирования, поскольку, как писал Хлебников, «каждое имя есть только приближенное измерение, сравнение нескольких величин, какие-то знаки равенства» (Хлебников, 2005, с. 108). На семантизации согласных и выделении их как значимых единиц языка основаны проекты его азбуки и словарей. Например, «Словарь звездного языка (общего всей звезде, населенной людьми)» (1920), включающий помимо вербальных элементов математические символы, геометрические знаки и цветовые обозначения, подробно описанные в «Зангези» и в «Царапине по небу» (ср. с рассмотренным выше философским языком Я. И. Линцбаха).

Вслед за В. Хлебниковым цикл «Звездная азбука» создал художник П. Митурич, который попытался выразить единицы нового языка с помощью совмещения экспериментальных визуальных и пластических художественных элементов. После экспериментов Хлебникова заумный универсальный язык в 1924 году разрабатывал А. Туфанов, именовавший себя «Предземшара Зауми». Проект «фонической музыки» как нового языка, основной единицей которого были фонемы, или «звуковые жесты», строился на внимании к процессам архаизации и обновления, на совмещении исторических явлений языка, христианской глоссолатии и языкового эксперимента (Туфанов, 1924). Он акцентировал первичность когнитивной функции языка, что характерно для философских универсальных языков, хотя установка на межнациональную коммуникацию также была важна. Отказываясь от слов как «“ярлыков” на отношениях между вещами», отягченных «предметностью» значений, Туфанов выделял звук как основной материал литературного искусства и средство международной коммуникации. Именно звук, будучи «движением кинем и акусм», одновременно близок к природе, как музыкальный звук или жест (Там же, с. 8–9). Как и в целом для проектов универсального языка в поэтическом авангарде, для фонетического языка важна была перформативная действенность языкового знака: звук был призван *вызывать ощущения*, которыми он наделялся на стадии появления первых ономотопей и междометий.

Программное стихотворение Туфанова «Весна», написанное на «языке, понятном всем народам», состоит из «осколков» слов английского языка и зафиксировано транскрипционным письмом:

siin' soon	s'ii selle	soong s'e
siing s'eelf	siik signal'	s'eel' s'in'

(Там же, с. 12).

В основании «фонетической музыки» лежит многоэтапная трансформация процессов интерпретации, перцепции и когниции: «торможение» процессов восприятия должно привести к «воскрешению» звука. Это осуществляется уже на стадии рече- и звукопорождения за счет «психического сцепления с ощущением усиления преграды», которое подобно «своего рода “сошествию св. духа” (природы)» и равнозначно «дару говорить на всех языках» (Там же).

Другие проекты были предложены поэтами «Группы 41». И. Зданевич сформулировал понятие «жемчужной болезни языка», исцелить которую можно только через возвращение языка к «до-языковому» состоянию¹⁵. Один из заумных языков И. Зданевича — «Вивонный язык» — представляет интерес в связи не только с универсальными языками, но и с непосредственным взаимовлиянием поэтической революции языка и языка революции. И. Терентьев разрабатывал идею соединения поэтического авангарда и революции в мировом масштабе, в основе которой лежал международный заумный язык как выразитель беспредметности и нового социального строя. Эта лингвополитическая революционность выразилась в проекте перевода Маркса на заумный язык, что «заумь утвердило на осязаемом фундаменте марксизма» (из письма И. Терентьева к А. Крученых (23.12.1923), цит. по: (Марцадури, 1988)).

Рассмотрим подробнее менее изученную «концепцию космического языка АО» братьев Гординых.

4. «Космический язык» братьев Гординых

У истоков космического языка братьев Гординых¹⁶ стоят лингвистические проекты Хлебникова, среди которых был и «числовой язык». Хотя мы не обнаружили прямых упоминаний братьями Гордиными проекта Я. И. Линцбаха (это связано в том числе с тем, что большинство работ Гординых до сих пор не переиздано, а многие утрачены), однако уже само название их универсального языка («АО»), а также его математическая основа позволяют сделать предположение об их знакомстве с проектом Я. И. Линцбаха, а также подтверждают типологическую общность этих проектов. Расширенное название «языка АО» — «космический», «логический» и «панметодологический» язык. На этом языке сочетание АО буквально означает «изобретение» (Гордины, 1924, с. 5)¹⁷. Первые две редакции языка были созданы в 1919 и 1924 годах В. Л. Гординым, а в 1927 году язык был представлен на Первой Всемирной выставке межпланетных аппаратов и механизмов, где и получил название «космического» языка.

Кратко характеризуя основные особенности этого языка, отметим, что он относится к априорным, логическим языкам и организован по комбинаторному принципу. *Изобретение* становится ключевым понятием «языка АО», который формируется не только как средство коммуникации, но и как способ трансформации социума и действительности с помощью реорганизации языковой системы. Этот подход сходен с идеями философского языка Просвещения, однако в 1920-е годы, в си-

¹⁵ Подробнее см.: (Фещенко, Коваль, 2014, с. 290).

¹⁶ «Братья Гордины» — псевдоним Аббы Лейбовича Гордина (1887–1964) и Зеева Вольфа Лейбовича Гордина (1884 или 1885 или 1878 или 1879 — не ранее 1931). Братья родились в семье раввина, получили религиозное образование и овладели множеством языков (подробную биографию см.: (Геллер, 2019)).

¹⁷ Подробная история создания ими «космического языка» описана в ряде исследований: (Кузнецов, 2014; Кучинов, 2019).

туации конструирования новой общественной и политической системы, языковая инженерия обретает полноценный статус воздействия на сознание и социум. «Политический» статус универсального «языка АО» распространяется за пределы дискурсивной реализации (как язык политики или язык революции) или инструментальной функции (средство «космического» общения), выступая в роли лейбницевского *ars inveniendi* (искусство изобретения) новой реальности.

Важной для понимания природы космического языка является политическая программа Гординых, которую они вначале обозначили как *анархизм*, а потом — *пананархизм*. В их политических взглядах выражается радикальность планируемых реформ, которые должны реализоваться с помощью создания нового языка как средства универсальной межнациональной, а затем и межпланетарной коммуникации: «Пананархизм означает синтез (соединение) всех главных социальных идеалов, актов (действий) и устремлений к коренному перевороту и перестрою *всего общества*» (Гордины, 2019, с. 241).

Языковая концепция Гординых стала частью их более общей программы по обновлению и преобразованию человечества. При этом социально-антропологическое обновление было напрямую связано с инновациями в лексике и грамматике. Эти языковые новообразования характеризуют ключевые положения их пананархической и лингвocosмической теории. Они объявляют 1919 год началом новой эпохи и годом «изобретения Человечества», параллельно с языковым строительством заложившим основы нового быта, где общество будет организовано в форме «Социотехникума»¹⁸. При этом слово *техникум* понималось ими не в более позднем значении ‘учебное заведение’, но с этимологической точки зрения¹⁹ как «социальный техникум, обществостроительный техникум»; «социальная лаборатория», «институт социального эксперимента, усовершенствования и изобретения» (Там же, с. 236). Неологизм «социотехникум» включает такие основные компоненты значения, как творческое преобразование и строительство нового социума²⁰.

Другим важным для анализа языковой концепции Гординых понятием является *изобретательство*. Так, в выходных данных книги «Изобретение (как выход из всех тупиков и разрух и путь к бессмертию)» указано «Аоград», «2-й год по Изобретению Человечества» (1921), а на титульном листе размещен лозунг «Изобретатели всего земного шара, изобретайтесь!» Гордины создают целую парадигму слов с корнем *изобрет-* в области лингвистической терминологии, поскольку именно язык является тем орудием, благодаря которому возможна перестройка реальности. Так, в «Грамматике панметодологического языка АО» (1924)

¹⁸ Ср. с проектом «НОТ. Научная организация труда» А.К. Гастева.

¹⁹ «Техникум» от нем. *Technikum*, из лат. *technicus*, далее из др.-греч. *τεχνική* (буквально «искусная»), далее из *τέχνη* «искусство», из праи-е. **tek's-* «тесать, отделять».

²⁰ О технологическом измерении теории Гординых см.: (Кучинов, 2019).

грамматическая система приравнивается к классификации мира в разделе «ПЕРВАЯ или ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МИРА», где приводятся следующие определения частей речи:

1. $X\%X20$ азацо – изобретение или глагол.
2. $+\%X20$ эзацо – наизобретение или наречие.
3. $0\%X20$ озацо – поизобретенное (или осуществленное) или существительное.

(Гордины, 1924, с. 6).

Среди всех частей речи авторы выделяют глагол в качестве основного носителя функции изобретательства. Глагол обозначается как « $X\%X20$ ИЗОБРЕТЕНИЕ или (по-старому) ГЛАГОЛ» и характеризуется как «главная и первая основа современной экономики и идеологии, техники и культуры... Не существительное, найденное готовым, доминирует над цивилизацией, а глагол, изобретение, олицетворенное в орудиях и машинах. Сам “глагол” потому уж больше не глагольствование, а изобретение АО» (Гордины, 1924, с. 5). Наибольшее количество лингвистических терминов-неологизмов связано с описанием форм глагола: *самоизобретательный изобрет или самоизобретательный глагол $\sqrt{12X}$; взаимоизобретательное изобретение или взаимоизобретательный глагол $\sqrt{121X}$; изобрет-приизобретательное или глагол-прилагательное $X\sqrt{\%}X20$ (причастие)* и т. д.

В определении глагола маркируется его перформативность, способность не только обладать свойством предикативности и выражать основные грамматические категории (вид, время, модальность, залог и др.), но и воздействовать на действительность. Грамматические свойства глагола экстраполируются на его свойства как инструмента трансформации и преобразования действительности. Гордины проводят параллель между этимологией глагола как *глагольствования* (из ст.-слав. слово, речь, калька с лат. *verbum*, греч. *rema*), то есть ‘говорения’ в общем значении, и его главной ролью в высказывании, что свидетельствует о его доминировании при перестройке действительности языковыми средствами. Существительное, оно же «поизобретенное, или осуществленное», стоит после глагола, и «оканчивается на 0, нулевую степень, нулевой предел изобретения, конец изобретения» (Там же, с. 15).

Отметим, что концепция Гординых коррелировала с передовыми лингвистическими идеями того времени о категории предикативности, ставшей основанием для разграничения слова и словосочетания как номинативных единиц от предложения как предикативной и коммуникативной единицы, в работах М. А. Пешковского и В. В. Виноградова. Такое выведение в фокус глагола сигнализирует о внимании авторов к лингвистическим концепциям. Посредством этой иерархической категоризации между предикацией и номинацией они приближаются к выражению связи между языком, человеком и действительностью. Эти свойства грамматических категорий проецируются в теории Гординых на категории эмпирические и онтологические, что приводит к формированию всеобщих связей между вербальным, социальным и антропо-

морфным измерениями. Доминирование предикации как категории изобретения и творения подчеркивает значимость носителя языка, человека в общей системе языка и онтологии.

5. Выводы

В 1920–1930-е годы в России сложилась плодотворная почва для языковых экспериментов в лингвистике и поэтическом авангарде. Это было связано со многими причинами: социально-политическими и культурными изменениями, программой ликбеза и строительства алфавитов для безалфавитных народов, установкой на равноправие всех языков и на международный статус алфавитов, которые изначально строились на основе латиницы, а также в связи с перспективой формирования языка мировой революции. Необходимость интернациональной коммуникации осознавалась и поддерживалась на государственном уровне: открывались различные общества по изучению международных языков, лингвисты совместно с учеными из других областей науки, а также поэты-авангардисты конструировали универсальные языки – например, идиом-нейтраль В.К. Розенбергера, «нэпо» В.Е. Чешихина, “Glot” В.К. Петрашевича, «язык Ариадны» В.Ф. Шмурло, “Etem” Н.В. Юшманова и др. Лингвисты также занимались описанием и сопоставлением международных языков (к примеру, Э.К. Дрезен). Хотя эти проекты не получили прямой реализации, они повлияли на развитие таких дисциплин, как семиотика, машинный перевод, социолингвистика, терминоведение и когнитивная лингвистика.

Отдельного внимания заслуживают «авангардные» проекты универсального языка, которые также получили большое распространение в этот период. Опираясь на идеи Декарта и Лейбница, «звездный язык» В. Хлебникова и современные им лингвистические концепции, авангардисты разрабатывают свои проекты в 1920-е годы. Так, братья Гордины создают «космический язык АО», имеющий ряд общих черт с научными лингвистическими проектами: универсальные семиотические принципы, основанные на общности разных семиотических систем, поиск сходств между языком и алгеброй или геометрией, синтез вербальных и визуальных модусов. Однако их авангардный поэтический язык имеет и свои уникальные черты. Его важным прагматическим свойством оказывается перформативность, способность изменения словом не только действительности, но и сознания человека, и общественно-политического строя. Принципиальное отличие «поэтических» языков (Хлебникова, Туфанова, Гординых) от сконструированных международных языков (эсперанто, волапука и др.) заключается в том, что носитель языка получает не готовый «окаменевший» продукт, но динамичную систему, находящуюся в постоянном развитии. Интеракция представляет собой сложную систему взаимодействия не только между участниками диалога, но и между интерактантом и языком. Модель такой деавтоматизированной коммуникации будущего реализована «на практике» – в многоязычных авангардистских текстах. Здесь объединяются коммуникативная (единение человечества), когнитивная (преобразование сознания с помощью априорного языка) и социальная (преобразование общества) функции, а сам язык представляет собой не

просто инструмент для передачи информации, но механизм *ars inveniendi* ('искусство изобретения') для открытия новых понятий и связей между единицами.

При этом подчеркнем, что и среди лингвистических проектов можно выделить «философский» язык Я. И. Линцбах с его пониманием языка не как орудия коммуникации, а как универсальной семиотической мультимодальной системы, настроенной на транскодирование информации. Но этот проект выступает скорее исключением среди плановых языков, сближаясь с универсальными художественными языками.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Алпатов В. М. Марр. История одного мифа. М., 1991.
- Алпатов В. М. Японистика. Теория языка. Социолингвистика. История языкознания. М., 2017.
- Арватов Б. Об агит- и прозискусстве. М., 1930.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. М., 2002. Ч. 2 : Знаки, знаковые системы, коммуникация.
- Бодуэн де Куртене И. А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. М., 2010.
- Братья Гордины. Грамматика панметодологического языка АО. М., 1924.
- Братья Гордины. Анархия в мечте: Публикации 1917–1919 годов. М., 2019.
- Геллер Л. Анархизм, модернизм, авангард, революция. О братьях Гординых // Братья Гордины. Анархия в мечте: Публикации 1917–1919 годов. М., 2019. С. 341–419.
- Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М., 2006.
- Дрезен Э. К. За всеобщим языком (Три века исканий). М.; Л., 1928.
- Дрезен Э. К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация. М., 1936.
- Дуличенко А. Д. Между африканистикой и космоглоттикой: к концепции всемирного языка Николая Владимировича Юшманова // Вопросы языкознания. 2015. №1. С. 118–132.
- Золян С. Т. Вновь о соотносительности языка и генетического кода // Вопросы языкознания. 2016. №1. С. 114–132.
- Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. 2 : Статьи о русской литературе.
- Кузнецов С. Н. *Linguistica cosmica*: рождение «космической парадигмы» // Современная наука. 2014. №2. С. 39–65.
- Кузнецов С. Н. Петроградское интерлингвистическое общество «Космоглот». К столетию основания (1916–2016) // Современная наука. 2016. №1. С. 111–152.
- Кучинов Е. В. От пананархизма к АОизму и АИИЗу: очерк истории и мифологии одного инопланетного племени // Этнографическое обозрение. 2019. №6. С. 34–48.
- Линцбах Я. И. Принципы философского языка. Опыт точного языкознания. Пг., 1916.
- Марцадури М. Игорь Терентьев — театральный режиссер // Терентьев И. Собр. соч. Bologna, 1988. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/terentiev-sobranie/terentiev-sobranie.html#s006> (дата обращения: 01.01.2023).

Перцова Н. Н. О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911–1998. М., 2000. С. 359–384.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание [1931]. Смоленск, 2003.

Рунова Н. В., Фурменкова Т. В., Линевиц Н. Ю. Перевод новой социологической терминологии: проблемы и решения // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №2. С. 95–109.

Соколова О. В. Концепции «вселенского» и «универсального» языка в русском и американском авангарде // Критика и семиотика. 2015. №1. С. 268–283.

Соколова О. В., Фещенко В. В. «Революция языка» Юджина Джоласа: от «вертикальной» поэзии к «вертигральной» коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2017. №4. 2017. С. 67–83.

Татаринев В. А. Из истории отечественного терминоведения: Эрнест Карлович Дрезен // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 113–119.

Туфанов А. К зауми: Фоническая музыка и функции согласных фонем. Пб., 1924.

Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М., 2014.

Флоренский П. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2.

Хлебников В. В. Собрание сочинений : в 6 т. М., 2005. Т. 6, кн. 1 : Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922.

Чешихин В. Е. Новые варианты эсперанто: нэпо и нэпослава. Русский ключ с параллельным текстом на нэпо. Рига, 1913.

Штретлинг С. Рука за работой. Поэтика рукотворности в русском авангарде. М., 2022.

Юшманов Н. В. Идо – идеал междуязыка // Интернационалист / Internacionalista. Уфа, 1927. №1. С. 3.

Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington, 1976.

Jakobson R. Linguistics (Chapter IV) // Main trends of research in the social and human sciences. P. ; The Hague, 1970. P. 419–466.

Jespersen O. A new science: interlinguistics // Psyche. 1930–1931. Vol. 11. P. 57–67.

Kristeva J. L'expansion de la sémiotique // Essays in semiotics. Essais de sémiotique / ed. by J. Kristeva, J. Rey-Debove, D.J. Umiker-Sebeok. The Hague, 1971. P. 31–45.

Kull K., Velmezova E. Leo Vöhandu: informaatika seostest semiootikaga // Acta Semiotica Estica. 2017. №14. P. 176–183.

Linzbach J. Transcendent algebra: Ideografie matematical, experiment de un lingue filosofic. Reval, 1921.

Nöth W. Handbook of Semiotics. Bloomington, 1995.

Pevich V. [Петрашевич В. К.] Основы международного языка “Glot”. Петроград, 1917.

Tsivian Yu. Jacob Lintsbach as film semiotician // Elementa. 1998. №4. P. 121–129.

Об авторе

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

Для цитирования:

Соколова О. В. Диалог лингвистики и поэтического авангарда в России в 1920–1930-е годы: эксперименты с универсальным языком // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 8–29. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1.

THE DIALOGUE BETWEEN LINGUISTICS
AND THE POETIC AVANT-GARDE
IN RUSSIA IN THE 1920 – 1930s:
EXPERIMENTS WITH A UNIVERSAL LANGUAGE

O. V. Sokolova

Institute of Linguistics RAS
1 – 1 Bol. Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on June 07, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1

The article explores the concept of a 'universal language', which was prevalent in both linguistics and the poetic Avant-garde in Russia during the 1910s-1920s. This period was marked by socio-political reforms that led to new realities and concepts. As a result, societies studying international languages, such as Esperanto, Ido, Interlingua, and Novial, were formed, and many scholars including Jakob Linzbach, Nikolay Yushmanov, and Evgeny Shmurlo attempted to create new international languages while systematizing and building a typology of universal languages. Of particular interest among the Avant-garde concepts is the 'cosmic language of AO' by the Gordin brothers, which builds on Khlebnikov's 'star language tradition but aims for cognitive and linguo-social changes. The article compares the scientific and poetic universal languages and concludes that there is a pervasive tendency towards linguistic experimentation.

Keywords: universal language, interlinguistics, linguistic creativity, poetic avant-garde, Jakob Linzbach, Gordin brothers

References

- Akhmanova, O.S., 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow (in Russ.).
- Alpatov, V.M., 1991. *Marr. Istoriya odnogo mifa* [Marr. History of a myth]. Moscow (in Russ.).
- Alpatov, V.M., 2017. *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniiya* [Japanese studies. Theory of language. Sociolinguistics. History of linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Arvatov, B., 1930. *Ob agit- i proziskusstve* [About agitation and prose art]. Moscow (in Russ.).
- Barulin, A.N., 2002. *Osnovaniya semiotiki. Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya. Ch. 2: Znaki, znakovye sistemy, kommunikatsiya*. [Foundations of semiotics. Signs, sign systems, communication. Part 2. Signs, sign systems, communication]. Moscow (in Russ.).
- Baudouin de Courtenay, J.N., 2010. *Yazykovedenie i yazyk: Issledovaniya, zamechaniya, programmy lektsii* [Linguistics and Language: Studies, remarks, lecture programs]. Moscow (in Russ.).
- Brat'ya Gordiny, 1924. *Grammatika panmetodologicheskogo yazyka AO* [Grammar of the panmethodological language of AO]. Moscow (in Russ.).
- Brat'ya Gordiny, 2019. *Anarkhiya v mechte: Publikatsii 1917 – 1919 godov* [Anarchy in the Dream: Publications 1917 – 1919]. Moscow (in Russ.).
- Cheshikhin, V.E., 1913. *Novye varianty esperanto: nepo i neposlava. Russkii klyuch s parallel'nym tekstom na nepo* [New versions of the esperanto: nepo and neposlava. Russian key with parallel text in nepo]. Riga (in Russ.).

Drezen, E. K., 1928. *Za vseobshchim yazykom (Tri veka iskanii)* [Behind the universal language (Three centuries of searching)]. Moscow (in Russ.).

Drezen, E. K., 1936. *Nauchno-tekhnicheskie terminy i oboznacheniya i ikh standartizatsiya* [Scientific and technical terms and designations and their standardization]. Moscow (in Russ.).

Duličenko, A. D., 2015. Between africanistics and cosmoglottics: on the concept of universal language as conceived by Nikolai Vladimirovich Yushmanov. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1. pp. 118 – 132 (in Russ.).

Eco, U. A., 1976. *Theory of Semiotics*. Bloomington. Indiana University Press.

Feshchenko, V. V. and Koval', O. V., 2014. *Sotvorenie znaka. Oчерki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [Creation of a sign. Essays on linguistic aesthetics and semiotics of art]. Moscow (in Russ.).

Florensky, P., 1990. *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought], Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Geller, L. 2019. Anarchism, modernism, avant-garde, revolution. About Gordin brothers. In: Brat'ya Gordiny, eds. *Anarkhiya v mechte: Publikatsii 1917–1919 godov* [Gordin brothers. Anarchy in the Dream: Publications 1917–1919]. Moscow, pp. 341 – 419 (in Russ.).

Grigor'ev, V. P., 2006. *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka. Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody* [Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of language. Selected works of the 1958–2000s]. Moscow (in Russ.).

Ivanov, Vyach. Vs., 2000. *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 2. Stat'i o russkoi literature* [Selected works on semiotics and cultural history. Vol 2: Articles on Russian Literature]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R., 1970. Linguistics (Chapter IV). In: *Main trends of research in the social and human sciences*. Paris, The Hague: Mouton, pp. 419 – 466.

Jespersen, O., 1930–1931. A new science: interlinguistics. *Psyche*. Vol. 11, pp. 57 – 67.

Khlebnikov, V. V., 2005. *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 6, kn. 1: Stat'i (nabroski). Uchenye trudy. Vozzvaniya. Otkrytye pis'ma. Vystupleniya. 1904–1922* [Collected works: in 6 vols. Vol. 6, book 1: Articles (sketches). Scientific works. Proclamations. Open letters. Performances. 1904–1922]. Moscow (in Russ.).

Kristeva, J., 1971. L'expansion de la sémiotique. In: J. Kristeva, J. Rey-Debove and D.J. Umiker-Sebeok, eds. *Essays in semiotics. Essais de sémiotique*. The Hague: Mouton, pp. 31 – 45.

Kuchinov, E. V., 2019. From Pan-Anarchism to AOism and AIIZ'm: An Essay in the History and Mythology of an Alien Tribe. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 6, pp. 34 – 48 (in Russ.).

Kull, K. and Velmezova, E., 2017. Leo Vöhandu: informaatika seostest semiootikaga. *Acta Semiotica Estica*, 14, pp. 176 – 183.

Kuznetsov, S. N., 2014. Linguistica cosmica: the birth of the “cosmic paradigm”. *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 2, pp. 39 – 65 (in Russ.).

Kuznetsov, S. N., 2016. The centenary (1916–2016) of Petrograd interlinguistics society Kosmoglot. *Sovremennaya nauka* [Modern Science], 1, pp. 111 – 152 (in Russ.).

Linzbach, J., 1916. *Printsipy filosofskogo yazyka. Opyt tochnogo yazykoznaniiya* [Principles of philosophical language. Experience of exact linguistics]. Petrograd (in Russ.).

Linzbach, J., 1921. *Transcendent algebra: Ideografie matematical, experiment de un lingue filosofic*. Reval (Estonia).

Martsaduri, M., 1988. Igor Terentyev – theater director. In: *Igor' Terent'ev. Sobranie sochineniy*. Bologna: S. Francesco. Available at: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/terentiev-sobranie/terentiev-sobranie.html#s006> [Accessed 1 January 2023] (in Russ.).

Nöth, W., 1995. *Handbook of Semiotics*. Bloomington.

Pertsova, N.N., 2000. About the “star language” of Velimir Khlebnikov. In: *Mir Velimira Khlebnikova. Stat'i i issledovaniya 1911 – 1998* [World of Velimir Khlebnikov. Articles and research 1911 – 1998]. Moscow, pp. 359 – 384 (in Russ.).

Pevich, V. [Petrashevich V.K.], 1917. *Osnovy mezhdunarodnogo yazyka “Glot”* [The foundations of the international language “Glot”]. Petrograd (in Russ.).

Polivanov, E.D., 2003. *Za marksistskoe yazykoznanie (1931)* [For Marxist Linguistics (1931)]. Smolensk (in Russ.).

Runova, N.V., Furmenkova, T.V. and Linevich, N. Yu., 2021. Translation of new sociological terminology: challenges and solutions. *Slovo. ru: baltic accent*, 12 (2), pp. 95 – 109, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-2-6> (in Russ.).

Sokolova, O.V. and Feshchenko, V.V., 2017. “The revolution of language” by Eugene Jolas: from “Vertical” Poetry to “Vertigral” Communication. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 4, pp. 67 – 83, <https://doi.org/10.17223/18137083/61/7> (in Russ.).

Sokolova, O.V., 2015. Conceptions of the “Global” and “Universal” Language in the Russian and American Avant-Garde. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 1, pp. 268 – 283 (in Russ.).

Strätling, S., 2022. *Ruka za rabotoi. Poetika rukotvornosti v russkom avangarde* [Hand at work. Poetics of man-made in the Russian avant-garde]. Moscow (in Russ.).

Tatarinov, V. A., 1993. From the history of Russian terminology: Ernest Karlovich Dzen. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 3, pp. 113 – 119 (in Russ.).

Tsvian, Yu., 1998. Jacob Lintsbach as film semiotician. *Elementa*, 4, pp. 121 – 129.

Tufanov, A., 1924. *K zaumi: Fonicheskaya muzyka i funktsii soglasnykh fonem* [Towards zaum': Phonic music and functions of consonant phonemes]. St. Petersburg (in Russ.).

Yushmanov, N.V., 1927. Ido is the ideal of an interlanguage. *Internatsionalist / Internacionalisto*. Ufa, 1, p. 3 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2016. Rethinking the correlations between language and genetic code. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 114 – 132 (in Russ.).

The author

Prof. Olga V. Sokolova, Senior researcher, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia.

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

To cite this article:

Sokolova, O.V., 2023, The dialogue between linguistics and the poetic avant-garde in Russia in the 1920–1930s: experiments with a universal language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 8 – 29. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-1.

**ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ПОИСК И ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ»
КАК ОЛИЦЕТВОРЯЮЩИЕ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ**

З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Россия, 121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Поступила в редакцию 09.09.2022 г.

Принята к публикации 31.01.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2

Статья посвящена анализу фрагмента метафорической системы языка русской поэзии XIX – XXI веков. Данный фрагмент, в свою очередь, входит в семантический класс олицетворяющих метафор со значением «Язык, речь» и включает в себя единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации». К этой группе относятся две подгруппы слов. Первая связана с «вопросом» (вопрос, спросить, вопрошать, выспросить, спрашивать, спросить, расспрашивать, расспрос, переспросить, допросить, допрос), вторая – с «ответом» (ответ, ответить, отвечать, ответствовать, ответно, ответный). Состав подгрупп определялся с опорой на классификацию, данную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Цель работы – рассмотреть функционирование вышеуказанных лексем в русской поэзии XIX – XXI веков, определить семантические классы предметов олицетворения, с которыми они сочетаются, выявить их роль в организации поэтического текста и связь с мировоззренческими представлениями поэта. Материал для исследования извлекался из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка. При анализе языкового материала использовались корпусный метод, метод семантического поля, структурно-функциональный метод. В результате исследования сделаны выводы о сравнительной частоте персонификаторов двух выделенных подгрупп: частота употребления слов со значением «Поиск информации» в качестве персонификаторов в несколько раз меньше, чем слов со значением «Получение информации». Выделены семантические классы предметов олицетворения, выступающие в рассматриваемых конструкциях, и установлено, что их распределение по образам сравнения «вопрос – ответ» неравномерно. Сделан также вывод о том, что рассматриваемые образные средства вносят в текст диалогичность, а в ряде конструкций эта диалогичность повышается. Имеются в виду конструкции с императивом и обращением, прямая и косвенная речь, создающая диалогические, в частности вопросно-ответные, единства. Выявлена роль таких вопросно-ответных единств в организации внутреннего диалога, в процессе которого формулируются важные для поэта мировоззренческие установки.

Ключевые слова: поиск и получение информации, вопрос, ответ, персонификация, язык русской поэзии XIX – XXI веков, диалог, внутренний диалог

1. Введение. Постановка проблемы. Цели исследования

Данное исследование проводится в рамках проекта «Метафоры и сравнения со значением персонификации в русской поэзии конца XVIII – XXI века. Образное поле “Язык, речь”», цель которого – пред-

ставить целостное и многоаспектное описание фрагмента системы метафор и сравнений русской литературы, исследовать его эволюцию на протяжении около двух с половиной веков, получить представление о частоте использования различных элементов поля. Исследование проводится на большом массиве материала языка художественной литературы, полученного на основе Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Выбранный фрагмент системы тропов — метафоры и сравнения, образы сравнения которых относятся к полю «Язык, речь», — это один из самых значительных, разветвленных и широких по охвату предметов сравнения. Компаративные тропы, составляющие предмет анализа в данной статье, являются одной из лексико-семантических групп, входящих в это образное поле.

В состав группы «Поиск и получение информации» входят две подгруппы слов. Первая связана с «вопросом» (*вопрос, спросить, вопрошать, выспросить, выспрашивать, спрашивать, спросить, расспрашивать, расспрос, переспросить, допросить, допрос*), вторая — с «ответом» (*ответ, ответить, отвечать, отвечать, ответно, ответный*). Состав этих групп определялся с опорой на классификацию, данную в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой (Русский семантический словарь, 2003; 2007); при этом в вышеприведенный перечень включены не все элементы соответствующих лексико-семантических групп, представленных в словаре, а только те, которые встретились в персонифицирующих метафорах при поиске в НКРЯ. Обе указанные группы связаны с ситуацией «диалога» и нередко представляют собой «вопросно-ответное единство».

Сама диалогическая ситуация в лирике не раз была объектом научного исследования (Левин, 1973; Бройтман, 1985; Ковтунова, 1986; Бердникова, 2008; Федосеева, 2009; Миннулин, 2010; Колокольцева, 2019 и др.), однако в число форм, указывающих на диалогическое отношение (вопрос, обращение, формы второго лица, императив, часто сопровождаемые восклицательной интонацией), не входили лексемы групп «вопрос — ответ». При этом сами вопросы и ответы в диалогической речи подлежали классификации (см. Голубева-Монаткина, 1991; 2004), однако не принимались во внимание особенности диалогических отношений в поэтическом тексте и также не изучались рассматриваемые нами лексемы. Собственно вопросительные предложения в лирике рассматривались в ряде исследований (Ковтунова, 1986, с. 128–139; Хазбулатова, 2012; Кульсарина, Хисамова, 2021). В частности, Т.А. Хазбулатова рассматривает лирический вопрос «как форму обнаружения неопределенности, неясности неких фрагментов действительности или неудовлетворенность данным положением дел, а также как наиболее явную и непосредственную форму осуществления внутреннего диалога как процесса познания действительности» (Хазбулатова, 2012, с. 5).

Лексемы со значением вопроса и ответа как маркеры диалогической ситуации в контекстах олицетворения во всех этих работах не были предметом изучения. Цель нашего исследования — рассмотреть с привлечением обширного корпусного материала функционирование дан-

ных лексем в русской поэзии XIX–XXI веков, определить семантические классы предметов олицетворения, с которыми они сочетаются, выявить их роль в организации поэтического текста, в формулировании мировоззренческих представлений поэта.

2. Семантическая классификация предметов олицетворения

Олицетворение, или персонификация (приписывание в контексте художественного произведения неживым предметам, животным, растениям и отвлеченным понятиям человеческих свойств (Петрова, Фатеева, 2019, с. 35), предполагает, что в позиции субъекта (в данном случае — в позиции говорящего) находится не-лицо. Нами были выделены следующие наиболее крупные семантические классы предметов олицетворения в сочетании со словами лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» в качестве персонификаторов: «Окружающий мир», «Время», «Внутренний мир человека», «Жизнь, смерть, судьба», «Части тела человека, физические состояния», «Социальный план человека», «Языковые явления». Самый обширный класс «Окружающий мир» подразделяется на подклассы «Атмосферные явления», «Водные объекты», «Животные», «Растения», «Земля, рельеф, пространство», «Небо и небесные тела», «Свет». «Звук», «Предметы, созданные человеком». Класс «Внутренний мир человека» подразделяется на подклассы «Душа, сердце», «Чувства, эмоциональные состояния», «Интеллект», «Совість»¹.

2.1. Семантическая классификация предметов олицетворения в сочетании с персонификаторами со значением «Поиск информации»

Персонификаторы со значением вопроса и ответа отличаются разной шириной охвата элементов перечисленных семантических классов предметов олицетворения и разной частотой употребления в стихотворных текстах. Здесь сразу отметим, что, судя по нашим подсчетам, слова со значением вопроса встречаются в текстах в целом в пять раз реже (около 70 контекстов), чем слова со значением ответа (около 350 контекстов), хотя сам их набор шире. Это свидетельствует о том, что вопрошать более свойственно человеку — лирическому субъекту, и, соответственно, на вопрос отвечают все остальные сущности и реалии. Всеохватность отвечающих сущностей находит свое выражение в том, что в позиции субъекта может быть местоимение «всё»: «**Всё**, сокрытое в недрах творенья, / **Всё** душе *отвечает* на зов: / Из земли возникают растения, / Пробуждаются струны певцов...» (Н. Щербина 1846–1850), «Я с камнем беседу вел, имел разговор с золой, / *допрашивал* пепел изб, допытывал снег и лед, / я много сырых ночей вопригирку провел с землей, / и **всё** отвечало мне: болотами лишь вперед!» (С. Кирсанов 1943).

¹ Данная классификация при словарном описании олицетворения уже была апробирована нами в работах (Петрова, Фатеева, 2019; 2021).

Рассмотрим сферу охвата персонификаторов со значением вопроса. Контексты с ними, как уже было сказано, встречаются не очень часто. Из реалий и существ окружающего мира слова со значением вопроса чаще всего характеризуют *зверей и птиц* — *конь, птица, ворон*: «Если ж случилось, что *рыцарев конь*, на свободе бродивший По лугу, ржаньем своим его пробуждал и как будто *Спрашивал*: скоро ли в битву?» (В. Жуковский 1836), «В маленькой клетке щебечет и мечется, Что-то повторяет бесконечное. Войдешь — *расспросы за расспросами*, Хлопоты знакомые» (И. Эренбург 1915), «Там залетная лишь *птица* *Вопрошает* тишину» (Б. Лившиц 1934), «Что не *спросит ворон* вещей, Пролетая: “Как дела?”» (Н. Овсянников 1938).

Из реалий неживой природы — это

- *свет и светила*: «Чрез отверстый зев утесов Сверху в сей заклеп земной Робко входит *свет дневной*, Будто он лишь для *расспросов*: Что творится над землей?» (В. Бенедиктов 1839), «Встречные тихо ее [душу] *вопросили светила*: “Что ты грустна? <...>”» (А. К. Толстой 1858), «Рассказали страшное, Дали точный адрес. Отпирают, *спрашивают*, Двигутся, как в театре» (Б. Пастернак. Звезды летом, 1917—1919), «Ой-ей-ей, *спроси* меня, *ясная звезда*, Не скучно ли долбить толоконные лбы?» (А. Башлачев 1985);

- *атмосферные явления* — *дождь, ветер, гром*: «*Дождь*, верно, первым выйдет из лесу И *выспросит*, где тор, где топко» (Б. Пастернак 1921), «Когда туман росы алмазы сбросит, Влюбленной Суламифи и весны Гортанный окрик *ветер переспросит*» (Х. Кроткова 1927), «*Спросит гром* своих знакомых: — Вы, грома, видали, Чтобы липу до черемух Замуж выдавали?» (О. Мандельштам 1937);

- *водные объекты* — *волны, пучина*: «О, *волны*, нет ответа вам. <...> О чем вы *вопросаете*, О чем шумите вы, Когда вы одеваете Все ткани силены, Когда порой полдневною, Открыв лазурный взор, Сливаеете напевные Вопросы в стройный хор?» (М. Цетлин (Амари) 1905), «А Севастополь спит еще, И утро так пустынно, Кругом такая тишь, Что на *вопрос пучины*, — Откуда этот гром, В ответ пустыне пристани: От плеска волн по диску, От пихт, от их неистовства, От стука сонных лиственниц О черепицу крыш» (Б. Пастернак 1926—1927);

- *земля, камни*: «И *камни* о нем на своем языке *вопросили*: Чей вздох, — не дыхание ветра, — нас жжет?» (Н. Минский 1907), «Дисциплиной Сжав материки, По земле идут большевики, И *земля* у них *спросить* боится: В ту ли сторону она вертится?» (М. Светлов 1932).

В позиции вопрошающего субъекта могут быть и *предметы, созданные человеком*, в первую очередь производящие звук: «Дунешь в хвост, и жалобная *дудка* *Спрашивает* тихо: “Где мой дом?”» (С. Черный 1921), а также и некоторые другие: «*Предметы* вчуже *спрашивают*: — Вы ли / когда-то населяли этот кров?» (Б. Ахмадулина 1999), «В миг полуосени-полузимы / что твоя *туфелька* мне ворожила? / Мертвые листья она ворожила, / что-то *выспрашивая* у земли» (Е. Евтушенко 1971).

Задавать вопросы могут одновременно несколько реалий окружающей действительности, что выражается в конструкциях перечисления: «Даль скользит со словами: навряд и едва ль — От *расспросов ку-*

стов, полустанков и птах, И лопат, и крестьянок в лаптях на путях» (Б. Пастернак 1916), «Пусть спросят *синь* / и *желтизна*, пусть эта *церковь* спросит, / когда с лучом играет на холме, / пусть спросит холм, скрывающий покуда, / что с ним вовек не разминуться мне, / и *ветхий пруд*, и *дерево у пруда*, / пусть *осень* любопытствует: куда, / зачем спешу по направлению к лету / вспять увяданья?» (Б. Ахмадулина 1962). В последнем примере обращает на себя внимание глагол *любопытствовать*, синонимичный глаголу *спросить*.

Кроме реалий окружающего мира, предметами олицетворения в сочетании со словами лексико-семантической подгруппы «вопрос» могут выступать *сущности внутреннего мира человека*:

- в первую очередь *сердце*: «*Сердце* рвется *спросить* — Но вопрос на устах замирает» (П. Ершов 1834), «И *сердце*, уныло, Вдруг вспомнило ясно Счастливое прежде, И *сердце* спросило: Ужель изменило Всё то, что прекрасно?» (И. Мятлев 1834), «Снятся мне глаза, слегка косые, Бронзовые, скифские черты, И когда мне говорят: «Россия», *Спрашивает сердце*: «Ольга, ты?...»» (М. Вега 1955);

- *чувства* — *страсти, горе, страх*: «Роковые *вопросы страстей* — Рождение дня многошумного!» (А. Коринфский 1895), «В городе брошенных душ и обид *Горе* не *спросит* и ночь промолчит» (И. Эренбург 1940), «Но у князя дрожит / нога, / князь сегодня бежит, / но как? / Разве *спрашивает* / *страх*?» (В. Соснора 1959), «Но *вопрошал* мой *страх*: что с нею [сиренью]? не цветет ли?» (Б. Ахмадулина 1981)²;

- *интеллект* — *ум, дума*: «А если этот *ум* вдруг *спросит*: К чему так создан этот мир, А не иначе?» (А. Тимофеев 1834), «Не быть иль быть — *вопрос* прямолинейный / мне задает мой бедный *ум*» (И. Бродский 1961), «Моя *дума* за вашей летала, Она вашею мыслью жила И нередко себя *вопрошала*: Где источник безумья и зла?» (Д. Михайловский 1881).

Совесть как элемент внутреннего мира человека особенно пристрастна к нему в вопросах: «Меня *допрашивает Совесть*: “Ты за день сделал ли, что мог? Был добр, и зряч? правдив, и целен? А чист ли был, скажи, твой слог? И просто, друг: ты был ли делен?”» (Вяч. Иванов 1912), «*Вопрошает совесть*, как священник, Обличает Мученика тень...» (А. Несмелов 1942).

Из *частей тела* человека чаще всего вопрошают *глаза*, при этом используются различные предикаты: «И всё ж *выспрашивают* наши *Глаза*, пытая из-под век, Здесь среди камней, поднявший чаши, Какой теперь пирует век?» (П. Васильев 1932), «Но ель еще в цвету, свежи ее гирлянды, / еще резва игра гаданий и шарад. / *Глаз* — фонари ее *допросит*: впрямь горят ли, / дознается: каков смысл, заданный шарам» (Б. Ахмадулина 1999).

Вопросы задают и *пальцы*, но в этом случае мы имеем дело с метонимическим употреблением: «Губы дышали зноем земли. «Ты здесь? ты здесь?» — *Пальцы спрашивали* И нашли» (И. Эренбург 1918).

² Во многих контекстах с предметами олицетворения семантического класса «Внутренний мир человека» наблюдается взаимодействие персонификации с метонимией: сердце и чувства выступают как заместители человека.

Сфера языковых явлений также связана с персонифицирующими предикатами со значением вопроса, в нашем материале зафиксированы спрашивать и допросить: «О слово вещее, слово — сила, О мысли членораздельный звук! Ты всю вселенную допросило. Познание — мощь наших слабых рук» (И. Коневской 1899), «О, Рифма, / бедное дитя, / у двери найденный подкидьщ, / лепечешь, / будто бы хотя / спросить: “И ты меня покинешь?”» (С. Кирсанов 1971).

В семантической категории «Время» с предикатом вопрошать сочетается слово вечность: «Старюсь в сомненьях О великих тайнах, Идут невозвратно Веки за веками; У каждого века Вечность вопрошает: “Чем кончилось дело?”» (А. Кольцов 1833), с предикатом спросить — полночь: «Дым плывет по комнате, Гарью темень полнит. Полночь спросит: “Помните?” Что ж, скажу, запомнил!» (П. Коган 1936).

Надо отметить, что если слова подгруппы «Вопрос» относятся к лирическому субъекту — человеку, то адресаты вопросов тоже в определенной степени олицетворяются, например: «Как часто у судьбы я допросить хотел, Какую пристань мне она готовит... Зачем неравный бой достался мне в удел, Зачем она моим надеждам прекословит?» (А. Плещеев 1856), «Вершины белых гор Под красным солнцем светят. Спроси вершины гор — Они тебе ответят. Расскажут в тихий час Багряного заката, Что нет любви для нас, Что к счастью нет возврата» (К. Бальмонт 1898), «Стала озеро выспрашивать, Оно стало мне рассказывать Тайну тихую поддонную Про святую Русь крещеную» (Н. Клюев 1908–1918), «“Куда...” — спрашиваю я у ветра» (Н. Оцуп 1918), «Азбуку монахов-славянолюбцев Буквы знакомые с детства Буквы спрошу, хор кириллицы Отчего так злосчастливы, спрошу Люди нашей земли» (С. Стратановский 1990–1999).

2.2. Семантическая классификация предметов олицетворения в сочетании с персонификаторами со значением «Получение информации»

Гораздо более частотны слова подгруппы «Ответ» в качестве персонификаторов. Они характеризуют намного более широкий круг реалий во всех семантических классах предметов олицетворения, чем слова со значением вопроса. Отмечены и такие классы предметов олицетворения, элементы которых не были зафиксированы или представлены единичными контекстами в сочетаниях с персонификаторами со значением «Поиск информации». Таков, например, класс «Растения», который содержит разнообразные видовые обозначения

- *деревьев*: дуб, ель, сосны, тополь, береза, родовое слово — *деревья*: «Но зато листвою жесткой Отвечать совсем не прочь [дуб] И тому, что день подсказет, Что тебе нашепчет ночь!..» (К. Случевский 1902), «Не забудут сосны шумом Отвечать на ветер с моря, И мечты валам угрюмым Откликаться, бору вторя» (В. Брюсов 1911), «Луч бродит ощупью <...> А сосны, как палат незыблемых столпы, В угрюмо-сизые стеснились толпы, Лучу воинственным багрянцем отвечают И, равнодушные,

ущерб времен встречаются» (Вяч. Иванов 1919), «И ночь надо мной, и так надо мною скучает, / что падает ключ, и *деревья* ему *отвечают*, / и выше растут и, встречаясь с другими ключами...» (О. Седакова 1976–1978);

• *их совокупностей и частей: дებрь, лес, бор, ветки, листва*: «Он имя милое невольно повторяет; Сказав однажды, я стремлюсь его твердить; И *дებрь* пустынная, всех тайн моих могила, Ему *ответствует* стенанием глухим» (А. Мерзляков 1806), «И тогда *ответит* нам Шумом *лес* темнородый, Залепечет по камням Ключевой язык природы!..» (И. Уткин 1930), «И на оклики черные вранов *Отвечает* нам *бор* угрюмо» (Б. Нарциссов 1974), «Слышат древесные *ветки*, Стали цветам *отвечать*: “Полно вам, милые детки, Без толку хором болтать!”» (К. Случевский 1898), «Если воздух внести на руках, как ребенка грудного, / в зацветающий куст, к недающимся розам, к сурово / *отвечающим веткам* <...>» (О. Седакова 1976–1978), «Как будто соловей взалхлеб поет на ветке И вздохами ему *ответствует листва*» (В. Блаженный 1992);

• *цветов*: «Мой *цветок* распускается цветом своим, И из всех лепестков, *отвечая* весне, Льет живой аромат под дыханьем твоим» (К. Случевский 1889), «Мне вздохом *роза* *отвечала*: “Твою царицу я встречала В садах невест, где ждет, грустна, С дарами роз и мирт Весна”» (Вяч. Иванов 1910–1911), «Смеется краска, смеется линия; *Ромашки* шутят своим *ответом*» (В. Набоков 1916);

• *трав, злаков*: «Слушала *осока*, глубоко вздохнула, *Отвечает* ветру: “Ветер-благодетель, Буде ваша милость вовсе бы не дула, Я росла бы прямо, стройно! <...>”» (К. Случевский 1898), «Мне *травы* на крик *отвечали* И плакали росы со мною» (М. Шкапская 1921), «*Отвечала* мне *тиеница*, / чуть качая головой» (Е. Евтушенко 1955).

Большим количеством контекстов отличается класс предметов олицетворения «Звук», также не представленный в нашем материале в сочетании со словами со значением вопроса. Он содержит родовое слово *звук* и различные обозначения звуков: *эхо* (самое частотное), *стук*, *звон*, *гул*, *гудок*, *музыка*: «Я лиру взял рукой нетерпеливой, И первый *звук* *ответил* чудно мне» (П. Ершов 1838), «И эхо гор захохотало, И *эхо* волн им *отвечало*» (А. Хомяков 1820), «Как птице, мне *ответит эхо*, Мне целый мир дорогу даст» (Б. Пастернак 1958), «Вы прикоснетесь – вам *ответит* Сухих костей звенящий *стук*» (М. Шкапская. Мумия, 1913–1917), «Медлит Шерэ, не находит Слов, в раздумье погружен. За него царю *ответил* Тяжкий, похоронный *звон*» (М. Цветаева 1940), «На полях, неживых и бесплодных, Замирая, к земле я прильнул: Мне *ответил* глубинный и водный, Вдалеке нарастающий *гул*» (Б. Нарциссов 1958), «И вот гудку за беспримерной далью Другой *гудок* *ответствует*» (Э. Багрицкий 1924), «А если кто и выронит смычок, То *музыка* сама себе *ответит*» (С. Гандлевский 1977), а также слова со значением ‘отсутствие звука’ – *тишина*, *молчание*: «Завет апостола: «не угашайте духа!» – Напоминаю вам. <...> *Ответит тишина* могильная – затем, Что духа нет, дух угасили» (А. Жемчужников 1888), «Но будет день, и на его рожок *Молчание* *ответит* из-за двери» (А. Несмелов 1924).

Еще один семантический класс предметов олицетворения, отсутствующий, по результатам нашего поиска в НКРЯ, в сочетаниях с персонификаторами лексико-семантической подгруппы «Поиск информации», — это «Жизнь, судьба, смерть» (экзистенциальные категории). Чаще слова подгруппы «Получение информации» характеризуют жизнь и судьбу. *Жизнь* отвечает на ситуации окружающего мира: «Иной порою, в дни ненастья, Все в мире душу тяготит; Порою улыбнется счастье, *Отвечно жизнь* заговорит» (А. Кольцов 1829), «Юг средиземный, день лучистый, сияющая тишина! / Таинственна, первоначальна — в ней тонут небо и земля, / и как-то радостно-печально / ей *отвечает жизнь* моя» (С. Маковский 1905–1962). Ответ жизни может быть адресован и лирическому субъекту: «Нет, никого не назову я милой, И если *жизнь* *ответит* мне могилой, Я этот дар с покорностью приму» (С. Соловьев 1909–1912).

Судьба ведет диалог только с человеком — лирическим субъектом или персонажем стихотворения, причем чаще не отвечает ему: «Я говорил судьбе жестокой: “Зачем ты губишь милый цвет? Зачем лилее одинокой Опоры, тени в мире нет?” *Судьба молчит*, вещать не смея, *Судьба ответа не дает*» (В. Туманский 1828), «Все дешево при жизни было мне. И сердцу *не ответила судьбина*. Уж большая известна половина Судьбы — потери грустные одне» (О. Охупкин 2000) или ее ответ остается неразгаданным: «Только смерть, только смерть неминуемая Разгадает — могучая — Роковые *ответы судьбы...*» (А. Коринфский 1895).

В редких случаях отвечает человеку и *смерть*: «Без имени, без масок — шумной массой Они творили жизнь и хаосы побед, И *смерть* чудовищной гримасой Им засмеялась *в ответ*» (Н. Тихонов 1913–1919).

Высокой частотой употребления в сочетании с персонификаторами лексико-семантической подгруппы «Получение информации» характеризуются обозначения *атмосферных явлений*, особенно *ветра*: «“О боже, о боже, как зол этот бал!” “Убийца!” так *ветер* ему *отвечал*» (Б. Лапкин 1922), «Зову я — мне *ветер* рыдает *в ответ*» (М. Лохвицкая 1902–1904). Кроме ветра, отвечают как разным природным явлениям, так и лирическому субъекту *ураган*, *буря* и *вьюга*, *дождь*, *ливень*, *гром*: «Лишь *ураган* мне *отвечает* Один из-за реки» (М. Михайлов 1862), «Мать заунывно поет. «Вырастет дитячко слабенький, хиленький!» — *Буря ответ подает*» (Л. Трефолов 1894), «Кто там ходит под конвоем / “в белом венчике из роз”? / Глуховатым *вьюга* воем / *отвечает* на вопрос» (Н. Горбаневская 1997–1999), «“Я первый, — он рек, — и последний”», — и гулко *ответили громы*» (К. Бальмонт 1907), «В чем причина отлучки? Раздается *в ответ* Струйка *ливня* из тучки, В роще вспыхнувший свет» (Ю. Мориц 1973).

Столь же разнообразны и частотны обозначения отвечающих (чаще всего лирическому субъекту) *водных объектов*: *струя*, *волна*, *река*, *ручей*, *море*, *озеро*, *источник*: «На жалобы мои, казалось, *отвечали* И камни дикие, и быстрых *вод струи*» (А. Крылов 1821), «Но *волны* лишь *в ответ* шумят На зов отчаянный Уллина» (В. Жуковский 1833), «И в берега озера бьются, А *море* дальний шлет *ответ*» (И. Коневской 1900), «О, море-лев, зачем тебе комарик, / пусть улетит. <...> Зачем тебе докучли-

вый купальщик? *Отвествовало море*: — Это ты / валов моих невольная докука» (Б. Ахмадулина 1993), «Утоли мою жажду, лесная река, Напой меня досыта нежной водой! <...> *Отвечает река*: “Если хочешь, испей, Наклонись и отведай студеной волны <...>”» (А. Штейнберг 1936).

Предметы олицетворения семантического класса «Земля, рельеф» тоже часто отвечают как природным реалиям, так и человеку. В этот класс входят такие обозначения, как *земля, гора, камень, степь, доли, холмы, берег* и др.: «На жалобы мои, казалось, *отвечали* И *камни* дикие, и быстрых вод струи» (А. Крылов 1821), «Несусь ли я на коне, — *Степь* *отвечает* мне» (М. Лермонтов 1831), «*Отвечает гора* голосам облаков, Каждый камень становится жив...» (К. Случевский 1876), «Поет струна, встает укор, А где-то — водопады, — И долог гул *окрестных гор*, *Отвествуют* громады» (К. Бальмонт 1899), «Далеко ржет и долго кобылица. И трепетом *ответствует земля*» (М. Волошин 1909), «Медленно будем идти и внимательно слушать. / Палка в землю стучит, / как в темные окна / дома, где рано ложатся: / эй, кто там живой, отоприте! / И, вздыхая, *земля* *отвечает*: / кто там, / кто там...» (О. Седакова 1976—1978).

Несколько менее частотны среди обозначений природных реалий, сочетающихся с рассматриваемыми персонификаторами, обозначения *небесных светил: звезда, месяц, луна*: «Скажи, луна, за что страдали Они [монахини] в плену своих светлиц? <...> — И был *луны* *ответ* печален В стенах угрюмого Кремля» (М. Цветаева 1908), «Но страшно вдруг очнуться ночью И встретить тишину воочью. Она молчит неуловимо И усмехается незримо. Ей с ироническим приветом *Ответил* *месяц* мертвым светом» (Б. Садовской 1935), «Молча дерево что-нибудь скажет, Молча *месяц* *ответит* ему» (Д. Самойлов 1984), «Душе на два голоса пелься, Земле *отвечала* *звезда*» (Ю. Кузнецов 1977).

Среди метафорических контекстов этого семантического класса надо отметить контекст Л. Мартынова, в котором персонификация луны подчеркнута стилистически сниженной синекдохой: «Серый час был мутен и обманчив, И хотелось закричать кому-то: “Помогите! Я уже не мальчик, Заблудился в поисках уюта!” Но из полумрака *отвечало* *Лунное* *морицинистое рыло*: “Что же! Удивительного мало! И меня туманами закрыло”» (1922).

Помимо объектов неживой природы со словами *ответить, отвечать, ответ (в ответ)* достаточно часто сочетаются названия *птиц и зверей*. Они отвечают

- лирическому субъекту или персонажу стихотворения: «Скорей пойду я в степь иль в темный лес, Где песнями *ответят* только *птицы* На громкий мой привет: Христос воскрес!...» (Д. Минаев 1868), «Пою — и помыслам неведом детский страх: Пускай на пенье мне *ответят* воем *звери*» (А. Фет 1889), «Но, прижавшись к перилам дубовым, Вдруг завыл он [пленник], спокойный и хмурый, И согласным *ответили* ревом *И медведи, и волки, и туры*» (Н. Гумилев 1908), «Вдоль забора к оврагу бежит ручеек, А над ним, средь ветвей, мне *в ответ* *Соловей* говорит по-турецки: йок-йок, Это лучше, чем русское “нет”» (С. Липкин 1972);

• друг другу: «Петух свой окрик прогорланит, И вот он вновь надолго смолк <...>, Но где-то в дальнем закоулке Прокукарекает сосед. Как часовой из караулки, *Петух* откликнется *в ответ*» (Б. Пастернак 1956), «Там слышен крик совы, ей *отвечает филин*» (И. Бродский 1977), «— Скрыты в чащах наши веси, — *Отвечает конь* коню, — Не сыскать их в черное лесье Ни мечу и ни огню» (Д. Самойлов 1974–1981);

• природным феноменам: «Лишь только смолкла песнь весны, Что дальних вод струи, — Как ей *в ответ* согласные Запели *соловьи*» (И. Лялечкин 1894), «И в темной тишине в тональности A-dur Валторной золотой даль огласил Арктур. И тут же за бугром ему *ответил пес*» (О. Охалкин 1969).

Активно употребляются в сочетании со словами подгруппы «Ответ» и обозначения различных предметов, созданных человеком, чаще всего это *предметы, издающие звуки, в первую очередь музыкальные инструменты и их части*. Они отвечают лирическому субъекту: «в день печали Задумчивой игрой мне *струны отвечали*» (А. Пушкин 1821), реалиям и явлениям окружающего мира: «Повесь ее [*арфу*] в дому против окна, Чтоб ветер осени играл над ней, И чтоб ему *ответила* она Хоть отголоском песен прошлых дней» (М. Лермонтов 1830–1831), «Демон снежный Поет-гудит над гранью крыш, — *В ответ пъянино* звякнет нежно, Да крикнет пол — и снова тишь...» (С. Черный 1924), «Когда мы над пиршеством сдвинем хрусталь И тонкому звону бокала Рокочущим вздохом *ответит роаль* <...>» (Вс. Рождественский 1943).

Помимо музыкальных инструментов, человеку, природным явлениям и друг другу отвечают и другие *предметы*, среди них — *могущие издавать звуковые сигналы*: «На крик и на слезы — *Отвечают паровозы*, Да хором Поют о братстве народов...» (А. Белый 1918), «И ночь была, и был мороз, Снега мерцали голубые, Внезапно крикнул *паровоз*, Ему *ответили другие*» (Л. Мартынов 1924), «И я верю: с вершин Кремля, Быть может завтра на рассвете, “Куда идти, в кого стрелять?” — Я спрошу, и *каланча ответит*» (М. Светлов 1923), а также *производящие звуки при функционировании, движении, ударе*: «В широкошумном качается море Снова со мной корабля колыбель. <...> Зыбь разблажилась и воем глубоко, Дерзко клокочет *машина в ответ*» (К. Павлова 1857), «Пусть на твой удар, со стоном, *Сталь ответит* гулким звоном, Ты героем будь, кузнец, И из стали скуй венец» (М. Леонов 1906), «В свисте вьюги взрывы смеха; Чутко плачет *печь в ответ*» (В. Брюсов 1922), «Попробуйте — камнем — заставьте греметь, Заставьте дрожать беззащитную медь — И *пушка ответит* с кремлевской твердыни На чисто французском, с оттенком латыни» (М. Тарловский 1926), при этом звук, производимый в ответ, часто обозначен именем существительным в творительном падеже: «Только спросишь: «Который час?» — И по улицам отдаленным Мне любезно с Кремля *каланча Отвечает взволнованным звоном*» (М. Светлов 1923), «Финские сосны в уме побежали, С улицы *лязгом ответил обоз*» (Н. Тихонов 1927), «Чужой сквозняк ударил по стеклу. *Шкаф отвечал разбитою посудой*» (Б. Ахмадулина 1964), иногда ответ может быть эхом: «В кремлевскую ночную тьму Вступил, смеясь довольным смехом, Безумец Ницше, и ему *Кремль отвечает мрачным эхом*» (А. Баркова 1954).

Реже ответ предметов не связан со звуком, представляя собой элемент условного, воображаемого диалога: «Бегу, ищу, желаю пристань, И говорю уже себе: “Сожгися мозг и сердце выстынь, Не покорившись судьбе!” И слышу я *в ответ*, как эхо Моей мятущейся судьбы, — Ответ иронии и смеха, Как молвят *вещи гробы*: “Ты не уйдешь от пут жестоких, От клеветы и от могил, Погибнешь в муках одиноких За то, что много возлюбил!..”» (К. Фофанов 1906), «Если ты спросишь, Из какой я части света, Где я жил и что я видал, Загляни в мой карман: Тебе *ответит* на это *Ломоть черного хлеба*, Читающий “Капитал”» (Э. Багрицкий 1931), «Сказал коньяк: — Меня бранят, А я совсем не виноват!.. Ведь бюрократ, чинуша тот Тебя во всех шалманах пьет... И говорит: “Я за народ!..” И говорит: “Я патриот! Я водку русскую люблю, Ее, родную, пригублю!..” — Что ж! — *Водка* молвила *в ответ*: Тут ничего плохого нет, Что, славу родины любя. Он пьет меня, а не тебя!» (Н. Глазков 1956).

В сфере внутреннего мира человека наиболее частотны сочетания слов *сердце* и *душа* с предикатами со значением ответа. Сердце и душа отвечают другому человеку: «Когда мне встретит твой душе понятный взгляд И *сердцем* *отвечать* на дружбы глас священной?..» (В. Жуковский 1809), «Твоим — твоей от начала Хочу пребыть в себе, Чтоб *сердце* тебе *отвечало* — Сердце — в себе самом» (З. Гишпиус 1928), сердцу другого: «*сердце сердцу* не *ответит* И зова страсти не заметит» (Г. Адамович 1918–1920).

Душа и сердце отвечают лирическому Я в процессе внутреннего диалога: «Я говорил душе: — Душа моя, родная, Зачем меня будить? Приди, уснем. — *Душа* *ответила*: — Взгляни, как зарева Зарделась полоса. Пора. Покинем дом» (Б. Лившиц 1934), «И *сердце* *ответило*: легче / мне землей наддышаться» (О. Седакова 1975).

Борьба двух начал в человеке — рационального и эмоционального — представлена в споре души с другим элементом внутреннего мира — рассудком: «И в миг прощанья с гордым и любимым, когда сквозь город двигался лафет, “Да!” — грозно говорил *рассудок*, / “Нет!” — / *ответила душа* неукротимо» (О. Берггольц 1934).

Но чаще всего сердце и душа отвечают природе — всей вселенной, солнцу, весне, волнам, реке, ветру, птицам и т. п.: «*Сердце* *ответит* вселенной ретиво: Дело мое — отвечая — рычать» (В. Каменский 1917), «Море стало мне близким, Откровенным и дружеским. *Сердце* сразу *ответило* волнению волн» (В. Каменский 1916), «Я не верю в черное начало, Пусть праматерь нашей жизни ночь, Только солнцу *сердце* *отвечало* И всегда бежит от тени прочь» (К. Бальмонт 1922), «Встанет ветер вся Русь, / и *душа* скитальцев *ответит*» (В. Набоков 1924), «Столько раз весна к нему зывала, *Сердце* *отвечало*: перестань!» (В. Перелешин 1945), «Вослед журавлиной станице / гляжу, будто это навек... / *Душа* *отвечает* сторицей, / и гучее солнце струится / из-под остывающих век» (Г. Семенов 1970–1979). Такую отзывчивость души и сердца лирического субъекта на происходящее в природе можно считать отличительной особенностью лирической поэзии.

В несколько раз менее частотны употребления в подобных контекстах элементов семантических классов «Интеллект», «Чувства», «Совесть»: «*Надежда* в сердце *отвечала*, — Неведом и конец нам вечности начала» (Н. Львов 1801), «Лишь только тень живых, мелькнувши, исчезает, Тень мертвых уж близка, И *радость* горькая им снова *отвечает* И сладкая *тоска*» (В. Соловьев 1895), «Ты в аду — *отвечает совесть* И страшнее не было его» (С. Бобров 1914–1917).

Невысокой частотой отличаются в сочетании со словами со значением «Ответ» соматизмы: родовое обозначение *тело* и видовые наименования *уста, губы, рука, глаза, кровь* и др. Адресатом ответа может быть лирический субъект: «“Я здесь”, — *ответило* мне *тело*, — Ладони, бедра, голова, — Моей страны осиротелой Материки и острова» (Н. Клюев 1916–1918), «И телу я сказал тогда: “Ответь На все, провозглашенное душою”. И *тело* мне *ответило* мое, Простое тело, но с горячей кровью: “Не знаю я, что значит бытие, Хотя и знаю, что зовут любовью”» (Н. Гумилев 1921), «Между небом и городом мы одни, Балкон наш причален едва-едва... Ты хочешь, желаньем и волею ночи Сниму его с якоря на полет? И *кровь* моя *отвечает*: “Хочешь!” — И ветер горячий в голову бьет» (Е. Полонская 1925). Глаза, руки могут отвечать соответствующим частям тела другого человека, в этом случае смысл речевого сообщения часто затушеван, значение предиката сводится к реакции жестового типа: «Стою ль вдали, с безмолвною тоской, — Твой взор меня в толпе не отличает; Иль робкою коснусь к тебе рукой — Твоя *рука* моей не *отвечает*» (А. Крылов 1821), «Лишь дежурной улыбкой / *глазам* *отвечают глаза*» (Н. Коржавин 1961).

Достаточно редки и контексты с предметами олицетворения класса «Языковые явления», в основном они связаны с поэтическим творчеством (*песнь, стих, строка*): «*Песнь*, — ткань чудесная мгновенья, Всегда *ответит* на призыв; Она — сердечного движенья Увековеченный порыв; Она не лжет!» (К. Случевский 1890), «Помнишь, сердце, как бился *стих*, *Отвечая* стенаньем: — слава! — Чуть касались струн твоих Руки волхва — Вячеслава?» (В. Меркурьева (1925), «Но часто в газетную фразу / уходит живая строка. / Куда ты уходишь? Куда ты? / Тебя я с дороги верну! / *Строка* *отвечает*: “В солдаты!”» (С. Кирсанов 1945).

Слова семантической категории «Время», как и элементы большинства других семантических классов, в несколько раз чаще встречаются в сочетании с персонификаторами со значением «ответ», чем со значением «вопрос». Чаще всего в подобных сочетаниях фиксируется слова *ночь* и *полночь*, но в большинстве случаев с отрицательным значением: «Рождало чувство пустоты Вопрос — подобие мечты, И не могла мне до рассвета Пустая *ночь* *подать ответа*» (Н. Огарев 1850–1855), «Немая *ночь* мне не *дает ответа*» (А. Апухтин 1884), «Глухая *полночь* вовсе не *ответит*. Не шелохнутся крылья темноты» (Г. Гранин 1933); в редких случаях *ночь* отвечает лирическому субъекту, но ответ ее несет негативную эмоционально-экспрессивную окраску: «Чу... Стучатся... Кто там?.. На вопрос мой *в ответ* *Ночь* шепнула злоещее что-то И взглянула в окно...» (А. Федоров 1898).

Несколько меньшей частотой, чем слово *ночь*, характеризуется в сочетаниях со словами со значением «Ответ» слово *день*, но оно употребляется без отрицания, и ответы его не имеют негативной эмоциональной окраски: «Я *дней*, закорчившихся от пощечин, / срываю нынче *ответы* в небе!» (Н. Асеев 1916), «И жаркому гуденью [огня] / *день* *отвечает* тишиной, / лазурью с розовою тенью / и совершенной белизной» (В. Набоков 1937).

3. Конструкции, в которых употребляются персонификаторы со значением «Поиск и получение информации»

Обращают на себя внимание конструкции со словом *ответ*, которые бывают двух типов. С одной стороны, это синонимы предиката *отвечать*: *давать ответ*, *подавать ответ*, *слать ответ*, *послать ответ*: «Мой сын, учись — ученье свет, А неученье тьма; А *жизнь* на все уж *даст ответ*, По-своему, сама...» (В. Курочкин 1865), «Мать заунывно поет. “Вырастет дитячко слабенький, хиленький!” — *Буря* *ответ* *подает*» (Л. Трефолев 1894), «И дней ручьи луками вьются, И так играет с ними свет, И в берега озера бьются, А *море* дальний *шлет ответ*» (И. Коневской 1900), «И победила нежная лазурь Тьму всех ночей и молнии всех бурь; *Глаза* глазам *ответ* *послали* свой: “Я не сожгу тебя, цветок живой!”» (А. Несмелов 1942).

Очень часто слово *ответ* употребляется в конструкции с предлогом *в*: *в ответ*, обычно в сочетании с глаголами речи или других звуков, производимых человеком: «Бубенцы, как во сне, говорят, говорят, Точно сердцу о чем-то напомнить хотят... Сердце ноет в груди... *Сердце* *стонет в ответ*... Нет покоя ему и забвения нет! Бубенцы всё звенят: “Не уснуть... не уснуть...”» (А. Федоров 1903), «О, мой сон, мой лучший, мой единый, С темной жизнью сжиться научи! Чтоб не слышать шорох лебединый, Чтоб забыть могучие лучи! <...> Но *в ответ* я тихий шепот внемлю, *Шепот листьев*, падающих ниц» (М. Лохвицкая 1902—1904).

С другой стороны, слово *ответ* употребляется в сочетаниях с предикатами *ждать*, *просить*, *требовать*, *жаждать*, *искать*, *обратиться за* и пр., которые переносят его в лексико-семантическую подгруппу «Поиск информации»: «О, где ты, зной томительных ночей? Где пенье птиц, цветов благоуханье И животворных солнечных лучей Безмолвные, но жаркие лобзанья?.. Зачем мечты мою волнуют грудь? — Проплакала весна, исчезли чары лета... Зачем же *сердце* хочет их вернуть, И рвется к ним, и *требует ответа*?..» (М. Лохвицкая 1889—1895), «Былая жизнь, былые звуки, Букеты блеклых знойных роз, — *Всё* к сердцу протирает руки, *Ища ответа* на вопрос» (А. Блок 1898), «Всю ночь в наш сон ломился *гром*, Всю ночь он *ждал ответа*: Какое счастье — сон вдвоем, Кто нам позволил это?» (А. Кушнер 1970—1979).

Метафорические предикаты *ответить* и *отвечать* часто выступают в форме императива и сопровождаются обращением к соответствующим предметам олицетворения. Эти формы принадлежат к маркированным диалогическим формам внутреннего диалога; они создают по-

вышенную диалогичность текста. Чаще всего предметами олицетворения в обращениях становятся *природные объекты*: «— Гей, отзовись, степной орел седой! *Ответь* мне, *ветер* буйный и тоскливый!» (И. Бунин 1894), «Эй, *звезда*, *отвечай*, на потеху ли Ты навстречу солнцу летишь?» (В. Брюсов 1923), «Скажи, Альдебаран, *ответь*, *кольцо Сатурна*, Не узрим ли когда в личине безлазурной — Сквозь прорезь — новых глаз?» (Б. Лившиц 1934), «*Отвечай*, *волна*, — почему молчишь?» (Б. Рыжий 1996), иногда *созданные человеком предметы*: «Скорей *отвечайте*, *трамваи*, Спешите скорее, — куда же, куда Ковровый Баку Отплывает?» (Я. Шведов 1928), «Где же сына искать, ты *ответь* ему, *Спасская башня!*» (Ю. Кузнецов 1972), *сущности внутреннего мира и экзистенциального плана человека*: «И уйти... куда? — во мрак ли, В свет ли яркий?.. *Мысль*, *ответь!*» (В. Брюсов 1920), «*Ответь* нам, *судьба*, на неловкий замах: / не спали, гуляли, читали впотьмах, / что время всеобщим размером / писало на облаке сером» (М. Айзенберг 2000) (ср. выделенные И. И. Ковтуновой семантические группы обращений не к лицам (Ковтунова, 1986, с. 97)).

Надо отметить также еще один тип маркированных диалогических конструкций, в которых употребляются рассматриваемые лексемы: конструкции прямой и косвенной речи. Эти конструкции выводят диалог на поверхность текста. Большинство конструкций с прямой речью воспроизводят диалог, хотя бы одним из участников которого является не-лицо. Это может быть диалог лирического субъекта с некоторой сущностью окружающего мира: «Ох, лесочки бесконечные, Пошехонские, родимые! Что шумите, вековечные И никем не проходимые? *Отвечают сосны* дикие, Поклонившись от усердия: “К нам пришли беды великие, — Рубят нас без милосердия”» (Л. Трефолев 1870), «“Отчего на склоне Голубых ночей Ты поднялся, тополь, Гордый и ничей? <...>” Голова седая И девичий стан, *Отвечает тополь* Гостю хвойных стран: “Здесь простора много, Здесь лазурь и свет. Горная дорога — Жребий твой, поэт <...>”» (Вс. Рождественский 1928); со своей душой, внутренними состояниями: «Я говорил душе: — Душа моя, родная, Зачем меня будить? Приди, уснем. — *Душа ответила*: — Взгляни, как зарева зарделась полоса. Пора. Покинем дом» (Б. Лившиц 1934), «Пришла ко мне гостя лихая, Как дождь, зарядивший с утра. Спросил ее: — Кто ты такая? Она *отвечает*: — *Хандра*. — Послушай, в тебя я не верю. — Ты Пушкина плохо читал» (А. Кушнер 1970–1979).

Часто также воспроизводится диалог двух природных сущностей между собой: «Капля дождевая Говорит другим: “Что мы здесь в окошко Громко так стучим?” *Отвечают капли*: “Здесь бедняк живет; Мы ему приносим Весть, что хлеб растет”» (А. Плещеев 1860), «“Много нас в пышном расцвете, — Стали цветы говорить, — Больше, чем женщин на свете, Даже нельзя и сравнить!” Слышат *древесные ветки*, Стали цветам *отвечать*: “Полно вам, милые детки, Без толку хором болтать! <...>”» (К. Случевский 1898), «Море с голой степью говорило: “Это ты меня солончаками И польнью горькой отравила, Жарко дуя жесткими песками! <...>”. *Отвечает степь* морской пустыне: “Не по мне ли, море, ты ходило, Не по мне ли, в кипени и сини, За волной волну свою катило?”» (И. Бунин 1917).

Один из видов рассмотренных выше диалогических конструкций — вопросно-ответные структуры, в которых наблюдается диалог лирического субъекта с различными предметами олицетворения — не-лицами (одна из реплик диалога может представлять собой косвенную речь). Эти конструкции могут играть важную роль в размышлениях поэта об устройстве мира, о своем призвании, жизненном пути. В репликах нелиц звучат ответы на поставленные лирическим субъектом вопросы. Например,

- диалоги лирического субъекта с ветром, морем и солнцем о смысле своего существования в мире: «Я спросил у свободного ветра, Что мне сделать, чтоб быть молодым. Мне *ответил* играющий *ветер*: “Будь воздушным, как ветер, как дым!”. Я спросил у могучего моря, В чем великий завет бытия. Мне *ответило* звучное *море*: “Будь всегда полнозвучным, как я!”. Я спросил у высокого солнца, Как мне вспыхнуть светлее зари. Ничего не *ответило солнце*, Но душа услышала: “Гори!”» (К. Бальмонт 1901);

- диалог с межой о поисках счастья: «Я спросил у межи: “Далеко, Далеко ли край счастья зеленый?” *Отвечала межа* на ушко: “Это счастье — в тебе затаено...”» (И. Молчанов 1925);

- диалог со строкой о принятии решения в определенной жизненной ситуации: «Но часто в газетную фразу / уходит живая строка. / Куда ты уходишь? Куда ты? / Тебя я с дороги верну! / *Строка отвечает*: “В солдаты!” / Душа говорит: “На войну”» (С. Кирсанов 1945);

- диалог с пшеницей о самопознании: «Колосья трогал. / — Спрашивал пшеницу, / как сделать, чтобы счастье было всем. / “Пшеница, как? / — Пшеница, ты умнее... / Беспомощности жалкой я стыжусь. / Я этого, быть может, не умею, / а может быть, плохой и не гожусь...” / *Отвечала мне пшеница*, / чуть качая головой: / “Ни плохой ты, ни хороший — / просто очень молодой”» (Е. Евтушенко 1955).

4. Выводы

Итак, мы рассмотрели все контексты, полученные методом сплошной выборки из Поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка со словами со значением «Поиск и получение информации», выступающими в качестве персонификаторов в метафорических конструкциях. В результате анализа мы пришли к выводу, что они активно используются с предметами олицетворения разных классов, будучи одной из основных групп персонификаторов семантического класса «Язык, речь». Наряду с другими языковыми средствами они вносят диалогичность в художественный текст. При этом частота употребления слов со значением поиска информации в качестве персонификаторов в несколько раз меньше, чем слов со значением получения информации. Это связано с тем, что задавать вопросы в конструкциях персонификации более свойственно лицу — лирическому субъекту, а отвечать свойственно персонифицированному не-лицу. Выделены семантические классы олицетворения, выступающие в рассматриваемых

конструкциях, и сделан вывод, что их распределение по образам сравнения «вопрос — ответ» неравномерно. Так, в контекстах с вопросами не зафиксированы или представлены единичными контекстами предметы олицетворения семантических классов «Растения», «Звук», «Жизнь, судьба, смерть». Отмечены некоторые предметы олицетворения, которым свойственно оставлять вопросы без ответа, например судьба и ночь. Семантический анализ персонификаторов со значением «Вопрос» и «Ответ» дополнен синтаксическим анализом конструкций с этими персонификаторами, в которых наблюдается повышенная диалогичность текста. Это конструкции с императивом и обращением, прямая и косвенная речь, создающая диалогические, в частности вопросно-ответные, единства. Выявлена их роль в организации внутреннего диалога, в процессе которого формулируются важные для поэта мировоззренческие установки.

Список литературы

Бердникова Т.В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: На материале лирики А.А. Ахматовой и И.Ф. Анненского. Саратов, 2008.

Бройтман С.Н. К проблеме диалога в реалистической лирике Пушкина // Бройтман С.Н. Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX в. Л., 1985. С. 157 — 171.

Голубева-Монаткина Н.И. Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи // Вопросы языкознания. 1991. №1. С. 125 — 134.

Голубева-Монаткина Н.И. Вопросы и ответы диалогической речи. Классификационное исследование. М., 2004.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.

Колокольцева Т.Н. Текстоброуающий потенциал диалогичности и фигур диалогизма в лирических произведениях А.А. Вознесенского и Р.И. Рождественского // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. Т. 4, №1. С. 70 — 82.

Кульсарина И.Г., Хисамова Г.Г. Роль вопросительных предложений в поэтическом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 10. С. 3040 — 3045.

Левин Ю.И. Лирика с коммуникативной точки зрения // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague ; P., 1973. P. 177 — 195.

Миннулин О.Р. Об истоках лирической диалогичности // Литературоведческий сборник. Донецк, 2010. №43 — 44. С. 44 — 54.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Словарное описание олицетворения как проблема поэтической лексикографии // Вестник Волгоградского гос. университета. 2019. Т. 18, №1. С. 33 — 46.

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX — XXI вв. М., 2021. Вып. 6 : «Человек»: жизнь, смерть, судьба, время.

Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2003. Т. 3.

Русский семантический словарь / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2007. Т. 4.

Федосеева Е.Н. Диалогическая основа русской лирики первой трети XIX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Хазбулатова Т.А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Об авторах

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID 0000-0001-5390-8029

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0916-1161

Для цитирования:

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Единицы лексико-семантической группы «Поиск и получение информации» как олицетворяющие метафоры в русской поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 30–48. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

UNITS OF THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP 'INFORMATION SEARCH AND RECEIPT' AS PERSONIFYING METAPHORS IN RUSSIAN POETRY

Z. Yu. Petrova, N. A. Fateeva

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, Moscow, 119019, Russia

Submitted on September 09, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2

The article analyzes a fragment of the metaphorical system in the language of Russian poetry from the 19th to 21st centuries. Specifically, the analysis focuses on personifying metaphors related to the semantic class of 'Language and speech' and the lexical-semantic group 'Information search and receipt'. The study aims to determine the functioning of these lexical units in Russian poetry, identify the semantic classes of the objects of personification they are combined with, and establish their role in the organisation of the poetic text and connection with the poet's worldview. The research uses the Poetic Subcorpus of the Russian National Corpus as its material and employs corpus, semantic field, and structural-functional analysis methods. The results show a higher frequency of words with the meaning 'Information receipt than Information search' as personifiers, with varying distribution over the comparison of 'question-answer' images. The analyzed figurative language introduces dialogism into the text, particularly through question-answer constructions with imperative

and address, direct and indirect speech, creating unity and increasing dialogicity. The role of such constructions in organizing the internal dialogue and formulating the poet's worldview attitudes is revealed.

Keywords: information search and receipt, question, answer, personification, language of the XIX – XXI centuries Russian poetry, dialogue, internal dialogue

References

Berdnikova, T. V., 2008. *Dialog v poeticheskom tekste kak proyavlenie idiotilya: Na materiale liriki A. A. Akhmatovoi i I. F. Annenskogo* [Dialog in the poetic text as manifestation of idiotstyle: on the material of lyrics by A. A. Akhmatova and I. F. Annenskii]. Saratov (in Russ.).

Broitman, S. N., 1985. To the problem of dialog in Pushkin's realistic lyrics. In: S. N. Broitman, ed. *Voprosy istorizma i realizma v russkoi literature 19 – nachala 20 veka* [Problems of historicism and realism in Russian literature of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, pp. 157 – 171 (in Russ.).

Fedoseeva, E. N., 2009. *Dialogicheskaya osnova russkoi liriki pervoi treti XIX veka* [Dialogic basis of Russian lyrics in the first third of the 19th century]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Golubeva-Monatkina, N. I., 1991. Classification study of questions and answers of dialogical speech. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 125 – 134 (in Russ.).

Golubeva-Monatkina, N. I., 2004. *Voprosy i otvety dialogicheskoi rechi. Klassifikatsionnoe issledovanie* [Questions and answers of dialogical speech. Classification study]. Moscow (in Russ.).

Khazbulatova, T. A., 2012. *Voprositel'nye konstruksii kak raznovidnost' dialogicheskikh form v poezii Borisa Pasternaka i Osipa Mandel'shtama*. [Interrogative constructions as a kind of dialogic forms in the poetry of Boris Pasternak and Osip Mandelstam]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Kolokoltseva, T. N., 2019. Text-forming potential of dialogue and dialogism figures in lyrical works A. A. Voznesensky and R. I. Rozhdestvensky. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 4 (1), pp. 70 – 82, <https://doi.org/10.17516/2311-3499-078> (in Russ.).

Kovtunova, I. I., 1986. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow (in Russ.).

Kulsarina, I. G. and Khisamova, G. G., 2021. The Role of Interrogative Sentences in a Poetic Text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 14 (10), pp. 3040 – 3045, <https://doi.org/10.30853/phil210495> (in Russ.).

Levin, Y. I., 1973. Lyrics from communicative point of view. *Structure of texts and semiotics of culture*. The Hague: Paris, pp. 177 – 195 (in Russ.).

Minnulin, O. R., 2010. On the origins of lyrical dialogue. *Literaturovedcheskii sbornik* [Literary collection], 43 – 44, pp. 44 – 54 (in Russ.).

Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2019. Description of Personification in the Dictionary as a Problem of Poetic Lexicography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 18 (1), pp. 33 – 46, <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.1.3> (in Russ.).

Petrova, Z. Yu. and Fateeva, N. A., 2021. *Materialy k slovaryu metafor i sravnenii russkoi literatury XIX – XXI vv. Vyp. 6: «Chelovek»: zhizn', smert', sud'ba, vremya* [Materials for the dictionary of metaphors and similes of the 19 – 20 centuries Russian literature, no. 6. «Human»: LIFE, DEATH, FATE, TIME]. Moscow (in Russ.).

Russian National Corpus. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> [Accessed 09 September 2022]

Shvedova, N. Yu., ed., 2003. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary], Vol. III. Moscow (in Russ.).

Shvedova, N. Yu., ed., 2007. *Russkii semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary], Vol. IV. Moscow of Sciences (in Russ.).

The authors

Dr. Zoya Y. Petrova, Leading researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: zoyap@mail.ru

ORCID 0000-0001-5390-8029

Dr. Natalya A. Fateeva, Chief researcher, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: nafata@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0916-1161

To cite this article:

Petrova, Z. Yu., Fateeva, N. A., 2023, Units of the lexical-semantic group 'Information search and receipt' as personifying metaphors in Russian poetry, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 1, pp. 30–48. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ДЕЙКСИС В ПРОСТРАНСТВЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В. В. Фещенко

Институт языкознания РАН
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 10.12.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.59222225-5346-2023-2-3

Статья посвящена лингвопоэтике дейксиса как одного из ключевых механизмов выражения субъективности в художественной коммуникации. Целью исследования является изучение специфики функционирования дейктических слов и конструкций в экспериментальном поэтическом дискурсе. Анализируются функции личного, пространственного и дискурсивного дейксиса в визуальной организации поэтического текста (пространственной конфигурации стиха). Материалом анализа выступают экспериментальный стих Э. Э. Каммингса, концептуальная поэзия, американское языковое письмо, поэтические тексты А. Драгомощенко. Сделан вывод о том, что дейктические средства языка, взаимодействуя с пространственной конфигурацией поэтического текста, актуализируют динамическую субъективность эстетического высказывания. Подтверждено, что в поэтическом дискурсе особенно активным указательным полем является пространственность, протяженность и длительность высказывания (сообщения) как такового.

Ключевые слова: дейксис, языковой эксперимент, поэтический дискурс, пространственная конфигурация, субъективность, лингвопрагматика

Дейксис как указательный механизм языка служит одним из основных операторов субъективности в тексте, то есть определяет координаты субъекта и адресата высказывания. Как правило, в повседневном общении — устном или письменном — указательные единицы прозрачны, они отсылают к вполне конкретным обстоятельствам актуального коммуникативного акта. Субъективность художественной коммуникации не столь прямолинейна и очевидна. В художественном высказывании референция вообще редко бывает однозначной, а референция к субъектам, участвующим в художественном коммуникативном акте, особенно осложняется. По выражению поэта А. Драгомощенко, прагматика поэзии состоит в «производстве / расширении субъективности»: в поэтическом тексте коммуникативные позиции (субъект — канал — код — контекст — сообщение — адресат) каждый раз складываются в уникальный ансамбль, составляющий собственно художественную форму. Соответственно, дейксис как языковой механизм соотнесения координат коммуникативного акта претерпевает в художественном дискурсе оригинальные метаморфозы. А учитывая установку поэтической

(эстетической) функции на сообщение, особенно активным указательным полем становится в поэтическом тексте пространственность, протяженность и длительность высказывания как такового¹.

Лингвисты обращались к исследованию поэтического дейксиса, изучая функционирование эгоцентрических слов (Степанов, 1985), категории определенности-неопределенности (Иванов, 1979), местоимений (Ковтунова, 1986), прагмасемантики (Золян, 1991). Отдельно стоило бы отметить работу британского исследователя К. Грина (Green, 1992) — попытку систематического и последовательно лингвистического подхода к функционированию разнообразных дейктических категорий в поэтическом тексте².

С. Левинсон (Levinson, 1983, p. 68–94) различает пять типов дейксиса в языке: дейксис личности, дейксис места, дейксис времени, социальный дейксис и дейксис дискурса. Среди этих типов нас наиболее интересуют три: 1) дискурсивный (текстовый), 2) пространственный и 3) личностный. Персональный дейксис задает координаты субъектов, участвующих в поэтической коммуникации, тогда как дискурсивный дейксис организует ситуативный каркас акта высказывания, а пространственный — позиционирует этот акт высказывания в реальном или воображаемом пространстве текста. Далее в статье мы рассмотрим способы взаимодействия различных видов дейксиса в пространстве стихотворения. Больше всего нас будет интересовать дейксис дискурсивный (текстовый) как оператор поэтической функции языка, с фокусом на самом сообщении в поэтической коммуникации. Мы увидим, что указание на само сообщение и на канал сообщения с помощью дейктических маркеров динамизирует как субъективность поэтического высказывания, так и его пространственную локализованность.

При обсуждении вопроса о пространстве в поэтическом тексте мы будем использовать понятие «*пространственной конфигурации*» (spatial design) М. Перлофф (Perloff, 2010, p. 69), которое включает в себя, среди прочего, композицию определенных языковых единиц в визуальной компоновке текста. Мы исходим из того, что дейктические единицы составляют значительную часть лингвистического дизайна текста, способствуя общему пространственному дизайну.

Нам уже приходилось обращаться к таким понятиям, как телесный дейксис и голосовой дейксис (Proskurin, Feshchenko, 2019), когда в ука-

¹ Немецкий исследователь К. Элих указывает в этой связи, что «характер использования языковых средств дейксиса определяется независимостью речевого действия от коммуникативной ситуации, его растяжимостью (Zerdehnung), а также особенностями процесса текстуализации (Vertextung) в различных формах поэзии (Verfahren der Dichtung)» (цит. по: Евграшкина, 2020, с. 176). Е. Евграшкина отмечает корреляцию конституирования поэтического субъекта с особым функционированием дейксиса в поэзии: «субъект может быть неопределен, неясен, недостоверен, сомнителен, дезинтегрирован или вовсе устранен — он подвижен и подвержен изменениям, это своеобразный Протей — в таком же подвижном, текучем «возможном мире» поэтического текста» (Там же, с. 182).

² Подробнее о теоретических основаниях поэтического дейксиса см. в нашей статье (Фещенко, 2018). Когнитивные аспекты дейксиса в поэтическом тексте освещаются в работах (Stockwell, 2002; Tsur, 2008; Ахапкин, 2012).

зательном поле произведения искусства или литературы участвуют маркеры телесности или физического голоса. Проблема телесного дейксиса может быть спроецирована на литературный текст через посредство текста живописного. На примере американского поэта Э.Э. Каммингса, называвшего себя «поэтом-и-художником» (*poetandpainter*), а свои стихотворные тексты — стихокартинами (*poempaintings*), можно видеть, как функционирует телесный дейксис одновременно в двух семиотических системах — языковой и живописной. Каммингс осуществляет попытку перейти от символического и иконического плана художественного образа к его индексальности и, стало быть, дейктичности и перформативности через посредство телесности.

Уже в самом известном иконическом (в двух смыслах слова *iconic* — «известном» и «графическом») тексте Каммингса 1932 года (рис. 1) дейктические маркеры составляют значительную часть — личные (*who, we*), темпоральные (*now*), пространственные (*up, to*), артикли (*the, a*). Каммингс пытается уловить момент перехода от символического и иконического способа означивания к индексально-дейктическому. Стихотворение моделирует сам процесс чтения и передачи смысла стиха с помощью экспериментального дейксиса, расположенного в пространстве. Если у родоначальника визуальной поэзии модернизма Ст. Малларме в его поэме «Бросок костей» лексико-грамматический арсенал стиха остается еще достаточно традиционным, то Каммингс одним из первых в западной поэзии задействует инструментарий эгоцентрических единиц языка, проблематизируя субъектность поэтического высказывания и активно работая при этом с пространственной конфигурацией текста.

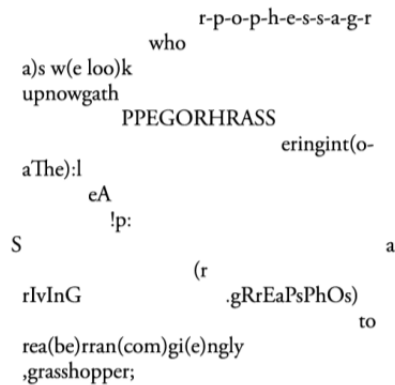

Рис. 1. Э.Э. Каммингс. *r-p-o-p-h-e-s-s-a-g-r*

Совмещение личного и дискурсивного дейксиса имеет место и у Э.Э. Каммингса в его заявлении «Я емь мое письмо» (*I am my writing*). Подобного рода остенсивные перформативы можно встретить во многих его стихах. Имеется в виду случаи, когда на содержательном уровне обыгрываются средства самого письма. Так, стихотворение *ecco a letter* (1940) (рис. 2) строится как прямая речь от лица отправленного письма. Используемое в названии итальянское *ecco* («вот») — дейктическая частица, не только соединяющая в себе *origo* целиком (*это — здесь — сей-*

час), но и включающая субъекта в эмфатический акт произнесения самого слова (как в латинской фразе *ecce homo* — «се человек!»). Субъективность переносится с автора на само сообщение, которое, в свою очередь, открывает множество возможных субъектных отношений: *dearest we; i cordially invite me; no one except yourselfs*. Закрывающая фраза «*r s v p*» (франц. «просьба ответить») адресуется одновременно и получателю «письма», и его отправителю («приглашаю себя»).

ecco a letter starting"dearest we"
unsigned:remarkably brief but covering
onecomplete miracle of nearest far

"i cordially invite me to become
No one except yourselves r s v p"

Рис. 2. Э.Э. Каммингс. *ecco a letter starting"dearest we"*

Тексты Каммингса интересны тем, что дейксис здесь динамизирует визуальное пространство самого стиха. И наоборот — пространственная конфигурация задает оригинальное *origo* поэтического текста, новую картографию субъективности поэта. Средствами индексализации и субъективации письма являются всевозможные шифтеры, которые у Каммингса выступают на первый план и зачастую принимают на себя функции других частей речи. Во-первых, обращает на себя внимание множественность «я», свойственная поэтике Каммингса. Она эксплицитно заявлена в первых строчках стихотворения, посвященного многоликости самопроявлений человеческой сущности, за которой не в силах уследить отдельный разум: *so many selves(so many fiends and gods each greedier than every)is a man*. (рис. 3). В одном теле может скрываться много сознаний (*so deep's the mind of flesh*), а стало быть, попытки уловить «я» в его совокупности ограничены для рационального ума: местоимение «я» заключается в кавычки, ибо уже более не является надежным носителем неисчислимых субъективностей.

so many selves(so many fiends and gods
each greedier than every)is a man
(so easily one in another hides;
yet man can,being all,escape from none)

so huge a tumult is the simplest wish:
so pitiless a massacre the hope
most innocent(so deep's the mind of flesh
and so awake what waking calls asleep)

so never is most lonely man alone
(his briefest breathing lives some planet's year,
his longest life's a heartbeat of some sun;
his least unmotion roams the youngest star)

— how should a fool that calls him "I" presume
to comprehend not numerable whom?

Рис. 3. Э.Э. Каммингс. *so many selves(so many fiends and gods*

Эксперимент с субъективностью у Каммингса проявляется и в том, что глагол *to be* в личных формах единственного числа *is* и *am* из простой связки превращается в полноценный знаменательный концепт. Вместо того чтобы писать *I have a feeling* («У меня есть чувство»), следует писать *I am feeling* («Я емь чувство»), заявляет Каммингс. Шифтеры вклиниваются внутрь других слов, субъективируя поток порой даже бессмысленной речи, — местоимения *he, i, we, it*, а также артикли, союзы и слова, напоминающие междометия в известном стихотворении 1940 года, начинающемся со строчки-двухбуквия *fl* (рис. 4). Стихотворение превращается в игру дейксиса, где эгоцентрические слова образуют метки пространственно-временных и личных знаков.

fl
 a
 tt
 ene
 d d
 reaml
 essn
 esse
 s wa
 it
 sp
 i
 t)(t
 he
 s
 e
 f
 ooli
 sh sh
 apes
 ccocoucoughcoughcoughi
 ng with me
 n more o
 n than in the
 m

Рис. 4. Э.Э. Каммингс. *fl*

В позднем тексте 1963 года (рис. 5) иконичность дейксиса явлена особо схематично. Текст начинается с местоимения *i* — кратчайшего дейктика — которое отражается в конце текста своим омофоном, означающим глаз (*eye*), в форме которого и создан этот фигурный текст. А самая длинная центральная строчка в нем — скопление пространственных дейктиков, указывающих на самое сообщение, которое оказывается игрой между «где», «где-то», «тут» и «там» (*(almost invisible where of a there of a)here of a*).

i
never
guessed any
thing(even a
universe)might be
so not quite believab
lysmallest as perfect this
(almost invisible where of a there of a)here of a
rubythroat'shome with its still
ness which really'sherself
(and to think that she's
warming three worlds)
who's ama
zingly
Eye

Рис. 5. Э.Э. Каммингс. *i*

В русской поэзии футуризма также можно обнаружить визуальные опыты, активизирующие дейктические средства языка. Эксперимент с дейктиком «я» и расщеплением субъективности, отраженном в пространственной конфигурации, имеет место в стихотворении В. Каменского 1918 года, характерно названном «Кто я» (рис. 6). Местоимение *Я* заключается в визуально-типографскую конструкцию, оформленную с помощью тире (*Я – КТО – Я –*). Дейктический маркер «кто» функционирует и как относительное, и как вопросительное местоимение, задавая прагматическую неопределенность этой экспериментальной конструкции³. Сообщение-строчка (повторенное в тексте три раза) многократно оборачивается на само себя и визуально, и семантически, и прагматически, динамизируя сам смысл «личной местоименности» как оператора субъективности.

Я – КТО – Я –
Я – вроде утроветра
Во втуманахдолине
Будь берёзкой
Я обниму – покачаю.
Я – КТО – Я –
Я – вроде небожаворонка
Над вершине поляне
Слушай чутко
Я звеню солнцелучами.

³ О перформативности «стихокартин» Каменского см.: (Shvets, 2020). См. также продуктивный анализ дадаистской поэзии Т. Тцара с точки зрения дейксиса в пространстве стиха: (Голубицкая, 2019).

Я — КТО — Я —
 Я — вроде яркоплатка
 На с ягодами девушке
 Пой со мной
 Я ПЕСНЕПЬЯНСТВУЮ.

Рис. 6. В. Каменский. *Кто я*

Дейксис как мощный языковой механизм оказывается еще более востребованным в поэтике неоавангарда после Второй мировой войны, на волне так называемого «перформативного поворота». Здесь важную роль играют новые формы взаимодействия вербальной и визуальной материи, выходящие за границы между стихотворением и картиной как устойчивыми традиционными формами выражения. Одновременно с научным интересом к лингвистической перформативности (Дж. Остина, Дж. Серля, Э. Бенвениста) художественный дискурс экспериментирует с локутивными, иллюкутивными и перлокутивными значениями высказываний в пространстве текста, арт-объекта или перформанса.

Наиболее яркой манифестацией этого поворота стала фраза Дж. Кейджа «Мне нечего сказать и вот я говорю это» — классический перформатив с точки зрения теории речевых актов и «парадокс лжеца» с позиции логического анализа. На самом деле, эта максима Кейджа — часть его визуально-поэтической композиции под названием «Лекция о ничто» из книги «Тишина / Молчание», являющейся манифестом нового перформативного поворота (рис. 7). Текст начинается с дейктической фразы *I am here* и разворачивается как серия фрагментированных предложений, многие из которых намеренно акцентируют свои дейктические составляющие (*and there is nothing to say; If among you are; somewhere; any moment; now; and that is; for I'm making it; an i-dea may occur in this... talk* и т.д.). Пространственная конфигурация «Лекции» напоминает стихотворение Каммингса о «кузнечике», с разбивкой текста на колонки, кластеры, нотные станы. Это лекция-поэма, говорящая о самой себе и о процессе перформативного творчества. Своей пространственностью в сочетании с богатой дейктической разметкой она знаменует новый тип письма — *performance writing*, исполнительскую поэзию.

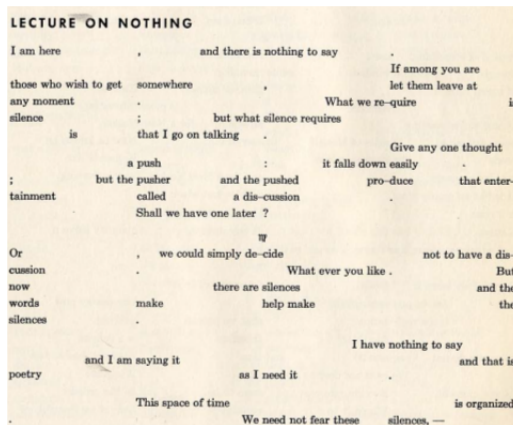
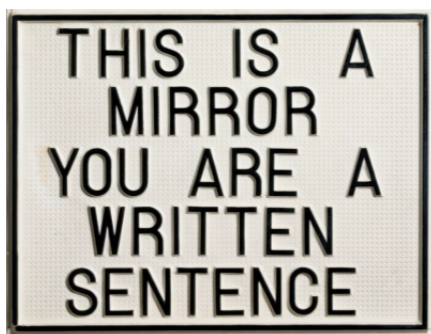
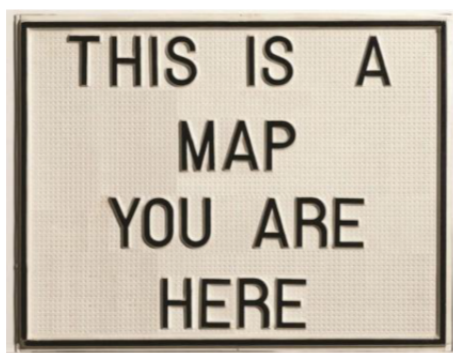

Рис. 7. Дж. Кейдж. From *Lecture on Nothing*

Подобные визуально-стиховые опыты производятся начиная с 1950-х годов по всему миру. Так, в текстовых объектах уругвайского художника-концептуалиста Л. Камнитцера обычное высказывание, помещенное в рамку и разделенное на строки, читается как стихотворение с неопределенной дейктической референцией: *THIS IS A /MIRROR /YOU ARE A /WRITTEN SENTENCE* (рис. 8). В другой табличке из этой серии, содержащей фразу *THIS IS A/MAP / YOU ARE /HERE* (рис. 9), есть только одно правильное содержательное слово («карта»), окруженное простыми дейктиками, что делает участие зрителя-читателя единственным действительным способом актуализации этого утверждения. В текстовых объектах, созданных шотландским поэтом-конкретистом Я.Х. Финлеем, индексальное поле выходит за пределы высказывания, открываясь его окружающей среде. Таков, к примеру, разбитый на короткие строки текст на латыни (цитата из «Эклог» Вергилия), начертанный на каменной плите из поэтического сада Финлея «Маленькая Спарта»: *HIC JACET PARVULUM QUODDAM EX AQUA LONGIORE EXCERPTUM* («Здесь лежит маленький отрывок большой воды»). По замыслу автора, пруд может читаться как отрывок из текста природы.

Рис. 8. Л. Камнитцер. *This is a Mirror*Рис. 9. Л. Камнитцер. *This is a Map*

Аналогичный поворот к перформативизации слова и вербализации изображаемого происходит и в московском концептуализме. В картинах и объектах И. Кабакова, которые одновременно могут рассматриваться и как литературные тексты, большую роль играют дейктические маркеры и дискурсивные высказывания. Реплики персонажей (советских граждан) организуют композицию полотен, которые, в свою очередь, напоминают книжные страницы или бюрократические советские документы с поэтическими словесными структурами, как на рисунке 10. Поэтические тексты Вс. Некрасова изобилуют дейктиками типа *мы, сам, здесь* и т. п., превращая стихотворение в машину для демонтажа официального языка советского общества (рис. 11). В стихотворении на рисунке 12 рекурсивное употребление эпистемического глагола (*верю что верю*) помещается в визуальную композицию супрематического креста, актуализируя одновременно и семантику верования, и прагматику достоверности.

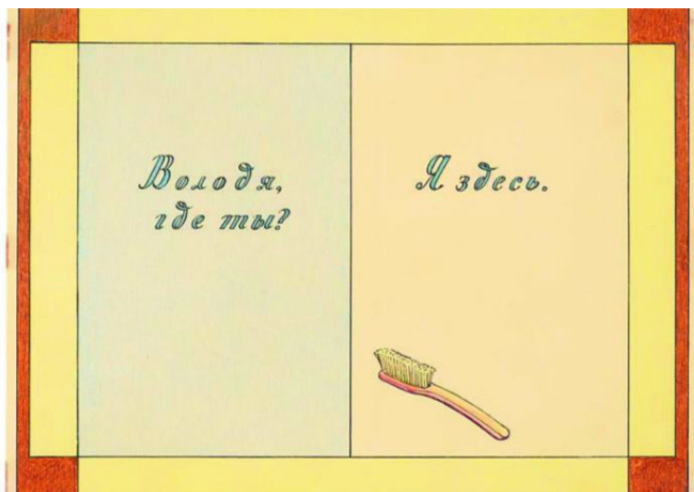

Рис. 10. И. Кабаков. *Володя, где ты?*

Тут и ель и сосна
И береза сама
Тут и куст тут и лес
Тут и хвоя и лист
Тут и зим тут и лет
И чужак человек
И чего только нет

А чего
Только
Нет

Нету тут
Чинары

Если тут
Чего нет
Значит
И не надо

Рис. 11. Вс. Некрасов. *Тут и ель и сосна*

верю
верю что верю
верю

Рис. 12. Вс. Некрасов. *Верю*

В русской концептуалистской поэзии читатель сталкивается с фрагментами внутренней или внешней речи, исполняемой на странице как будто на сцене. Этот принцип «постановки» обыденного дискурса, пожалуй, наиболее ярко реализован в текстах Л. Рубинштейна. Поэтический текст здесь трансформируется в словесный перформанс, в котором высказывания спорадически перемежаются друг с другом (рис. 13), причем стиховая структура этих псевдиалогов опирается во многом на резонирование дейктических маркеров, динамизирующих коммуникативное пространство текста⁴. Автоматизм советских коммуникативных клише еще более ярко воплощен в «стихogramмах» Д.А. Пригова — текстах с каждый раз оригинальной пространственной конфигурацией, актуализирующих семантику и прагматику составляющих их слов и фраз. Так, стихogramма АЯ (рис. 14), на первый взгляд читающаяся в диапазоне семантики «от А до Я» (включая и прямой смысл «алфавита», и переносный «от начала до конца»), оборачивается при взглядывании-вчитывании и дополнительным дейктическим смыслом (некий персонаж произносит «А я...»).

- 1.Ну что я вам могу сказать?
- 2.Он что-то знает, но молчит.
- 3.Не знаю, может, ты и прав.
- 4.Он и полезней, и вкусней.
- 5.У первого вагона в семь.
- 6.Там дальше про ученика.
- 7.Пойдемте. Я как раз туда.
- 8.Ну что, решили что-нибудь?
- 9.Сел — и до самого конца.
- 10.Послушай, что я написал.

Рис. 13. Л. Рубинштейн. Из *Появления героя*

⁴ О.В. Соколова отмечает, что «дейксис диалога в современном поэтическом тексте часто может быть оформлен как монологическая речевая ситуация и может включать маркеры когнитивной неопределенности, нарушенного речевого поведения коммуникантов, стимулируя читателя к поиску диалога» (Соколова, 2013, с. 34–35).

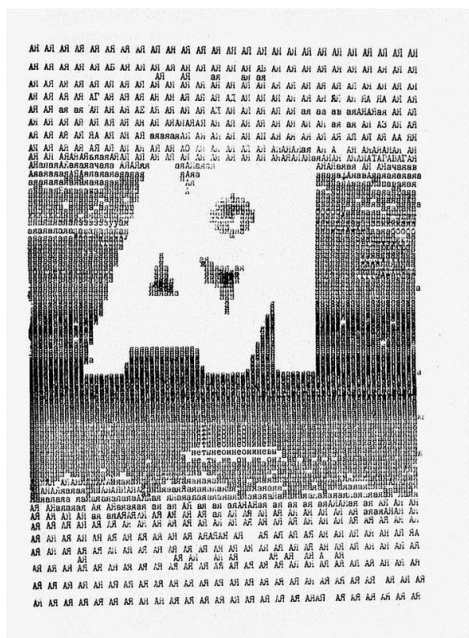

Рис. 14. Д. Пригов. Стихограмма

В США близким аналогом концептуальной поэзии было движение *Language Writing*. Одним из принципов этой поэтики был акцент на *письме*, то есть не столько на звуковой форме стиха, сколько на изобразительной и пространственной. В значительной степени этот пространственный поворот был вдохновлен теорией и практикой проективного стиха Ч. Олсона. В языковом письме на первый план выходит метаязыковая функция высказывания, чтобы бросить вызов границам между поэзией и непоэзией, оставаясь при этом в рамках поэтической функции. Еще одним предтечей языкового поворота в американской традиции следует считать минималистичный стих Р. Крили. Дискурсивные маркеры и дейктические единицы как носители метаязыковой рефлексии были характерным признаком его поэтики, что видно уже из названий его поэтических книг: *The Kind of Act of; If You; Listen; His Idea; Away; Thanks; Was That a Real Poem and Other Essays; Later; It; So There; If I Were Writing This*.

Характерно, что название одного из первых журналов «языкового» движения *This* является одновременно и пространственным, и дискурсивным дейктическим маркером (демонстративом), указывающим как на актуализацию самого высказывания (“this message, this title”), так и на называемый им объект (“this journal”). Первый выпуск журнала был обозначен на обложке вдвойне дейктически как *This 1*, то есть «Вот этот» (рис. 15). А открывался первый номер манифестом «О речи», одна из фраз которого звучала как иллокутивное самоубийство: *I hate speech*.

Рис. 15. Обложка первого выпуска журнала *THIS*

Минимализм стал одной из основных черт авторов этого, и других журналов *language writing*. Так, циклы Р. Греньера 1970–1980-х годов строятся на особом типографском размещении высказывания в пространстве книги. В этом формате была создана его серия *Sentences*, включающая пятьсот карточек большого формата, каждая из которых содержит короткое стихотворение, состоящее из одной или нескольких строк. Освобожденное от ограничений переплетенной книги, это произведение можно читать в любом порядке — как отдельные тексты, и как длинное стихотворение с динамичными отношениями между частями. Дейктические сдвиги как внутри, так и между отдельными страницами актуализируются отдельными дейктическими единицами, как, например, в карточке с текстом: *why you say you see later* (рис. 16). Такие короткие перформативные стихотворения (как и типологически близкие к ним карточки Л. Рубинштейна) представляли, по сути, прототип обмена мгновенными сообщениями в интернет-коммуникации нашего времени.

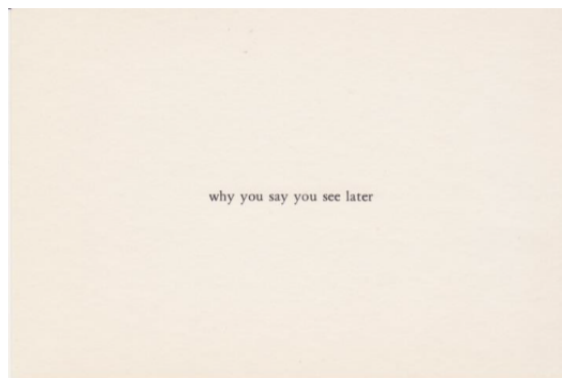

Рис. 16. Р. Греньер. Из *Sentences towards Birds*

Дискурсивный, или текстовый дейксис, служит в «языковом письме» инструментом саморефлексии, как, например, в «Заметках о Ларри Айгнере» К. Кулиджа (рис. 17) и во многих подобных работах, где жанры стихотворения и эссе гибридизируются за счет свободного расположения предложений в пространстве страницы.

“Who wants to see himself”

I see . . .

the noun states accent in air

so much that an “on” or “hard” takes on
solidity of noun at line-end

the prepositional phrases: a thought he’s
using only one unit, over & over again
(Cezanne?)

every line hit to a conclusion; the prepositional phrase
pushed up against its noun-wall; the single noun,
preposition, whichever, its own wall; each wall
a cut in space

“a wall was thick

air was a wall”

a nounal/prepositional universe. verb slides . . .

Рис. 17. К. Кулидж. Из *Larry Eigner Notes*

Характерной иллюстрацией саморефлексивности и пространственности языковой поэзии может служить стихотворение Р. ДюПлесси из ее цикла *Drafts*, названное *DEIXIS* (рис. 18) и раскрывающее интерес к этому явлению как в концептуальном, так и в практическом планах. С поэтикой эгоцентрических слов активно работает также еще один «языковой поэт» Р. Силлиман; одна из его поэм симптоматично названа *You* и представляет собой поэтико-прозаические миниатюры (рис. 19), публиковавшиеся в течение 1995 года в его интернет-блоге. А другой автор этой школы Б. Уоттен публикует в Интернете во время пандемии COVID-19 поэму *Notzeit*, в которой специально выделяет дейктические слова (рис. 20), акцентируя неопределенную субъектность во времена самоизоляции, удаленного общения и утраты живого коммуникативного контакта⁵.

⁵ См. о лингвопрагматических сдвигах в современной русской и американской поэзии: (Соколова, Захаркив, 2022).

Here is the time for the thing called the sayable
here its tiny home
here as exchange is its unsayable.

And here is the oddity: that
I is not speaking to *you* but to *it*
(For the poet I, is speaking
and it to I,
(to it, and it
the shift between them
(to I; shifting
brings I to the status of it.
(brings I to it like a gift.

PN 228.¹⁸ On my knees
between metaphor and translation
say I fell. It isn't true
and plot like that,
the plotzy sentiment, I resist;
so, wait, let's say I didn't fall, I'd knelt.
Heavy, this penumbra of declaration.
So say myself went looking for
some call number
that happened to be on the lowest shelf.

In the old story it was clear who called,
but in this-now can only stamp the thing "answered"
and maybe falsify date of receipt.
So to the call, I called back *here am I*
and *there I am*:

Рис. 18. Р. Блау ДюПлесси. Из *Drafts*

You, part I

I

Hard dreams. The moment at which you recognize that your own death lies in wait somewhere within your body. A lone ship defines the horizon. The rain is not safe to drink.

In Grozny, in Bihac, the idea of history shudders with each new explosion.

The rose lies unattended, wild thorns at the edge of a mass grave. Between classes, over strong coffee, young men argue the value of a pronoun.

When this you see, remember. Note in a bottle bobs in a cartoon sea. The radio operator's name is Sparks.

Рис. 19. Р. Силлиман. Из *You*

I

What I am to think about, in *this* room without others, is the nature of Zero Hour – the new life. *Our* inquiry is an opening to *that* question.

II

The poet sees *himself* as an isolato, "a person... physically or spiritually isolated from *others*." *You* are collectively isolated, *each* in *their* turn.

That is the common condition *we* have sequestered *ourselves* within. *This* is the occasion for what I now undertake to write: *here* begin.

Рис. 20. Б. Уоттен. Из *Notzeit*

Поэтика дейксиса у близкого к «языковым» авторам русского поэта А. Драгомощенко заслуживает отдельной статьи. Отметим лишь, что в последней его книге «Тавтологии» проблема субъективности в языке становится ведущей темой. Почти во всех текстах здесь личные местоимения заключаются в кавычки: *Неуловима и бессонна, как «другой», / В словесном теле чьем «я» западней застыло; Видим, как «мы» расслаивается на «я» уравнений времени / (никогда ни одного на дороге). Даже, если до пота на амальгаме.* Кавычки здесь — графический оператор дейктических сдвигов. Наглядная демонстрация процесса объективации дейктических слов явлена в следующем стихотворении (рис. 21). Субъект в данном случае полностью «воязыковляется», и при этом автор текста становится оператором субъективностей.

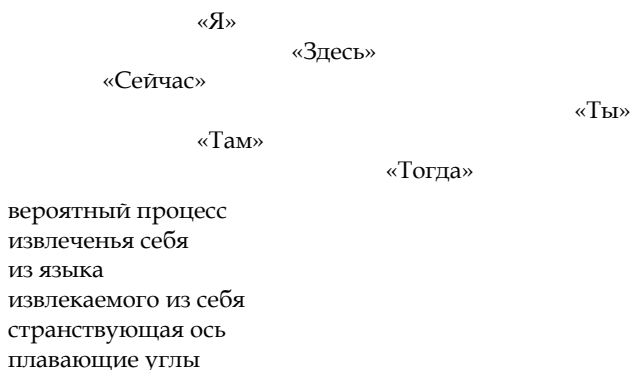

Рис. 21. А. Драгомощенко. Из *Тавтологии*

Таким образом, мы видим, как дейксис под влиянием различных каналов поэтической коммуникации меняет и субъективность поэтического дискурса. От типографских экспериментов Э. Э. Каммингса, концептуальных поэтических объектов, ландшафтной поэзии — до поэзии «языковой», в которой материальность языка явлена на различных уровнях, в том числе метаязыковом: дейксис осваивает новые каналы поэтической коммуникации, новые художественные медиа и новые среды взаимодействия. К лингвопоэтике и лингвопрагматике подключается и лингвоэстетика, учитывающая не только репертуар поэтического языка, но и различные эстетические условия порождения поэтического высказывания.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Ахапкин Д. Н. Когнитивная поэтика и проблема дейксиса в художественном тексте // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. СПб., 2012. С. 252–263.
- Голубицкая Н. Визуальная конфигурация стиха как особый тип семиозиса во французской экспериментальной поэзии: от Стефана Малларме к Тристану Тцара // Новое литературное обозрение. 2019. №2. С. 143–162.
- Евграшикина Е. Игры с перспективой и «полагание» субъекта: о дейксисе поэтического текста // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии. Верн, 2018. С. 171–184.

- Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991.
- Иванов Вяч. Вс. Категория определенности-неопределенности и шифтеры // Категория определенности-неопределенности в славянских и балтийских языках. М., 1979. С. 90–117.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Соколова О. В. Современная поэзия в мире рекламы: дейктическая организация поэтического и рекламного текстов // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2013. №1. С. 28–36.
- Соколова О. В., Захаркив Е. В. Лингвопрагматические сдвиги в новейшей поэзии: русско-американские параллели // Литература двух Америк. 2022. №12. С. 115–142.
- Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
- Фещенко В. В. Дейксис как присутствие субъекта в поэтическом тексте // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии. Bern, 2018. С. 157–169.
- Green K. A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry. Sheffield, 1992.
- Levinson S. Pragmatics. Cambridge, 1983.
- Perloff M. Unoriginal Genius: Poetry by Other Means in the New Century. Chicago ; L., 2010.
- Proskurin S., Feshchenko V. Voice and bodily deixis as manifestation of performativity in written texts // Semiotica. 2019. №227. P. 317–334.
- Shvets A. "poem-paintings" by V. Kamensky: performative gesture and its material embodiment // Новый филологический вестник. 2020. №2. С. 245–255.
- Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. L., 2002.
- Tsur R. Deixis in Literature. What isn't cognitive poetics? // Pragmatics and Cognition. 2008. Vol. 16, №1. P. 119–150.

Об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.
E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

Для цитирования:

Фещенко В. В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 49–66. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-3.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

EXPERIMENTAL DEIXIS IN THE SPACE OF POETIC TEXT

V. V. Feshchenko

Institute of Linguistics RAS,
1–1 Bol. Kislovsky per., Moscow, 125009, Russia
Submitted on December, 2022
Accepted on January 31, 2023
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-3

The article deals with the linguopoetics of deixis as one of the key mechanisms for expressing subjectivity in artistic communication. The aim of the study is to discuss the specifics of deictic words and constructions in experimental poetic discourse. The second part

of the article analyzes the functions of personal, spatial, and discourse (textual) deixis in the visual layout of a poetic text (spatial design of verse). The material for analysis encompasses Edward Cummings' experimental verse, conceptual poetry, US Language Writing, and Arkadii Dragomoshchenko's poetic texts. The study has found that the deictic means of language, interacting with the visual space of the poetic text, actualize the dynamic subjectivity of the aesthetic utterance. In poetic discourse, the spatiality, length and duration of the utterance (message) as such is a particularly active field of indexicality.

Keywords: deixis, language experiment, poetic discourse, spatial design, subjectivity, linguistic pragmatics

References

- Akhapkin, D.N., 2012. Cognitive Poetics and the Problem of Deixis in a Literary Text. In: *Kognitivnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive Studies: collection of scholarly papers]. St. Petersburg, pp. 252–263 (in Russ.).
- Evrashkina, E., 2018. Games with perspective and the “positing” of the subject: on the deixis of a poetic text. In: *Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii* [The subject in the latest Russian-language poetry]. Bern, pp. 171–184 (in Russ.).
- Feshchenko, V.V., 2018. Deixis as the presence of the subject in a poetic text. In: *Sub"ekt v noveishei russkoyazychnoi poezii* [The subject in the latest Russian-language poetry]. Bern, pp. 157–169 (in Russ.).
- Golubitskaya, N., 2019. The visual configuration of poetry as a distinct type of semiosis in french experimental literature: from Stéphane Mallarmé to Tristan Zzara. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2, pp. 143–162 (in Russ.).
- Green, K., 1992. *A Study of Deixis in Relation to Lyric Poetry*. Sheffield.
- Ivanov, Vyach. Vs., 1979. Category of definiteness-indefiniteness and shifters. In: *Kategoriya opredelennosti-neopredelennosti v slavyanskikh i baltiiskikh yazykakh* [The category of definiteness-indefiniteness in the Slavic and Baltic languages]. Moscow, pp. 90–117 (in Russ.).
- Kovtunova, I.I., 1986. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow (in Russ.).
- Levinson, S., 1983. *Pragmatics*. Cambridge.
- Perloff, M., 2010. *Unoriginal Genius: Poetry by Other Means in the New Century*. Chicago, London.
- Proskurin, S. and Feshchenko, V., 2019. Voice and bodily deixis as manifestation of performativity in written texts. *Semiotica*, 227, pp. 317–334, <https://doi.org/10.1515/sem-2017-0133>.
- Shvets, A., 2020. “poem-paintings” by V. Kamensky: performative gesture and its material embodiment. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2, pp. 245–255.
- Sokolova, O.V. and Zakharkiv, E.V., 2022. Linguo-Pragmatic Shifts in Contemporary Poetry: Russian-American Parallels. *Literature of the Americas*, 12, pp. 115–142, <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2022-12-115-142> (in Russ.).
- Sokolova, O.V., 2013. Contemporary poetry in the world of advertising: deictic organization of poetical and advertising texts. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], 1, pp. 28–36 (in Russ.).
- Stepanov, Yu.S., 2010. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow (in Russ.).
- Stockwell, P., 2002. *Cognitive Poetics. An Introduction*. London.
- Tsur, R., 2008. Deixis in Literature. What isn't cognitive poetics? *Pragmatics and Cognition*, 16, pp. 119–150.

Zolyan, S. T., 1991. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a poetic text]. Erevan (in Russ.).

The author

Dr. Vladimir V. Feshchenko, Senior researcher, Institute of Linguistics RAS, Russia.

E-mail: vladimirfeshchenko@iling-ran.ru

To cite this article:

Feshchenko, V. V., 2023, Experimental deixis in the space of poetic text, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 49–66. 10.5922/2225-5346-2023-2-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ В ТЕАТРЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ И РОЛЬ ЖЕСТА В ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Е. Г. Логинова

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Россия, 390000, Рязань, ул. Свободы, 46
Поступила в редакцию 17.09.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-4

Уточняется понятие выразительности высказывания применительно к семиотически гетерогенному художественному коммуникативному событию, представляющему собой результат последующих трансформаций литературного произведения как вторичного дискурса, согласно подходу Ю. М. Лотмана. Обосновывается возможность рассмотрения выразительности с позиции смысловой значимости разных семиотических ресурсов в процессе создания эффективного высказывания, интенсифицирующего художественную рельефность исходного материала. Для формирования исследовательского корпуса автор статьи обращается к дискурсивному пространству драмы, объединяющему текст пьесы и спектакли-дериваты, а также возможные промежуточные дискурсивные практики, в частности публичную читку пьесы. Исходя из установленных в работе параметров когнитивно-семиотического конструирования выразительного семиотически гетерогенного высказывания, автор анализирует функциональные возможности жеста, выступающего одним из основных выразительных средств в театре. Интерпретируются данные качественного и количественного сопоставительного анализа выразительности жеста в сценической постановке как полимодальном деривате по отношению к тексту пьесы и театральной читке как самостоятельном типе дискурса.

Ключевые слова: вторичное моделирование, конструирование смысла, театральный дискурс, жест, выразительность, эмфатизация, эмоционализация

1. Вступление: постановка исследовательской задачи

В современной филологии и лингвистике вопросы, касающиеся выразительности высказывания, остаются одними из наиболее обсуждаемых. При этом многообразии проблем, связанных с данным феноменом, предполагает обращение к таким разноплановым художественным дискурсивным практикам, как поэтический и нарративный дискурс, детская литература, кинодискурс и пр.

В статье речь пойдет о драматургическом произведении, которое, будучи результатом вторичного моделирования процессов познания, согласно лотмановскому пониманию искусства (Лотман, 2002), выступает основой для последующего семиотически гетерогенного модели-

рования, результирующего в спектаклях-дериватах — вторичных художественных конструктах по отношению к исходному драматургическому произведению. Несмотря на то, что выразительность на сцене традиционно трактуется в разных аспектах — в аспекте синтетического характера драмы: А. А. Аникст (1967), В. Э. Мейерхольд (1968), П. Г. Богатырев (1975), В. Е. Хализев (1988) и др.; в аспекте сценической пластики: К. С. Станиславский (1938), И. Э. Кох (2010) и др.; в аспекте театральной риторики и семиотики: Р. Барт (1989), Я. Мукаржовский (1994), Ю. М. Лотман (1998), Э. Фишер-Лихте (Fisher-Lichte, 1992), К. Илам (Elam, 2002) и др. — актуальным представляется рассмотреть выразительность в театре с позиций смысловой значимости невербальных семиотических ресурсов в процессе создания эффективного высказывания, воздействующего на зрителя в соответствии с коммуникативным намерением режиссера.

Театральная постановка и предшествующие ей сценарный режиссерский текст, коллективная читка пьесы на публику, индивидуальное прочтение пьесы — все это формы осмысления исходного литературного материала, формы познания, которое сопровождается возникновением знаков-дериватов.

Продолжая изучение проблемы взаимосвязи знаковых систем в ходе вторичного и последующего моделирования, начатое нами ранее (Логинова, 2021; Логинова, Ржешевская, 2021; Loginova, 2022), в настоящей работе мы ставим задачу уточнить понятие «выразительность» применительно к семиотически гетерогенному дискурсу и определить роль жеста как одного из основных невербальных средств конструирования выразительного высказывания в двух типах семиотически гетерогенного дискурса — дискурсе сценической постановки и дискурсе театральной читки. Анализ проводится с использованием единого терминологического аппарата и методологических установок, качественных и количественных методов. Попытаемся ответить на следующие вопросы: наблюдаются ли значимые различия в употреблении жеста в дискурсе сценической постановки по сравнению с дискурсом театральной читки? Какова роль жестов при последующем семиотически гетерогенном моделировании исходного коммуникативного события с точки зрения их функциональной направленности?

2. Теоретические установки и результаты исследования

2.1. *Выразительность во вторичных и последующих моделирующих системах*

Понятие вторичности (вторичная моделирующая система, вторичный семиозис), а также третичности и пр. предусматривает мотивированное авторской интенцией использование исходного материала для более глубокого проникновения в смысл. При этом сама идея последующего означивания исходного содержания имеет отношение к широкому спектру форм семиотически гомогенного и гетерогенного моделирования, что свидетельствует о потребности человека в фиксации вторичных (в широкой трактовке) смыслов, которые обусловлены опы-

том интерпретатора и коммуникативной ситуацией в целом. Так, помимо сценических постановок пьес объектом анализа могут становиться типы литературной имитации (пастиш, травести, центон); репликации агитационных плакатов (напр., репликации известного плаката начала прошлого столетия, содержащего вопрос-призыв «Ты записался добровольцем?» и имеющего прототипы в англоязычных культурах); ремейки художественных и мультипликационных фильмов; экранизации, музыкальные и художественные реинтерпретации литературных произведений; мемы и пр.

Возникновение новых смыслов, когда тексты «помещаются» в новые контексты (Золян, 2020, с. 5) и читатель или зритель имеет дело с некими конструктами-дериватами, происходит в условиях «коллоборативного» динамического семиозиса. В дискурсивном пространстве драмы такими «коллоборативными» интерпретаторами выступают драматург, читатель, режиссер, актеры, а также декораторы, гримеры, костюмеры, осветители и другие соавторы театрального перформанса, зрители. Идет непрерывный процесс выявления характеристик познания, заключенных в тексте пьесы, процесс поиска смысла и объективации этого смысла с помощью вербальных (языковых и интонационных) и невербальных средств. Последнее обусловлено используемыми медийными технологиями и художественно-эстетическими возможностями задействованных ресурсов. Остановимся на понятии «выразительность», востребованность которого при изучении разных типов художественных дискурсивных практик порождает разные уровни трактовки.

В своем ядерном значении выразительность вербального высказывания предполагает определенные структурные особенности (особенности фонетической, лексической, синтаксической структуры высказывания), предусматривающие более действенный прагматический и эстетический эффект на читателя / зрителя. Такое понимание выразительности делает это понятие синонимичным понятию «экспрессивность», на что указывается в лингвистических словарях (см., напр.: Ахманова, 1966; Розенталь, Теленкова, 1976; Жеребило, 2010). Придерживаясь данной трактовки, исследователи ставят задачу обобщить возможные средства выразительности и включают в общий перечень тропы, фигуры речи, авторские окказионализмы и пр. Стоит отметить, что в концепции тройственной функции языка К. Бюлера именно экспрессии отводится ведущая роль, которую дополняют апелляция и репрезентация (Бюлер, 1993, с. 37).

Понимание выразительности может выходить за пределы отдельных языковых средств, распространяясь на организацию речевого произведению в целом. В этом случае в фокус исследователей попадает мотивированность авторской речи целью высказывания и коммуникативным контекстом, отбор значимых деталей, логичность и ясность организации фактуальной информации и пр. (см. работы по стилистике и риторике речи Б.Н. Головина (1988), Г.Я. Солганика (1997) и др.). Выразительность организации речевого произведения соотносится с коммуникативной и эстетической значимостью высказывания, что наглядно демонстрируется исследователями на материале художественных

текстов, предполагающих создание образности, а значит – развитие смысловых ассоциаций (см., напр.: Шмелев, 1964; Тюпа, 2001; Ключи нарратива, 2012; Колкер, Устинова, 2021).

С позиций современной когнитивной лингвистики считаем обоснованным говорить о *полиmodalной выразительности*, которая достигается в процессе объективации концептуального содержания как вербальными (включая интонационное оформление реплик, расстановку пауз и их длительность, усиление или ослабление громкости произнесения и пр.), так и невербальными средствами и помогает передать это содержание с увеличенной интенсивностью. Например, при декламации стихов вербальный текст в сочетании с исполнительской манерой чтеца обретает силу, создает эффект восприятия, который рождает спорадические или устойчивые оценки. Не ограничиваясь созданием образности, эмоциогенность данного типа устного дискурса предполагает моделирование эмоций персонажей, что ведет к углублению эмоциональной рефлексии и возникновению эмпатического отклика. В этом плане значимым представляется рассмотрение выразительности как оценочно-эмоциональной категории, отражающей мнения и переживания говорящего, его отношение к содержанию или адресату высказывания. Соответственно, особую роль приобретает анализ использования говорящими «эмотивного кода» языка (термин В.И. Шаховского), выявление частных способов выражения оценки в мультимодальном/мультиканальном речевом акте (см. об этом: Телия, 1991; Шаховский, 2011; Зализняк, 2012).

Выразительность высказывания в театре – еще более многослойный феномен, поскольку содержание и форма оказываются в равной степени необходимыми составляющими искусства. Форма сама по себе является сутью художественности. Как писал К.С. Станиславский, «нужна сущность в полной или даже в углубленной мере и нужна в одинаковой мере та форма, которая эту сущность целиком и красиво выражает» (цит. по: Зись, 1975, с. 222). Ю.М. Лотман, подчеркивая, что смысл определяется только в контексте (Лотман, 1992, с. 59), предлагал заменить дуализм формы и содержания понятием «идеи, реализующей себя в адекватной структуре и не существующей вне этой структуры» (Лотман, 1998, с. 24). Согласно подходу А. Белого, единство формы и содержания составляет «формосодержание», которое выступает неотъемлемым элементом триады *форма – содержание – формосодержание* (Белый, 1990, с. 190).

Выбор формы в ходе семиотически гетерогенного моделирования в театре характеризуется тем, что все задействованные режиссером и актерами вербальные и невербальные семиотические ресурсы нацелены не столько на создание визуального впечатления, сколько на развитие коммуникативной ситуации текста-оригинала, ее интерпретацию, чтобы уточнить замысел драматурга. Поэтому лингвистилистическое «препарирование» театрального дискурса возможно, но лишь с целью вычленения механизмов экспрессивности. Если же говорить о создании эффективного высказывания, способного эксплицировать то, что нахо-

дится в латентном виде, заинтересовать зрителя, воздействуя на него в соответствии с коммуникативным намерением режиссера, то выразительность в театре следует рассматривать, на наш взгляд, как технологию конструирования смысла.

Итак, в отношении семиотически гетерогенного устного художественного дискурса выразительность предполагает сложное сочетание разноуровневых характеристик, взаимообусловленность которых выступает залогом воздействия произведения на зрителя, а также обуславливает формирование смысловых проекций. Происходит привнесение некоторой субъективности в условиях конкретной ситуации, согласно трактовке смысла отечественными психолингвистами начиная с работ Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева и др. (см., напр., обзор в: (Красных, 2001)).

Представляя собой соответствие вербальных (языковых, интонационных) и невербальных средств прагматической задаче формирования у зрителя чувства эстетического сопереживания, непосредственного эмоционального соучастия, выразительность театральной постановки соотносится с художественностью, органичностью, гармоничностью, оригинальностью, чувством меры и пр. При этом создаются условия для «высвечивания» исходного содержания, а значит — для семиотического резонанса, который ведет к амплификации смысловых проекций, увеличению экспрессивности и более действенному прагматическому эффекту за счет интерпретации и кумуляции исходных эмоционально-смысловых «узлов». Подробно о семиотическом резонансе идет речь в работе (Логинова, 2021).

Режиссер спектакля всегда находится в поиске средств выразительности, усиливающих смысловые проекции. Одним из таких средств является жест актера, который может выступать одновременно средством усиления экспрессивно-эмотивного и семантико-прагматического компонентов значения вербальной реплики.

2.2. Жест в спектакле как инструмент вторичного моделирования

Традиционно жестовое поведение, сопровождающее речь персонажей театральной постановки, трактуется довольно широко, включая позы, движение рук, глаз, мимику актера на сцене и положение актера в мизансцене. В своей работе мы анализируем жест в узком понимании, то есть как «видимое телесное действие», как правило, осуществляемое руками или головой, «осознанно исполняемое» и имеющее знаковую природу (Крейдлин, 2002, с. 59).

Используя разработанные на данный момент подходы к классификациям жестов (см. классификации А. Кендона (Kendon, 2004), Д. Макнила (McNeil, 2005), А. Ченки и К. Мюллер (Cienki, Müller, 2008), Г. Е. Крейдлина (2002; 2011), Е. А. Гришиной (2017)), можем выделить несколько основных типов сценических жестов: изобразительные, включающие метафорические жесты и жесты, иконически изображающие референт; ориентирующие (указательные); структурирующие дискурс

и помогающие ритмически организовать высказывание (также «служебные» жесты или «жестовое ударение»); прагматические, выражающие отношение, оценку говорящего, эмоциональный всплеск. Отметим, что название «прагматический» для жеста представляется нам несколько условным, поскольку сопровождающее речь жестовое поведение всегда выступает источником сопутствующих смыслов, соотносимых с условиями коммуникации. Поэтому в своей работе мы исходим из различий не в типе жеста, а в функциональной направленности или «функциональной доминанте» жеста, на что также обращает внимание Е. А. Гришина. В частности, исследователь отмечает, что в жестовом поведении русскоговорящих указательный жест, направленный на адресата, функционирует как прагматический, реализуя и регулирующую функцию, и функцию привлечения внимания адресата (Гришина, 2017, с. 18–19). Г. Е. Крейдлин подчеркивает необходимость выделять (помимо собственно дейктического жеста) характеризующий дейктический жест, при котором указание на объект или в направлении объекта выполняется с целью охарактеризовать какие-то его свойства (Крейдлин, 2014, с. 109).

Как показал проведенный анализ, жесты на сцене могут одновременно реализовывать несколько коммуникативно-прагматических установок, исходя из чего возможны прагматико-изобразительные, прагматико-ориентирующие и прагматико-структурирующие жесты. Это объясняется тем, что в естественной коммуникации жест функционирует как средство телесной концептуализации или воплощения референта. В театре жест мотивирован художественным замыслом и предполагает множественного адресата. Участвуя во вторичном по отношению к пьесе (художественном) моделировании, жест представляет собой инструмент вторичного воплощения или воплощения вторичного уровня, что соответствует понятию “a secondary order of constructivity” в работе (Hart, 2006).

Таким образом, в условиях внешней перспективы сценической коммуникации, направленной на зрителя, жест является заранее продуманным семантически и прагматически «нагруженным» движением, приводящим к усилению имеющихся и порождению дополнительных смыслов.

Анализ проводился на материале сценических постановок четырех пьес представителей «новой драмы» в отечественной драматургии (период с конца 1970-х до конца 1990-х гг.) — «Утиная охота» А. Вампилова, «Чудная Баба» и «Ехай» Н. Садур, «Бегущие странники» А. Казанцева. В исследовательский корпус вошли спектакли режиссеров Р. Хейфеца (Театр Моссовета, 1999), А. Марина (МХТ им. Чехова, 2006), А. Коренюгина (Образцовый театр «На стульях», 2011), О. Нагорничных (театральная студия Ярославского государственного театрального института, 2013), Л. Бурлаковой (Народный театр «Волшебный фонарь», 2016), С. Руденок (Приморский драматический театр флота, 2017). По пьесам «Утиная охота» и «Чудная Баба» анализировались постановки разных режиссеров. Общий объем видеоматериала — 620 минут.

В соответствии с «функциональной доминантой» жестового поведения, количественные показатели распределились следующим образом: прагматические жесты — 42 %; иллюстрирующие — 31 %; ориентирующие — 23 %; дискурс-структурирующие — 3 %. Нами также отмечены отдельные случаи использования жестов-адаптеров (предметные адаптеры и самоадаптеры), которые в дискурсе театральной постановки реализуют функцию создания образа персонажа, выступают невербальной характерологической деталью.

Выдвинув гипотезу о том, что вклад жестового поведения в создание выразительного высказывания будет определяться тем, какая коммуникативно значимая информация профилируется с помощью жеста, сопровождающего реплику актера, мы предприняли попытку суммировать функциональные параметры жестовой модальности, которые актуализируются при взаимодействии вербальных и невербальных ресурсов в конкретном коммуникативном контексте. К таким функциональным параметрам относятся следующие:

- невербальная репрезентация концептуального содержания (аддитивный характер), создающая эффект «погружения» в конструируемое событие;

- невербальная репрезентация концептуального содержания (неаддитивный характер), сопряженная с объективацией некоторого дополнительного концептуального содержания;

- невербальная репрезентация концептуального содержания (контрадикторный характер), предполагающая контраст между концептуальным содержанием, выражаемым с помощью вербальных и невербальных средств;

- невербальная характеристика персонажа (также отношения персонажа к референту, собеседнику);

- невербальная репрезентация качественных признаков референта (объекта или события);

- невербальная репрезентация логической и формальной структуры вербального высказывания.

Установленные нами параметры маркируют процессы когнитивно-семиотического конструирования выразительного высказывания с помощью жестового контура, обуславливая создание художественного контекста, который характеризуется движением смыслов, их плотностью и усилением. В качестве иллюстрации приведем примеры невербальной репрезентации логической и формальной структуры высказывания. Так, реплика *Всему должно быть свое место и время* из спектакля по пьесе А. Вампилова «Утиная охота», сопровождается жестовыми ударениями: движение указательным пальцем правой руки в направлении вниз, синхронизированное с существительными *место* и *время* (МХТ им. Чехова, 2006). Жест указательным пальцем по направлению сверху вниз подчеркивает уверенность говорящего в своих словах, выступая своего рода мануальным аналогом кивка. Одновременно с ритмической организацией высказывания и выражением отношения говорящего жест выводит в фокус концептуальный компонент «незыблемое правило», «устоявшийся миропорядок», усиливая аллюзию к ветхозаветному писанию.

Сходный пример из этого же спектакля – движение кисти руки сверху вниз с выставленным вперед указательным пальцем, синхронизированное с ударными слогами в реплике *А сейчас садитесь и пишите объяснительную*. Такое мануальное движение имеет назидательное значение и придает динамизм конструируемому событию.

Еще один пример – жестовое ударение «вертикальное сечение ребром ладони» сначала одной руки, затем обеих рук, что отражает последовательность действий (первое действие, второе и т. п.). Данный фрагмент интересен тем, что вербальная составляющая высказывания модифицируется по сравнению с исходным драматургическим текстом. Сравним:

Зилов. <...> Обещайте, клянитесь, угрожайте. Как обычно... (Вампилов, 2013, с. 206).

Зилов. Угрожайте [жест], клянитесь [жест], обещайте [жест] ... Ну как всегда... (МХТ им. Чехова, 2006).

Как видим, последовательность перечисленных коммуникативных действий в реплике в спектакле меняется: наиболее эффективное средство *угрожайте* занимает начальную позицию, а менее действенное *обещайте* сдвигается в конечную позицию. Это отражает иное отношение персонажа к сообщаемой информации. Нами также отмечены ситуации, когда жестовый контур, выражая семантику иерархии, метафорически представляет возможные варианты как располагающиеся в разных точках конструируемого пространства (слева / справа; выше / ниже), что также предполагает реализацию ориентирующей функции, а именно – направления внимания адресата.

Подытоживая, отметим, что параллельное «выравнивание» вербального и жестового измерений в спектакле обуславливает коммуникативно значимую синхронизацию, посредством которой формируется образно-содержательный план театрального произведения, реализуются основные художественно-эстетические установки и прагматические задачи.

2.3. Жесты актеров в ходе театральной читки

Театральная читка представляет собой, как правило, импровизационное чтение текста пьесы актерами на публику. Соответственно, жестовое поведение в ходе читки является отражением сиюминутного настроения и позиции артиста, что отличает характер жестов в данном типе дискурса по сравнению с дискурсом сценической постановки. Помимо жеста рук, в ходе читки «подключаются» просодический канал, цефалический канал, коммуникативно значимые движения корпуса и ног как самостоятельные кинетические каналы (см. работы по мультиканальной коммуникации А.А. Кибрика и О.В. Федоровой (2018) и др.).

Невербальное поведение может быть заложено драматургом в тексте пьесы, и задача актеров – визуализировать написанное автором.

Вместе с тем невербальное поведение может отражать творческую переработку тех или иных сфер личного опыта, результатом которой становится создание новых смыслов в процессе порождения и восприятия высказывания. В целом все происходящее во время театральной читки иллюстрирует процесс кросс-модальной иконичности, когда разные коммуникативные каналы являются взаимозависимыми, совместно участвуют в конструировании значений.

Существуют промежуточные варианты читки, более приближенные к эскизу будущего спектакля. В этом случае действие организовано в мизансцены, актеры могут передвигаться по сценической площадке, задействуются не только жесты и мимика, но и реквизит, музыкальное сопровождение, невербальные действия, например передвижения по сценической площадке и пр.

В качестве материала исследования мы обратились к записям читки пьесы Д. Данилова «Человек из Подольска» (2016). Разными театральными коллективами представлены разные варианты читки: более традиционный, когда актеры сидят в ряд перед зрительным залом (Мытищинский театр драмы и комедии ФЭСТ, 4.11.2017); читка-эскиз с добавлением музыкального сопровождения и реквизита (Санкт-Петербургский театр «Мастерская», 5.12.2017). Общий объем видеоматериала – 120 мин.

Количественному анализу подвергся только традиционный вариант читки. В соотношении с «функциональной доминантой» жестового поведения нами получены следующие результаты: прагматические жесты – 56 %; иллюстрирующие – 18 %; ориентирующие – 11 %; дискурс-структурирующие – 10 %; самоадаптеры – 5 %.

Количественные данные по двум типам театрального дискурса суммирует диаграмма ниже.

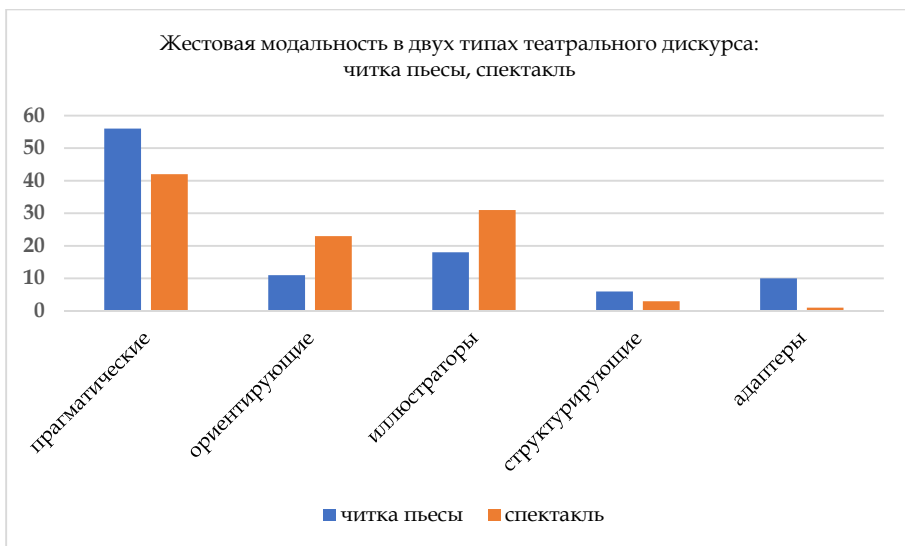

Рис. Сопоставительные данные по типам жестового поведения в дискурсе театральной читки и дискурсе сценической постановки

Сопоставительный анализ жестов в дискурсе сценической постановки и дискурсе театральной читки показал, что наряду с установленными нами выше типами жестового поведения в читке часто используются жесты-самоадаптеры: прикосновения к лицу и телу (как правило, в стрессовых ситуациях). Еще одно наблюдение: условия читки (сидячая поза, линейная рассадка, необходимость держать в одной руке или обеих руках текст пьесы и пр.) обуславливают тот факт, что используемые жесты характеризуются определенной траекторией движения, направлением, ориентацией ладони и пр. Например, в анализируемом материале частотным оказалось применение конфигурации «открытая ладонь» и жестовых ударений. Также при работе с читкой более наглядно видно, что жесты, сопровождающие чтение текста, сопряжены с эмфатическим выделением слов, повышением громкости, ускорением или, наоборот, замедлением скорости произнесения. Это дает возможность использовать данный материал для изучения невербальных средств выдвигания эмоционально значимых моментов высказывания, что рассматривается нами как тема отдельного исследования, в рамках которого предусматривается аннотирование видеоданных с помощью специализированных компьютерных технологий, в частности программ PRAAT и ELAN.

Далее нами были уточнены функциональные параметры, маркирующие процессы когнитивно-семиотического конструирования выразительного высказывания в ходе читки. Отмечено, что жестовое поведение в данном типе театрального дискурса характеризуется спонтанностью, а также в значительной мере соотносится с исполнительской манерой актера, его личным восприятием драматургического произведения. Жесты, с помощью которых актер пытается воссоздать когнитивно-эмоциональное состояние своего персонажа, отражают все перечисленные выше прагматически релевантные параметры, за исключением двух: невербальная репрезентация концептуального содержания (неаддитивный характер) и невербальная репрезентация концептуального содержания (контрадикторный характер). Это объясняется тем, что в читке эмотивная сторона превалирует над фактуальной. Возникающее семантическое «натяжение» между вербальными знаками и жестами, с одной стороны, позволяет удерживать внимание на ключевых компонентах содержания; с другой — усиливает сопредельные значения: эмотивность, оценочность, образность.

Таким образом, несмотря на то что при чтении пьесы на публику ситуация кажется приближенной к естественной коммуникации, когда человек транслирует на невербальном уровне то, что говорит на вербальном, театральный актер все же более чувствителен к словам и паузам. В отличие от невербального поведения в иных сферах профессиональной коммуникации, связанных с повышенной когнитивной нагрузкой и преодолением речевых затруднений (например, жесты переводчика-синхрониста в кабине), жесты актера интенсифицируют художественную выразительность произведения, подчеркивая основные смыслообразующие фрагменты.

3. Выводы и перспективы исследования

Обратившись к анализу жестового поведения театральных актеров в сценической интерпретации пьесы и в ходе читки пьесы на публику, мы прежде всего ставили задачу уточнить понятие выразительности высказывания применительно к семиотически гетерогенному дискурсу, а также определить роль жеста в конструировании выразительного высказывания в условиях заранее срежиссированного и, наоборот, более произвольного театрального действия. Нами выявлены определенные различия в употреблении жестов в дискурсе сценической постановки по сравнению с дискурсом театральной читки и установлены ключевые параметры функциональной направленности жестов в процессе художественного семиозиса.

Проведенное исследование показало, что в разных типах театрального дискурса (читка, спектакль) конструирование содержания с помощью вербально-жестовых комплексов как конститутивных элементов поэтики театрального дискурса всегда контекстуально обусловлено. Режиссер и актеры воссоздают ранее переданный опыт, обращаясь к иной системе выразительных средств, и задают ракурс видения конкретной ситуации. Это означает, что в процессе художественного семиозиса смыслы, имплицитные драматургом, становятся основой для новых семиотически гетерогенных репрезентаций, усиливающих и «обнажающих» не только авторские интенции, но и те содержательные составляющие, которые находятся за пределами контроля автора. В такой трактовке читку пьесы и театральную постановку следует рассматривать как метакоммуникативный процесс, характеризующийся своеобразным диалогом интерпретаций взаимодополняющих семиотических систем. При этом выразительность и смыслопорождение находятся во взаимосвязи, поддерживают друг друга, хотя каждое стремится выйти за собственные рамки: смыслопорождение стремится найти новые способы выражения, отсюда — одискречивание смысла и новые знаки, а выразительность стремится приобрести иные функциональные характеристики, кроме имеющихся.

Список литературы

- Аникст А. А. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. М., 1967.
Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М., 1989.
Белый А. Между двух революций. Серия литературных мемуаров. М., 1990. Т. 3.
Богатырев П. Г. Знаки в театральном искусстве // Ученые записки ТГУ. Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. 7, вып. 365. С. 6–25.
Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993.
Вампилов А. Утиная охота // Вампилов А. Утиная охота : пьесы. М., 2013. С. 175–271.
Головин Б. Н. Основы культуры речи : учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. М., 1988.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М., 2017.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010.

Зализняк А. А. Механизмы экспрессивности в языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты : сб. ст. в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука / под ред. Ю. Д. Апресяна и др. М., 2012. С. 651–664.

Золян С. Т. Юрий Лотман: О смысле, тексте, истории. Темы и вариации. М., 2020.

Зись А. Я. Искусство и эстетика. Введение в искусствознание. 2-е изд., испр. и доп. М., 1975.

Кибрик А. А., Федорова О. В. О структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса : сб. науч. ст. к 70-летию В. З. Демьянкова / отв. ред. В. В. Фещенко. М., 2018. С. 180–191.

Ключи нарратива / отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2012.

Колкер Я. М., Устинова Е. С. Выразительность текста в парадигме «поэтика — поэзия — перевод» // Иностранные языки в высшей школе. 2021. №2 (57). С. 108–117.

Кох И. Э. Основы сценического движения. СПб., 2010.

Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и театр // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. №14. С. 40–48.

Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 100–120.

Логина Е. Г. Семиотический резонанс в естественной коммуникации и художественном дискурсе. Рязань, 2021.

Логина Е. Г., Ржешевская А. А. Речь и жесты в дискурсе драмы // Полимодальные измерения дискурса / под ред. О. К. Ирисхановой. М., 2021. С. 110–151.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.

Лотман Ю. М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» [1967] // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 274–293.

Мейерхольд В. Э. О театре. Статьи. Письма. Речи. Беседы. М., 1968. Ч. 1 : 1891–1917.

Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / пер. с чеш. М., 1994.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976.

Солганик Г. Я. Стилистика текста : учеб. пособие. М., 1997.

Станиславский К. С. Работа актера над собой. М., 1938.

Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36–67.

Тюпа В. И. Аналитика художественного. М., 2001.

Хализев В. Е. Драматическое произведение и некоторые проблемы его изучения // Анализ драматического произведения / под ред. В. М. Марковича. Л., 1988. С. 6–27.

Шаховский В. И. Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. 2011. №8 (62). С. 115–120.

Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964.

Sienki A., Müller C. Metaphor, gesture and thought // The Cambridge handbook of metaphor and thought / ed. by R. W. Gibbs. Cambridge, 2008. P. 484–501.

Elam K. The Semiotics of Theatre and Drama. L. ; N. Y., 2002.

Fisher-Lichte E. The Semiotics of Theatre [Semiotik des Theaters] / transl. by J. Gaines, D. L. Jones. Bloomington, 1992.

Hart F. E. Performance, phenomenology and the cognitive turn // Performance and Cognition: Theatre studies and the cognitive turn / ed. by B. McConachie and F. E. Hart. L. ; N. Y., 2006. P. 29–51.

Kendon A. Gesture: Visible action as utterance. Cambridge, 2004.

Loginova E. G. Meaning construal through multimodal clusters in the theatrical discourse // Languages and Modalities (LaMo). 2022. №2. P. 27–36. doi: 10.3897/lamo.@78572.

McNeil D. Gesture and Thought. Chicago, 2005.

Об авторе

Елена Георгиевна Логинова, доктор филологических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Россия.

E-mail: e.loginova@365.rsu.edu.ru

Для цитирования:

Логинова Е. Г. Выразительность в театре как технология смыслопорождения и роль жеста в ее реализации // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 67–82. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

EXPRESSIVENESS IN THE THEATRE AS A MEANING-MAKING TECHNOLOGY AND THE ROLE OF GESTURES IN ITS REALIZATION

E. G. Loginova

Ryazan State University named for S. Yesenin

46 Svobody St., Ryazan, 390000, Russia

Submitted on September 17, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-4

The paper examines the concept of multimodal expressiveness contributing to the general study of the expressive and emotive functions in belles-lettres texts. The author attempts to prove that in heterogeneous discourse expressiveness manifests itself as a meaning-making resource responsible for the form-content fusion. The analysis is carried out on the basis of two different kinds of theatrical discourse: theatrical performance and public play-reading. The author turns to theatrical interpretations of the plays by Alexander Vampilov, Alexander Kazantsev, Natalya Sadur, and to two public readings of the play "A man from Podolsk" by Dmitry Danilov, with the total duration of 740 minutes. The focus is on gesture as a pivotal semiotic resource of the theatre. The results of the comparative quantitative analysis show the

difference (i) in the gesture patterns and (ii) the frequency of their usage in the two kinds of theatrical discourse. The qualitative results are obtained with the help of the parametric analysis which is a relevant tool for estimating the activity and functions of gestural modality and as such helps to reveal the specificity of meaning construal.

Keywords: secondary modelling, meaning construal, theatrical discourse, gesture, expressiveness, emphatization, emotionalisation

References

- Akhmanova, O.S., 1966. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. Moscow (in Russ.).
- Anikst, A. A., 1967. *Teoriya dramy ot Aristotelya do Lessinga* [The Theory of Drama from Aristotle to Lessing]. Moscow (in Russ.).
- Barthes, R., 1989. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected writings. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow (in Russ.).
- Bely, A., 1990. *Mezhdru dvukh revolyutsii. Seriya literaturnykh memuarov* [Between the two revolutions. A series of literary memoirs]. Moscow (in Russ.).
- Bogatyrev, P.G., 1975. Signs in the theatrical art. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta. Trudy po znakovym sistemam* [Scientific letters of The University of Tartu. Sign Systems Studies], Vol. VII (365). Tartu, pp. 6–25 (in Russ.).
- Byuler, K., 1993. *Teoriya yazyka: reprezentatsionnaya funktsiya yazyka* [The Theory of Language: the representational function of language]. Moscow (in Russ.).
- Cienki, A. and Müller, C., 2008. Metaphor, gesture and thought. In: R. W. Gibbs, ed. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 484–501.
- Elam, K., 2002. *The Semiotics of Theatre and Drama*. 2nd ed. London and New York: Routledge.
- Fisher-Lichte, E., 1992. *The Semiotics of Theatre*. 2nd ed. Translated by J. Gaines, D.L. Jones. Indiana University Press.
- Golovin, B.N., 1988. *Osnovy kul'tury rechi: uchebnyk dlya vuzov po spetsial'nosti «Russkii yazyk i literatura»* [The fundamentals of speech culture: textbook for universities in the specialty "Russian language and literature"]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Grishina, E. A., 2017. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)* [Russian gestures from a linguistic perspective (a collection of corpus studies)]. Moscow (in Russ.).
- Halizev, V.E., 1988. A dramatic work and some problems of its study. In: V.M. Markovich, ed. *Analiz dramaticheskogo proizvedeniya* [The analysis of drama]. Leningrad, pp. 6–27 (in Russ.).
- Hart, F.E., 2006. Performance, phenomenology and the cognitive turn. In: B. McConachie and F.E. Hart, eds. *Performance and Cognition: Theatre studies and the cognitive turn*. London and New York: Routledge, pp. 29–51.
- Kendon, A., 2004. *Gesture: Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A. A. and Fedorova, O.V., 2018. On the structure of multichannel discourse. In: V. V. Feshchenko, ed. *Obrazy yazyka i zigzagi diskursa: sbornik nauchnykh statei k 70-letiyu V.Z. Dem'yankova* [Images of language and zigzags of discourse: a collection of scientific articles dedicated to the 70th anniversary of V. Z. Demyankov]. Moscow, pp. 180–191 (in Russ.).
- Kokh, I.E., 2010. *Osnovy stsenicheskogo dvizheniya* [The fundamentals of movement on stage]. St. Petersburg (in Russ.).
- Kolker, Ya.M. and Ustinova, E.S., 2021. The Affective Aspect of the “Poetics – Poetry – Translation” Paradigm. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (57), pp. 108–117, <https://doi.org/10.37724/RSU.2021.57.2.010> (in Russ.).

- Krasnykh, V. V., 2001. *Osnovy psikholingvistik i teorii kommunikatsii* [The fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moscow (in Russ.).
- Kreydlin, G. E., 2002. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and verbal language]. Moscow (in Russ.).
- Kreydlin, G. E., 2011. Nonverbal semiotics and theatre. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*, 14, pp. 40–48 (in Russ.).
- Kreydlin, G. E., 2014. The semiotic conceptualization of the human body and the question of multimodality. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2 (3), pp. 100–120 (in Russ.).
- Loginova, E. G. and Rzhesheshevskaya, A. A., 2021. Speech and gestures in the discourse of drama. In: O. K. Iriskhanova, ed. *Polimodal'nye izmereniya diskursa* [Multimodal dimensions of discourse]. Moscow, pp. 110–151 (in Russ.).
- Loginova, E. G., 2021. *Semioticheskie rezonansy v estestvennoy kommunikatsii i khudozhestvennom diskurse* [Semiotic resonance in natural communication and in drama as communication]. Ryazan (in Russ.).
- Loginova, E. G., 2022. Meaning construal through multimodal clusters in the theatrical discourse. *Languages and Modalities (LaMo)*, 2, pp. 27–36, <https://doi.org/10.3897/lamo.@78572>.
- Lotman, Yu. M., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 1998. *Ob iskusstve* [About Art]. St. Petersburg (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 2002. Theses on the problem “Art in a series of modeling systems” (1967). In: Yu. M. Lotman, ed. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Papers on semiotics of culture and art]. St. Petersburg, pp. 274–293 (in Russ.).
- McNeil, D., 2005. *Gesture and Thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- Meyerhold, V. E., 1968. *O teatre. Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy* [About theatre. Articles. Letters. Speeches. Talks], Vol. 1: 1891–1917. Moscow (in Russ.).
- Mukařovský, J., 1994. *Issledovaniya po estetike i teorii iskusstva* [Research on aesthetics and art theory]. Translated from Czech. Moscow (in Russ.).
- Nikolaeva, T. M., ed., 2012. *Klyuchi narrativa* [The keys to the narrative]. Moscow (in Russ.).
- Rosenthal, D. E. and Telenkova, M. A., eds. 1976. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [The explanatory dictionary of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).
- Shakhovskiy, V. I., 2011. Discursiveness of emotions in human communication. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University* [Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University], 8 (62), pp. 115–120 (in Russ.).
- Shmelev, D. N., 1964. *Slovo i obraz* [Word and image]. Moscow (in Russ.).
- Solganik, G. Ya., 1997. *Stilistika teksta: uchebnoe posobie* [Text stylistics: study guide]. Moscow (in Russ.).
- Stanislavski, K. S., 1938. *Rabota aktera nad soboi* [The actor's work on himself]. Moscow (in Russ.).
- Teliya, V. N., 1991. Mechanisms of expressive coloring of linguistic units. In: *Che-lovecheskii faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Linguistic mechanisms of expressiveness]. Moscow, pp. 36–67 (in Russ.).
- Tyupa, V. I., 2001. *Analitika khudozhestvennogo* [Analysis of artistic]. Moscow (in Russ.).
- Vampilov, A., 2013. Duck hunt. In: A. Vampilov, ed. *Utinaya okhota: p'esy* [Duck Hunt: plays]. Moscow, pp. 175–271 (in Russ.).
- Zaliznyak, A. A., 2012. Mechanisms of expressiveness in language. In: Yu. D. Apresyan, ed. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyva'yushchie syuzhety* [Meanings, texts and other exciting stories]. Moscow, pp. 651–664 (in Russ.).

Zherebilo, T. V., 2010. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [The dictionary of linguistic terms]. 5th ed. Nazran (in Russ.).

Zis', A. Ya., 1975. *Iskusstvo i estetika. Vvedenie v iskusstvovedenie* [Art and aesthetics. Introduction to art studies]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2020. *Yurii Lotman: O smysle, tekste, istorii. Temy i variatsii* [Yuri Lotman: on meaning, text, history. Themes and variations]. 2nd ed. Moscow (in Russ.)

The author

Dr. Elena G. Loginova, Associate Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin, Russia.

E-mail: e.loginova@365.rsu.edu.ru

To cite this article:

Loginova, E.G., 2023, Expressiveness in the theatre as a meaning-making technology and the role of gestures in its realization, *Slovo.ru: baltic accent*, 2023, vol. 14, No. 2, pp. 67–82. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ДИСТРИБУТИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАНТЫ В МЕТАЯЗЫКЕ КРОССВОРДА

М. А. Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения
Россия, 344038, Ростов-на-Дону,
пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2
Поступила в редакцию 04.05.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-5

Представлены результаты изучения такого специфического продукта энигматического дискурса, как кроссворд. Мощный потенциал исследуемого малого текста проявляется в его способности аккумулировать и транслировать культурные смыслы и ценности, что объясняет появление в последнее время большого количества работ по анализу лингвокультурологических, структурно-семантических и когнитивно-дискурсивных особенностей языка кроссвордов. Предпринятое в статье обращение к исследованию онтологической природы кроссворда опирается на изучение его метаязыковой сущности, поскольку в кроссвордных дескрипциях фиксируются результаты операций метаязыкового сознания, цель которых заключается в описании компонентов семантики зашифрованных номинаций.

Единицей исследования выступает кроссвордная ячейка – базовая структурная единица, которая формируется единством дескрипции и зашифрованной номинации. Дескрипция, содержащая информацию о закодированном слове, образует вербализованную часть кроссвордной ячейки, а кодируемая номинация – невербализованную часть, которая подлежит расшифровке в результате интерпретации дескрипции. Кодирование и декодирование знака выступают как два компонента, образующих диалогическое единство акта не прямой коммуникации между составителем кроссворда и его интерпретатором. Цель статьи состоит в изучении и описании дистрибутивного типа кроссвордных интерпретантов.

Дистрибутивные интерпретанты формируются на базе лакунизированных дескрипций и апеллируют к семантике энигмата посредством актуализации контекстов его употребления. Работа над языковым материалом позволила выявить принцип построения псевдодистрибутивных интерпретантов. При сохранении формальной идентичности с дистрибутивными интерпретантами они принципиально по-иному формируют зону поиска зашифрованного слова, не моделируя семантического контекста, а используя в качестве термов дескрипций части сложных слов с дефисным написанием, а также разнообразные прецедентные имена и высказывания.

Ключевые слова: кроссворд, метаязык, дескрипция, дистрибутивная интерпретанта, кодирование знака, декодирование знака, энигматический дискурс

Кроссворд как специфический текст малого формата представляет безусловный интерес для лингвистики. Кроссворд принято рассматривать в качестве продукта энигматического (от лат. *aenigma* – ‘загадка’) дискурса, обладающего мощным интерактивным потенциалом и проявляющегося в форме гипертекста, в котором энигматы кодируются

через энigmatоры (Денисова, 2008; Селиванова, 2013). С некоторой долей условности кроссворд можно считать современной разновидностью загадки. При значительном структурном сходстве тексты кроссворда и загадки имеют существенные функциональные различия. Если загадка, как известно, выполняет, в первую очередь, функцию конденсатора и транслятора культурных смыслов и ценностей (Цивьян, 1994; Абдрашитова, 2012), то за кроссвордным текстом принято закреплять функции интеллектуально-развлекательного характера. Интерес к текстам кроссвордов в нашем случае объясняется тем, что в них максимально эксплицитно реализуется метаязыковой потенциал естественного языка.

Необходимо пояснить, что под кроссвордами мы понимаем любые разновидности игр-задач («классические», скандинавские, китайские, венгерские кроссворды и др.), в которых с помощью дескрипций зашифрованы определенные номинации. Базовой структурной единицей кроссворда является кроссвордная ячейка, которая формируется единством дескрипции (энigmatора, кроссвордного ключа) и зашифрованной номинации (энigmatата, отгадки). При этом дескрипция, содержащая информацию о закодированном слове, образует поверхностную (вербализованную) часть кроссвордной ячейки, а кодируемая номинация — глубинную (невербализованную) часть. Последняя, по условиям игры, подлежит расшифровке в результате интерпретации дескрипции. Кодирование и декодирование знака выступают как два компонента, образующих диалогическое единство акта непрямо́й коммуникации между составителем кроссворда и его интерпретатором.

В настоящий момент в отечественной лингвистике сложилась теоретическая база изучения кроссвордных текстов. В ее основе лежат исследования, посвященные культурологическим (Захаренко, Красных, 1998; Красных, 2000; Вивич, 2019), структурно-семантическим (Денисова, 2008; Волкова, 2011; Кравченко, 2022б) и когнитивно-дискурсивным (Кравченко, 2005; Селиванова, 2013; Никитина, Гейко, 2021) особенностям языка кроссвордов. В зарубежной научной традиции основное внимание при исследовании языка кроссвордов направлено на решение лингводидактических проблем (Burstion, 2005; Martinez-Serna, Parraz, 2011). В данной статье, опираясь на имеющуюся теоретическую базу, мы обратимся к исследованию онтологической природы кроссворда, которая заключается в его метаязыковой сущности. Принцип построения кроссвордной ячейки основан на кардинальном свойстве знака, которое можно определить как интерпретируемость. Действительно, семиотики и лингвисты давно заметили, что объяснение значения знака реализуется через процедуру интерпретации. Интерпретация знака представляет собой «операцию, достигаемую при замене исходного знака другим знаком или — более обычно — набором знаков» (Лебедев, 1998, с. 36). Текст вербализованной части кроссворда, оформленный в виде дескрипции, представляет собой метатекст, элементы которого лишены свойства внешней референции, а их значения синтезируют компоненты значения зашифрованного слова. Поэтому язык кроссвордов по своей сути является естественным метаязыком, а в кроссвордных дескрипциях манифестируются интерпретанты зашифрованных знаков.

Таким образом, объектом нашего исследования выступают тексты кроссвордов. Предметом исследования являются способы кодирования номинаций в кроссвордах, представленные в форме разнообразных интерпретант. Цель статьи состоит в изучении и описании дистрибутивного типа кроссвордных интерпретант.

Для достижения поставленной цели нами применялась комплексная методика лингвистического исследования, в основу которой положены метод системного анализа языковых фактов, описательный метод, включающий приемы обобщения, систематизации, классификации, и метод семантической интерпретации.

Собранный нами за период с 2004 по 2022 год богатый эмпирический материал, включающий в себя свыше 15 тысяч примеров кроссвордных ячеек, наглядно демонстрирует, что в текстах кроссвордов используются различные типы интерпретант. Построение непротиворечивой и исчерпывающей типологии интерпретант видится нами объемной и актуальной задачей лингвистики. Настоящая работа представляет собой один из шагов в ее решении.

Главная функция интерпретант состоит в описании значения зашифрованного слова, чем формируется «ключ» для отгадки последнего. Интерпретанты апеллируют к структурам семантики закодированных номинаций (о типах используемых в кроссвордах интерпретант см.: (Кравченко, 2022а)). Как правило, интерпретация осуществляется либо через описание ядерных компонентов лексического значения слова (сигнификата или денотата), приводящее к «реконструкции» содержания или объема понятия: *Научное сочинение* → <трактат> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *Доля, судьба* → <участь> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Малина, смородина* → <ягода> («За рублем. Сканворды», 2005, №18); либо через актуализацию внеязыковых (когнитивных) структур, связанных со знаком: *60 секунд* → <минута> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Кем была клонированная Долли?* → <овечка> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Перпендикуляр иксу* → <игрек> («Дарья. Сканворд», 2022, №18).

Однако описание значения зашифрованных слов через апеллирование к языковым или когнитивным структурам содержания знака не является единственным типом интерпретант, применяемых в метаязыке кроссворда. Один из способов описания семантики слова – целенаправленное обращение к его дистрибуции. Такого рода интерпретанты мы называем дистрибутивными. Дескрипции, в которых реализуются дистрибутивные интерпретанты, моделируют потенциальные контексты употребления закодированных номинаций. Они апеллируют не к компонентам лексического значения слова или к связанным с ним когнитивным структурам, а к сочетаемости слова. Следует отметить, что в количественном отношении дистрибутивные интерпретанты составляют значительную долю в общем объеме дескрипций, представленных в кроссвордах. Так, с помощью количественных методов нами было установлено, что 17,2% интерпретант, извлеченных из кроссвордов методом сплошной выборки, принадлежат к интерпретантам дистрибутивного типа. Ниже мы подробно рассмотрим формальные и семантические характеристики дистрибутивных интерпретант.

В тексте кроссворда дистрибутивные интерпретанты, как правило, выражаются с помощью лакунизированных дескрипций. Обычно лакуна, место которой потенциально может занять зашифрованное слово, формально отмечается многоточием: *Лодка налетела на ...* → <мель> («Подарок судьбы», 2004, №41); *Генеалогическое ...* → <древо> («Крупная клетка», 2022, №6); *... в шляпе* → <дело> («Крот», 2006, №2). В некоторых случаях место лакуны формально не выделено, но кроссвордная дескрипция имплицитно подразумевает наличие незамещенной семантической позиции: *И долговая, и оркестровая* → <яма> («Шевели извилинами», 2005, №18); *Начинается с вешалки* → <театр> («Крот», 2005, №23); *Крутой у оврага* → <склон> («Кот-сканворд», 2022, №5). Разновидностью лакунизированных дескрипций выступают ячейки, в которых употребляются действительные знаки. Лакуны замещаются словами-дейктиками. Ввиду того, что дейктики не способны выполнять номинативную функцию, их употребление оказывается по сути эквивалентным лакуне: *Она делает короля* → <свита> («Аргументы и факты на Дону», 2005, №14); *Они волка кормят* → <ноги> («Сударушка», 2006, №1); *Старый конь ее не испортил* → <борозда> («Кот-сканворд», 2022, №5).

Дистрибутивные интерпретанты моделируют языковое значение слова через манифестацию его синтагматических связей. При этом процесс декодирования может осуществляться через восстановление как свободного, так и фразеологически связанного словосочетания. Наблюдения над собранным языковым материалом показывают, что дескрипции, апеллирующие к свободным связям слова, не отличаются высокой частотностью. В структурном отношении такого рода дескрипции подразделяются на одноконтекстные и многоконтекстные. Одноконтекстные дескрипции формируют один из возможных контекстов употребления слова: *Возвратная ...* → <тара> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Каменистое ...* → <дно> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *Пегая ...* → <масть> («Кот-сканворд», 2022, №5). Многоконтекстные дескрипции одновременно передают несколько контекстов использования номинации, что снижает уровень энтропии кроссвордной загадки: *Половой, девичий, прокатный* → <стан> («777», 2005, №29); *Не только диетическое, но и электрическое* → <питание> («Аргументы и факты», 2006, №6); *И ушная и плавательная* → <перепонка> («Аргументы и факты на Дону», 2005, №44). Многоконтекстные дескрипции потенциально упрощают процесс декодирования слова.

Типичным средством реализации дистрибутивных интерпретантов является использование в кроссвордных дескрипциях фразеологически маркированных языковых контекстов. Компоненты фразеологического сочетания оказываются в разных частях кроссвордной ячейки: одни — в вербализованной части, другие — в скрытой, невербализованной части. Наличие фразеологической связи между словами, составляющими энигмат и энигматор кроссвордного текста, обеспечивает высокую степень интерпретируемости дескрипции: *... малчания* → <обет> («Кот-сканворд», 2022, №5); *... о рангах* → <табель> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *Жизненное ...* → <кредо> («Дарья. Сканворд», 2022, №8).

Дистрибутивные интерпретанты могут опираться не только на собственно языковые контексты. Они могут апеллировать к экстралингвистическим знаниям, которые выходят за рамки определенной дескрипцией языкового контекста. В подобных случаях восстановление энигмата происходит на базе когнитивного вывода, возможность которого подготовлена значением энигматора. Так, в приведенных ниже примерах дистрибутивные интерпретанты апеллируют к когнитивной базе интерпретатора кроссвордного текста. Первая дескрипция ориентирована на интерпретацию бытовых представлений о здоровье человека, вторая нацелена на инференцию благодаря знаниям в области ботаники, третья обращается к комплексу знаний о бытовом использовании электричества: *Если вы в зеркало смотрите на себя без ужаса, а при подъеме на лестнице у вас не выступает пот, значит ваш ... в норме* → <вес> («Аргументы и факты», 2006, №6); *Березка, или ... полевой* → <вьюнок> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *Лампочка в 60 ...* → <ватт> («Крупная клетка», 2022, №6).

Дистрибутивные интерпретанты в границах одной дескрипции могут сочетать в себе обращение к собственно языковым контекстам с обращением к внеязыковым когнициям интерпретатора, связанным с семантическим полем, которое образуется вербализованной частью кроссвордной ячейки. Данный прием своеобразного «удвоения» интерпретанты преследует цель снижения энтропии дескрипции. Особенно ярко роль этого приема проявляется при использовании высокоэнтропийных одноконтекстных дескрипций, апеллирующих к свободным синтагматическим связям. Так, в приведенных ниже примерах прилагательные *апрельский, последний, медный*, взятые сами по себе, задают слишком обширное поле семантического поиска. Однако введение дополнительных термов дескрипции «*у Ленина*», «*25 мая*», «*химикат садовода*», погружающее интерпретатора в пространство когнитивных смыслов, в значительной степени сужает зону поиска: *Апрельский у Ленина* → <тезис> («Крот», 2005, №19); *25 мая – последний* → <звонок> («Крот», 2005, №19); *Химикат садовода – медный ...* → <купорос> («Зятек и компания», 2022, №4).

Исходя из анализа приведенных выше примеров, считаем возможным утверждать, что важнейшее свойство дистрибутивных интерпретант заключается в их ориентации на подбор зашифрованного слова в границах заданного дескрипцией языкового и (или) когнитивного контекста. Разгадывая кроссвордную задачу и тем самым заполняя лауну, интерпретатор по сути достраивает словосочетание, выражение. Однако далеко не все лакунизированные кроссвордные дескрипции следует относить к числу собственно дистрибутивных интерпретант. Зачастую при кодировании номинации имеет место псевдодистрибуция. Под явлением псевдодистрибуции мы понимаем такую организацию кроссвордных дескрипций, при которой происходит апеллирование к готовым словосочетаниям и выражениям. Иными словами, в таких случаях интерпретанта нацелена не на «достраивание» словосочетания или выражения, а на «узнавание и воспроизведение» уже готового знака

или последовательности знаков. Подобные интерпретанты предлагаем называть псевдодистрибутивными. Анализ собранного языкового материала показал, что в подавляющем большинстве случаев лакунизированные кроссвордные дескрипции ориентируются не на собственно дистрибуцию (15,6 %), а на псевдодистрибуцию (84,4 %).

К числу псевдодистрибутивных интерпретант, в частности, стоит относить дескрипции, где за лакуной скрывается часть сложного слова с дефисным написанием. Как правило, это слова иностранного происхождения, освоение которых русским языком еще не закончено. Решение кроссвордного задания, делакунизация загадки предполагает восстановление целостного образа такого слова: *Тренер взял ...-аут* → <тайм> («Крупная клетка», 2022, №6); *...-брюле* → <крем> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *...-бланиш* → <карт> («Дарья. Сканворд», 2022, №8).

Подавляющее большинство псевдодистрибутивных интерпретант, установленных нами в метаязыке кроссвордов, строятся на базе игры с так называемыми «прецедентными феноменами». Последние, как правило, входят в ядро когнитивной базы определенного национально-культурного сообщества. Они не создаются в результате речемыслительной деятельности носителя языка, а воспроизводятся в речи в качестве готовых компонентов высказывания. Особенно часто псевдодистрибутивные интерпретанты апеллируют к прецедентным именам и прецедентным высказываниям.

Под прецедентным именем понимается «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом... или с прецедентной ситуацией...» (Красных, 2003, с. 172). Лакунизированные дескрипции в кроссворде используют часть прецедентного имени, при этом псевдодистрибутивная интерпретанга обращается к когнитивной базе интерпретатора и нацелена на воспроизведение полного имени: *... Ростова* → <Наташа> («Дарья. Сканворд», 2022, №8); *«Дворянское ...»* → <гнездо> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Апостолы Петр и ...* → <Павел> («Зятек и компания», 2022, №4).

Аналогично прецедентным именам в кроссвордных дескрипциях используются прецедентные высказывания, которые представляют собой «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности... сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу...» (Красных, 2003, с. 172–173). Лакуны в прецедентных высказываниях, входящих в кроссвордные дескрипции, направлены не на моделирование контекста и определение зоны семантического поиска слова, а на узнавание и восстановление полной формы прецедентного высказывания. Псевдодистрибутивные интерпретанты строятся на базе различных категорий прецедентных высказываний. К числу типичного «строительного материала» псевдодистрибутивных интерпретант следует отнести высказывания-идиомы: *Бросать камни в чужой ...* → <огород> («Подарок судьбы», 2004, №41); *Мчаться во весь ...* → <опор> («Крупная клетка», 2022, №6); *Первый ... на деревне* → <парень> («Крупная клетка», 2022, №6); пословицы и поговорки: *Дуракам ... не писан* → <закон> («Крот», 2005, №27); *Глаза боятся, а ... делают* → <руки> («Зятек

и компания», 2022, №4); *Начали за ..., а кончили за упокой* → <здравие> («Зятек и компания», 2022, №4); широко известные отрывки литературных произведений: *Надев широкий боливар, ... едет на бульвар* → <Онегин> («Сударушка», 2005, №11); *Ночь, ..., фонарь, аптека* → <улица> («Кот-сканворд», 2022, №5); *Чуть помедленнее, ..., чуть помедленнее* → <кони> («Зятек и компания», 2022, №4).

Переходя к формулированию выводов исследования, отметим, что кроссворд является воплощением потенциала естественного метаязыка. Текст кроссворда представляет собой метатекст. Термы кроссвордных дескрипций лишены функции внешней референции. Их референция обращена внутрь языка: они описывают семантику зашифрованной номинации. Тем самым дескрипции выступают в роли интерпретанты знака.

Главным результатом исследования стало описание дистрибутивного типа интерпретант, который формируется на базе лакунизированных дескрипций и апеллирует к семантике энигмата посредством актуализации контекстов его употребления. Дистрибутивные интерпретанты, используя собственно языковые и когнитивные параметры смысла, заданные контекстом, нацелены на заполнение лакуны через подбор семантически подходящего компонента.

В ходе исследования было также выявлен и описан принцип построения псевдодистрибутивных интерпретант. При сохранении формальной идентичности с дистрибутивными интерпретантами они принципиально по-иному формируют зону поиска зашифрованного слова. Они не моделируют семантических контекстов, но нацелены на узнавание уже готового знака. Поэтому в качестве термов дескрипций используются части сложных слов с дефисным написанием, а также разнообразные прецедентные имена и высказывания.

Список литературы

Абдрашитова М. О. Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012.

Вивич Е. «Убейте время с пользой»: трансформация кроссворда после перестройки // Шаги / Steps. 2019. Т. 5, №4. С. 239–259.

Волкова М. В. Загадка и кроссворд как типы текста: семантический и прагматический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2011.

Денисова Е. А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Захаренко И. В., Красных В. В. Русская когнитивная база и русское культурное пространство в зеркале кроссвордов // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1998. Вып. 5. С. 32–40.

Кравченко М. А. Язык кроссвордов: направления и перспективы исследования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. №4. С. 175–180.

Кравченко М. А. Кроссворд как продукт метаязыковой деятельности носителей языка // Гуманитарные науки и образование. 2022а. Т. 13, №3. С. 139–145.

Кравченко М. А. От гипонима к гиперониму и наоборот: об одной стратегии толкования значений слов в кроссворде // Язык. Культура. Коммуникация : матер. XV Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ульяновск, 2022б. Ч. 1. С. 57–64.

Красных В.В. Национально-культурная составляющая русского языкового сознания // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 2000. С. 5–13.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.

Лебедев М.В. Стабильность языкового значения. М., 1998.

Никитина Л.Б., Гейко Е.В. Когнитивная природа и номинативные механизмы интеллектуальной игры (на примере кроссвордов) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. №2 (31). С. 117–122.

Селиванова Е.А. Категоризация как ключ энигматического дискурса (на материале русских кроссвордов) // Вісник Одеського національного університету. Філологія. 2013. Т. 18, №2 (6). С. 111–120.

Цивьян Т.В. Отгадка в загадке: разгадка загадки? // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: загадка как текст. 1. М., 1994. С. 178–194.

Burston J. Theoretical foundations of crossword puzzle usage in foreign language vocabulary acquisition. 2005. URL: https://www.researchgate.net/publication/259442149_Theoretical_foundations_of_crossword_puzzle_usage_in_foreign_language_vocabulary_acquisition (дата обращения: 27.11.2022).

Martinez-Serna M.-I., Parraz J.F. Active learning: creating interactive crossword puzzles. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/277192927_Active_learning_creating_interactive_crossword_puzzles (дата обращения: 27.11.2022).

Об авторе

Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: oksanka_2007@mail.ru

ORCID 0000-0002-6776-4131

Для цитирования:

Кравченко М.А. Дистрибутивные интерпретанты в метаязыке кроссворда // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 83–92. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

DISTRIBUTIVE INTERPRETANTS IN THE CROSSWORD METALANGUAGE

M. A. Kravchenko

Rostov State Transport University
2 Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya,
Rostov-na-Donu, 344038, Russia

Submitted on July 07, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-5

In this paper, we study such a specific product of enigmatic discourse as a crossword puzzle. The powerful potential of this text is manifested in its ability to accumulate and translate cultural meanings and values, which explains the recent appearance of a large

number of works on the study of linguistic, cultural, structural-semantic and cognitive-discursive features of the crossword language. The study of the ontological nature of the crossword, as undertaken in this research, is grounded in an examination of its metalanguage essence. Crossword descriptions reflect the outcomes of metalanguage consciousness operations, which aim to depict the elements of the semantics of encrypted nominations.

The unit of research is the crossword puzzle cell – the basic structural unit, which is formed by the unity of the description and the encrypted nomination. A description containing information about the encoded word forms a verbalized part of the crossword puzzle cell, and the encoded nomination is a non-verbalized part that is subject to decoding as a result of interpretation of the description. Encoding and decoding of the sign act as two components forming a dialogical unity of the act of indirect communication between the compiler of the crossword and its interpreter.

The purpose of this study is to search for and describe the features of distributive interpretants, that is, those descriptions that model the potential contexts of the use of encoded nominations. Distributive interpretants are formed on the basis of lacunized descriptions and appeals to the semantics of the enigma by updating the contexts of its use. The work on the language material revealed the principle of constructing pseudo-distributive interpretants. While maintaining a formal identity with distributive interpretants, they fundamentally form the search area of the encrypted word in a different way, not modeling the semantic context, but using parts of complex words with hyphenated spelling as terms of descriptions, as well as a variety of precedent names and utterances.

Keywords: crossword, metalanguage, description, distributive interpretation, sign encoding, sign decoding, enigmatic discourse

References

Abdrashitova, M.O., 2012. *Miromodeliruyushchaya funktsiya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse* [The world-modeling function of the riddle genre in folklore discourse]. PhD thesis. Tomsk (in Russ.).

Burston, J., 2005. Theoretical foundations of crossword puzzle usage in foreign language vocabulary acquisition. Available at: https://www.researchgate.net/publication/259442149_Theoretical_foundations_of_crossword_puzzle_usage_in_foreign_language_vocabulary_acquisition [Accessed 27 November 2022].

Denisova, E.A., 1998. *Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)* [Structure and functions of the enigmatic text (based on the material of Russian riddles and crosswords)]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Krasnykh, V.V., 2000. The national-cultural component of the Russian language consciousness. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei* [Language, consciousness, communication: collection of articles]. Moscow, pp. 5–13 (in Russ.).

Krasnykh, V.V., 2003. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“All” environments of “strangers”: myth or reality]. Moscow (in Russ.).

Kravchenko, M.A., 2005. The language of crosswords: directions and prospects of research. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Humane, Social and Economic Sciences] 4 (19), pp. 175–180 (in Russ.).

Kravchenko, M.A., 2022a. Crossword puzzle as a product of metalanguage activity of native speakers. *Gumanitarnie nauki i obrazovaniye* [The Humanities and Education], 13 (3), pp. 139–145, https://doi.org/10.51609/2079-3499_2022_13_03_139 (in Russ.).

Kravchenko, M.A., 2022b. From hyponym to hyperonym and vice versa: on one strategy of interpreting the meanings of words in a crossword. In: *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 ch.* [Language. Culture. Communication: materials of the XV International Scientific and Practical Conference: in 2 parts], Part 1. Ulyanovsk (in Russ.).

Lebedev, M.V., 1998. *Stabil'nost' yazykovogo znacheniya* [Stability of linguistic meaning]. Moscow (in Russ.).

Martinez-Serna M.-I. and Parraz J.F., 2011. Active learning: creating interactive crossword puzzles. Available at: https://www.researchgate.net/publication/277192927_Active_learning_creating_interactive_crossword_puzzles [Accessed 27 November 2022].

Nikitina, L.B. and Geiko, E.V., 2021. Cognitive Nature and Nominative Mechanisms of Intellectual Game (On the Example of Crosswords). *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*, 2 (31), pp. 117–122, <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-31-117-122> (in Russ.).

Selivanova, E.A., 2013. Categorization as the key of enigmatic discourse. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Filologiya Odessa* [Bulletin of the Odessa National University. Philology], 18 (2), pp. 111–120 (in Russ.).

Tsiv'yan, T.V., 1994. The answer in the riddle: the solution of the riddle? In: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury: zagadka kak tekst* [Research in the field of Balto-Slavic spiritual culture: a riddle as a text], Moscow, pp. 178–194 (in Russ.).

Vivich, E., 2019. “Kill time productively”: The transformation of crossword puzzles after Perestroika. *Shagi* [Steps], 5 (4), pp. 239–259, <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2019-5-4-239-259> (in Russ.).

Volkova, M.V., 2011. *Zagadka i krossvord kak tipy teksta: semanticheskii i pragmaticheskii aspekty (na materiale nemetskogo yazyka)* [Riddle and crossword as text types: semantic and pragmatic aspects (based on the material of the German language)]. PhD thesis. Smolensk (in Russ.).

Zakharenko, I.V. and Krasnykh, V.V., 1998. Russian cognitive base and Russian cultural space in the mirror of crossword. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sbornik statei* [Language, consciousness, communication: collection of articles], 5. Moscow, pp. 32–40 (in Russ.).

The author

Dr. Mikhail A. Kravchenko, Associate professor, Department of Mass Communications and Applied Linguistics, Rostov State Transport University, Russia.

E-mail: oksanka_2007@mail.ru

ORCID 0000-0002-6776-4131

To cite this article:

Kravchenko, M.A., 2023, Distributive interpretants in the crossword meta-language, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 83–92. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-5.

CONCEPTUALIZING EMOTIONS THROUGH DISCOURSE: A PRAGMATIC VIEW ON THE READER'S INTEREST

P. N. Trushchelev, E. V. Petrenko, L. A. Piotrovskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Embankment, bld. 18, office 24—25, St. Petersburg, 191186, Russia

Submitted on 27 June, 2022

Accepted on 31 January, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-6

The paper adopts a sociopragmatic approach to the study of emotion processes and investigates discursive traits of the reader's interest. The field of written popularization was examined to establish how it conceptualizes the reader's interest through discourse structures. The text materials were obtained experimentally. They consist of 104 pairs of expository text; each of the pairs includes a text published in an academic source and a popular science text created by the participant for provoking the reader's interest. The comparative methods of empirical discourse analysis are used to identify and describe popularisation strategies. The results show that participants employed four strategies to transform academic texts: reduction (N = 94), simplification (N = 81), contextualization (N = 58), and concrete elaboration (N = 17). The strategies tend to present the most significant text ideas, reduce reader's efforts for processing, and introduce the reader into the discourse-world. The findings suggest that the strategies aim to enhance the optimal relevance and conceptualize reader's interest through the communicative dimension of relevance.

Keywords: *emotion, reader's interest, emotive pragmatics, popularization, expository text, relevance*

1. Introduction

Emotional interest (or curiosity) is a crucial variable affecting the reader's text processing: it motivates the reader to spend more time on the text and put more cognitive efforts into its processing, focuses and sustains reader's attention, as well as specifies reader's evaluations of text content (Fulmer et al., 2015; Silvia, 2006, pp. 66—73; Putro and Lee, 2017; Springer et al., 2017). According to research, interest has a positive impact on reading outcomes, including comprehension, text memorization, and learning from texts (Clinton and van der Broek, 2012; Clinton-Lisell, 2022; Fitria, 2019; Naceur and Schiefele, 2005). This effect is particularly significant for reading expository or informational texts that introduce new concepts and knowledge to readers. Therefore, generating interest in such texts is crucial for successful reading outcomes.

1.1. Problem statement

There has been a long tradition in psychology to treat the subset of interest associated with reading as *text-based interest*. The major test-based triggers seem to be well established; they include novelty (or surprisingness), coherence, vividness (i.e., imagery, suspense, unexpectedness), concreteness, engaging themes (death, sex, power, war, etc. (Hidi, 2001, pp. 196–198; Schraw and Lehman, 2001, pp. 31–36; Silvia, 2006, pp. 77–82; Wade, 2001, pp. 246–250). Renninger et al. (2018) have summed up that “readers were interested in the texts including unusual, incongruent, surprising, or novel ideas, and/or content that described actions and feelings that they found important and could identify with”. Furthermore, a large number of psychological studies make assumptions about some genre-specific features—text organisation, text content, and linguistic style—that activate interest responses: “imagery and descriptive language”, “figurative language”, “concrete language units”, “simple vocabulary”, “well-organized texts”, “personally engaging content”, and so on (see, e.g.: (Choi, 2006; Hidi and Baird, 1988; Lepper et al., 2022; Mikk and Kukemelk, 2010; Sadoski and Paivio, 2013; Shin et al., 2016)).

In the present paper, we will expand this research area by taking a pragmatic perspective on interest. A wide range of experts and professional authors have pointed out that linguistic (rhetorical) techniques make up the underlying resource for increasing text-based interest (Gendenshtein, 2005; Odintsov, 1982; Piotrovskaya and Trushchelev, 2019, 2022). In support of this view, discourse studies show that expository discourse employs specific verbal strategies to present content most effectively for acquiring knowledge (see (Calsamiglia and van Dijk, 2004; Khoutyz, 2019; Odintsov, 1982; Tokareva, 2006; van Dijk and Atienza, 2011)). In this way, the strategies for increasing text-based interest could serve as a key to the pragmatic understanding of the reader’s interest.

1.2. Theoretical framework

Our approach draws on the sociopragmatic view of emotion processes and regards them as variables embedded in discourse and social practices (see (Alba-Juez, 2021; Langlotz and Locher, 2013; Piotrovskaya and Trushchelev, 2022)). As Wetherell (2012) has noted, “Discourse *tames* and *codifies* affect” (p. 52). Building on Wetherell’s ideas about the social nature of emotions, the sociopragmatic approach appeals to the conception of *affective practice*, which “focuses on the emotional as it appears in social life and tries to follow what participants do” (p. 4). According to this conception, emotions are inextricably linked with meaning-making activity, and patterns of affective and discursive practices constantly intertwine to varying extents within social fields (pp. 20–52; see also (Koschut, 2020; Moisaner et al., 2016; Olson et al., 2020; Wetherell, 2013)). Similarly, Social Semiotics engen-

ders reflection on affect as a multimodal practice that is deduced from semiotic actions and artefacts people use to communicate (Westberg, 2021). In this sense, social interactions, most of which are verbal, are important sources for gaining information about emotion processes.

In line with the principles of emotionally laden interaction (Burdelski, 2020; de Saussure and Wharton, 2020; Hayakawa, 1977, pp. 117–136; Katriel, 2015; Koschut et al., 2017; Langlotz and Locher, 2013; Shakhovskiy, 2008, pp. 217–224; Piotrovskaya and Trushchelev, 2020; Wharton and Strey, 2019), the reader's interest is projected into discourse and appears as the emotive variable built into communication. Such communication is categorized into two notions – *emotiogenicity* and *emotive pragmatics*.

Emotiogenicity (Russian wording *эмоциогенность*) is an attribute of the discourse with regard to the reader's processing (Piotrovskaya, 2009; Piotrovskaya and Trushchelev, 2021; Shakhovskiy, 2008, p. 181). It derives from three communicative factors that define a vast range of emotional responses. These factors are context (the settings of communication, the participants, the type of activity, and others), text characteristics, and the recipient's personality (e.g., recipient's expectations, knowledge, goals, individual interests, and others) (Bohn-Gettler and Kaakinen, 2022; de Saussure and Wharton, 2020; Shakhovskiy, 2008, p. 218; van Berkum, 2018). Renninger et al. (2018) suggest that a reader's interest can be triggered by various factors, including (1) contextual factors such as the reading environment, such as working with computers or reading in a group setting, (2) features of the text itself, such as relatable characters or coherent plotlines, and (3) personal relevance to the reader, such as prior knowledge or a personal connection to the topic. Emotiogenicity is thus a core of *emotion-evocative communication* ("affective communication" in (Hayakawa, 1977, pp. 117–136); "talk evoking emotions" in (Burdelski, 2020, p. 30)), where multilevel features construct emotional impact and induce recipient's emotions in separate ways. Strongly speaking, any discourse manifests emotion-evocative communication because any discourse "calls forth some kind of emotional response – including indifference – on the part of listeners" (Katriel, 2015, p. 58). In this respect, Hayakawa (1977) has argued that any word has *affective connotations*, that is, "the aura of personal feelings" the word arouses according to the uses to which it is put (p. 84).

Many scholars have been highlighting the strategic nature of emotion-evocative communication. In this line of thinking, the founder of the Linguistic Theory of Emotions Viktor Shakhovskiy (2008, pp. 217–224) has pointed towards a distinction between emotiogenicity and *emotive pragmatics*. He has made an important observation that recurrent emotional responses appearing in the given communicative settings could be typified. Therefore, the author can predict the reader's emotional responses and construct emotiogenicity of the discourse (p. 219). In this way, emotive pragmatics is grounded in the author's intentions that underlie strategies of using discourse means to bring the emotional impact to the recipient.

From the pragmatic perspective, emotiogenicity and emotive pragmatics correlate with two aspects of *perlocutionary effect* (Austin, 1962): emotiogenicity correlates with the actual effect of communication; emotive pragmatics, with the speaker's goals (see (Kang, 2013, pp. 62–63)).

Consider an example. The speaker tells a funny story that includes vivid details surprising to the listener. Imagine that the storyteller conveys the details just to either clarify the plot of the story or arouse the listener's interest. The surprisingness can provoke either the unintended or intended emotional response. In both cases, the surprisingness increases the emotiogenicity of the story in terms of the listener's personality – his/her expectations and knowledge (the actual effect of communication). But only in the second case, the surprisingness is related to emotive pragmatics according as the storyteller's goal. The storyteller decides to arouse the listener's interest by communicating surprising content and using the appropriate strategy.

Since the reader's interest is a prerequisite for successful interaction to some degree, it is an ever-present concern of authors in any communication and social interaction (see, e. g., (Kintsch, 1980; Kneepkens and Zwaan, 1994; Lane and Kent, 2018; Piotrovskaya and Trushchelev, 2022)). Undoubtedly, the reader's interest is crucial for science popular communication, where affective practices of managing interest are intertwined with expository practices that aimed to convey and explain unfamiliar information. To facilitate the formation of new knowledge, authors stimulate the reader's interest and motivation. It is reasonable to assume that emotive pragmatics occupies a prominent point in the pragmatic space of popularization and conceptualizes the reader's interest.

2. Methodology

2.1. Aim of the study

In this study, we make the assumption that popularization strategies for increasing text-based interest conceptualize the reader's interest. Our purposes are

- (1) to inspect linguistic ways in which the popularization discourse provides emotive pragmatics and constructs the interest-evoking impact and
- (2) to identify discursive traits of the reader's interest.

2.2. Materials

The expository texts to be analyzed here are obtained experimentally. The data was collected in the spring of 2021. We asked first-year students at the Herzen University (St. Petersburg, Russia) to select academic (Russian) expository texts (primary texts) and, on this basis, create popular science texts (secondary texts) that *interest* non-specialist readers. The students were not limited in time. They performed on their own and were able to use literature on texts popularization.

We received 104 anonymous works, each of which includes both primary and secondary expository texts (208 texts in total). Only students of non-philological departments passed the works. The composition of the material base is summed up in Table.

The material base for the study

The subject of expository texts	The number of works	The size of primary texts (tokens)		The size of secondary texts (tokens)	
		Total	Mean	Total	Mean
Arts	11	14 413	1310	7505	682
Biology	17	19 063	1191	8264	516
Choreography	20	20 711	1036	13 387	669
Ecology	1	679	679	523	523
Jurisprudence	1	1043	1043	523	523
Mathematics	16	18 562	1160	10 390	649
Medicine	2	1030	515	2473	1237
Psychology and education	21	20 107	957	12 587	609
Physical culture and sport	15	9624	642	5637	376
Total	104	105 232	1012	61 289	589

2.3. Methods

The pragmatic investigation of emotions implies a multidimensional context-oriented analysis of discourse variables (Alba-Juez, 2021; Alba-Juez and Mackenzie, 2019; Bouko, 2020; de Saussure and Wharton, 2020; Katriel 2015; Ozyumenko and Larina, 2021; Piotrovskaya, 2009; Piotrovskaya and Trushchelev, 2021). It is widely observed that the text has a discursive nature and manifests the interaction between writers and (potential) readers (Hoey, 2001, p. 14; Martin and Rose, 2007, pp. 1–16). Therefore, text structures could demonstrate the ways of using language to provide emotive pragmatics.

In order to analyze text structures, we have employed comparative methods of empirical discourse analysis in conjunction with methods of observation, systematisation, and classification. To detect all cases of text transformation, the application *TextCompare* (available at: <https://textcompare.ru/app>), which is based on the measurement of Levenshtein distance, has been employed.

3. Results

3.1. Reduction strategies

First of all, there were conspicuous differences in the size of primary and secondary texts. As is shown by Table 1, most total and mean values for the primary texts exceed the same values for the secondary texts. Only 18 works (17 %) showed the opposite tendency. The study found that among the other 86 works analyzed, there was a quartile distribution of size differences. Specifically, 78 participants reduced the primary texts by at least 39 %, while 43 participants reduced them by at least 58 %, and 22 participants reduced them by at least 79 %. This tendency marks strategies associated with operations of information reduction. In the words of van Dijk (1977, p. 144), such operations entail that “information is simply left out”.

Reduction strategies were used by 94 participants (90%). The following passage is a case in point (hereinafter, removed text spans are presented in square brackets):

(1) 'Балет «Жизель» впервые увидел свет рампы в 1841 году в Париже. [Через год балет увидели зрители Петербурга, а еще через год – москвичи]. Замысел [фантастического балета в двух действиях «Жизель, или Виллисы»] принадлежал известному французскому поэту [прозаику и театральному критику] Теофилю Готье (1811–1872).'

Translation: The ballet Giselle sees the light of day in 1841 in Paris. [A year later, the ballet was seen by audiences in St. Petersburg, and another year later by Muscovites.] The conception [of the fantastic ballet in two acts, 'Giselle, or Willis'] belonged to the well-known French poet [prose writer and theater critic] Theophile Gautier (1811–1872).

The case displays two ways to apply reduction strategies, macro-structural and micro-structural.

The macro-structural way, which has been taken by 74 participants, involves the reduction of a text span equal to or greater than one sentence (as the second sentence in [1]). For instance, one participant reduced a description of the circulatory system's functions by removing one sentence; and another participant deleted nine sentences that convey information about Leonardo da Vinci's inventive activity.

The participants attempted to remove rhetorically and thematically entire units, as the following cases exemplify:

(2) 'Многие формы многогранников изобретены не самим человеком, а созданы природой в виде кристаллов. [Например, кристаллы поваренной соли имеют форму куба, кристаллы льда и горного хрусталя (кварца)... имеют форму шестиугольной призмы, на основании которой поставлены шестиугольные пирамиды].'

Translation: Many shapes of polyhedrons were not invented by man but created in the form of crystals by nature. [For example, salt crystals have a cube shape, ice crystals and rock crystals (quartz)... have a shape of a hexagonal prism with hexagonal pyramids at the base.]

(3) 'Благодаря разливам Нила эта земля была одной из плодороднейших в мире. [Именно поэтому экономика Древнего Египта основывалась на сельском хозяйстве в плодородной долине Нила. Надо было только уметь задерживать воды и совершенствовать земледелие. Это требовало общих усилий, общей организованности, которые возможны только при сильном централизованном государстве].'

Translation: Because of the floods of the Nile, local land was one of the most fertile in the world. [That is why the economy of ancient Egypt was based on agriculture in the fertile Nile Valley. It was only necessary to be able to retain water and improve farming. This required joint efforts and a united organisation which was possible only with a strong centralized state.]

Case (2) presents a description passage where the removed component is an illustration of the general statement (the signal is a word *например* [for

example]); Case (3) presents a two-part causation passage where the removed component is an 'effect part' (words *именно поэтому* [that is why]) (see (Meyer, 1992)).

Cases (1)–(3) show that participants removed text spans that supply specific information about more significant ideas, which set the way for discourse elaboration. In this sense, the data demonstrates a special type of the macro-structural strategy – *summarising strategy*, which was used by 41 participants. They attempted to eliminate specific information about significant ideas and produce a written overview of the main points of a primary text.

The micro-structural way of reduction, which was used by 83 participants, involves the reduction of the sentence part(s) (see the third sentence in [1] above). The following cases are significant as well:

(4) а. '[живая и неживая] природа'

Translation: [animate and inanimate] nature

б. 'Сьюзен Деллингер [из США]'

Translation: Susan Dellinger [from the USA]

с. 'сердце [, способствующее движению этой жидкости]'

Translation: the heart [which contributes to the movement of this fluid]

(5) а. '[В 1953 г.] американский ученый Стэнли Миллер [(1930–2007)] смоделировал такие устройства.'

Translation: [In 1953] the American scientist Stanley Miller [(1930–2007)] simulated these conditions.

б. 'Тогда [на одной из приемов художника Георгия Якулова] она встретила Сергея Есенина.'

Translation: Then [at one of the artist Georgy Yakulov's receptions] she met Sergei Yesenin.

(6) а. 'Преподавание хореографии является одним из способов социализации людей [и в первую очередь детей, подростков и молодежи].'

Translation: The teaching of choreography is one of the ways to socialise people [, especially children, teenagers, and youth].

б. 'В настоящее время [в условиях интенсивных и глобальных перемен] человечество ищет пути выхода из кризисных и конфликтных ситуаций.'

Translation: At the present time [of intense and global changes], humanity is looking for ways out of crisis and conflict situations.

Cases (4)–(6) show that the removed spans provide specification in the clause layer. The typical micro-structural operation was to delete modifiers ([4a]–[4c]), temporal or locative markers ([5a] and [5b]), and explanatory or specifying constructions ([6a] and [6b]). Also, 27 participants reduced conjunction constructions, as the following cases exemplify:

(7) а. 'Это выходит за пределы [человеческого восприятия и] представления о реалиях нашего земного мира...'

Translation: This goes beyond [human perception and] view of realities of our material world...

б. '«Дочь фараона» – парадный, зрелищный [монументальный] спектакль...'

Translation: *The Pharaoh's Daughter* is a grand, spectacular[monumental] performance...

It should be noted that 19 participants deleted proper names (names for a particular person, toponyms, historicisms) and academic terms (e.g., *глобализация* [globalization], *катализатор* [catalyst], *социальный институт* [social institution]):

(8) а. 'Революционные идеи гуманизма послужили причиной создания шедевров [Леонардо да Винчи, Микеланджело, Альбрехта Дюрера].'

Translation: The revolutionary ideas of humanism caused the creation of masterpieces [by Leonardo da' Vinci, Michelangelo, Albrecht Dürer].

б. 'Гипотеза А. И. Опарина – Дж. Холдейна завоевала много сторонников, так как получила экспериментальное подтверждение [возможности абиогенного синтеза органических биополимеров].'

Translation: The Oparin-Haldane hypothesis won many supporters because the experimental confirmation [of the possibility of abiogenic synthesis of organic biopolymers] had been obtained.

Thus, the micro-structural way follows the same tendency as the macro-structural way: it bears the elimination of specific information about more significant ideas. This fact elucidates why 70 participants have combined macro-structural and micro-structural strategies.

3.2. Simplification strategies

Simplification strategies make a text accessible to a broader audience by facilitating text organisation and text vocabulary. These strategies have been used by 81 participants (78 %).

As far as text transformation is concerned, simplification is generally assumed as reduction (see, e.g., (Zhong et al., 2020)). So, it is safe to assume that participants deleted proper names and academic terms (see the cases [8a] and [8b] above) because these words might be incomprehensible to potential readers. Similarly, 17 participants deleted definitions of academic terms by using the macro-structural reduction strategy.

It is noteworthy that 32 participants created short wordings that outline removed information. For instance, sentence (9) replaces six sentences that convey information about the nutritional features of the amoeba:

(9) 'Амебам, как и любым другим живым организмам, нужно питание.'

Translation: Amoebas, like any other living organism, need nutrition.

The following cases demonstrate how participants used short wordings along with the micro-structural reduction strategy:

(10) а. 'В своих творениях архитекторам нужно совместить **функциональность, гармоничность, комфортность, экономичность и долговечность.**'

Translation: Architects need to combine **functionality, beauty, harmony, comfort, economy, and durability** in their creations.

а'. 'В своих творениях архитекторам нужно совместить **много качеств.**'

Translation: Architects need to combine **many features** in their creations.

(11) в. 'Это явление обсуждали и изучали **ученые, философы, художники и богословы.**'

Translation: This phenomenon has been discussed and studied **by scientists, philosophers, artists, and theologians.**'

б'. 'Это явление обсуждали и изучали многие люди.'

Translation: This phenomenon has been discussed and studied by **many people.**'

49 works demonstrated two simplifying operations. The first operation was to replace uncommon and/or abstract (academic) words with common and/or more concrete words:

(12) а. 'демеркуризация'

Translation: demercurisation

а'. 'удаление ртути'

Translation: the removal of mercury

б. 'окисление'

Translation: oxidising

б'. 'взаимодействие с кислородом'

Translation: an interaction with oxygen

с. 'эксцентричный'

Translation: eccentric

с'. 'своенравный'

Translation: wayward

д. 'скорее исключение, чем правило'

Translation: the exception rather than the rule

д'. 'большая редкость'

Translation: great rarity

The second operation was to introduce modifiers to elucidate the meaning of uncommon and academic words and abbreviations:

(13) а. 'Платон'

Translation: Plato

а'. 'древнегреческий филолсоф Платон'

Translation: **ancient Greek philosopher** Plato

б. 'инфляция'

Translation: inflation

б'. 'инфляция, т. е. обесценивание денег'

Translation: inflation, **i. e., fall in the purchasing value of money**

с. 'СПИД'

Translation: AIDS

с'. 'СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита)'

Translation: AIDS (**acquired immunodeficiency syndrome**)

It should be noted that most of the participants did not simplify syntactic structures and text macrostructures. Only four participants converted one complex sentence into several simple ones; two participants divided primary texts into sections and created headings for them; and three participants segmented primary texts into paragraphs.

3.3. Contextualization strategies

In the words of Shin et al. (2016, p. 42), “contextualizing strategy elicits emotional interest by providing a situation that readers can relate to or identify with before the main text is presented”. We propose to expand on this interpretation and consider contextualizing strategies with reference to the notion of *contextualization*. In its most general form, contextualization entails the import of context – as a “given” external to the discourse unit – into communication (Fetzer, 2018). The “given” can be thought of as a dynamic sociocognitive construct including many variables – communicative settings, participant characteristics, previous text spans, types of interaction, and so on (see, e.g., Sperber and Wilson, 1995; van Dijk, 2008)). Leckie-Tarry (1991) held the methodological view on contextualization in terms of “differences in the emphasis at each level of context” (p. 119). So, expanding on the interpretation by Shin et al., contextualizing strategies link with the level at which the text brings in readers.

This type of strategies was used by 58 participants (56 %).

55 participants attempted to design dialogic engagement by using dialogicity/metadiscourse units (see (Bondi, 2018; Hyland, 2005, 2014; Makkonen-Craig, 2014)).

First, participants used writer-oriented markers that express the author’s attitude towards propositions. The following examples employ attitude modifiers in (a) and (b), an exclamatory marker in (c), a parenthetical expression in (d), a booster in (e), and a hedge in (f):

(14) a. ‘отличный вопрос’

Translation: a **great** question

b. ‘интересное исследование’

Translation: an **interesting** research

c. ‘Она способна к размножению в течение почти трех десятков лет!’

Translation: It is capable of breeding for almost three decades!

d. ‘К сожалению, спорт не играет важную роль в жизнь многих людей.’

Translation: **Unfortunately**, sports do not play an important role in many people’s lives.

e. ‘По всей видимости, далее, в процессе эволюции...’

Translation: **Apparently**, further, in the process of evolution...

f. ‘Я не уверена, что вы знаете об этом.’

Translation: **I’m not sure** if you know about this.

Second, participants used engage markers that manifest and build a connection with potential readers. For example, the following case employs a question, a question-answer pattern, and directives:

(15) a. ‘Так что же такое граф?’

Translation: So, what is a graph?

b. ‘Надо ли нам изучать эти понятия? Конечно надо!’

Translation: Do we need to explore these notions? Of course, we need!

c. ‘Давайте более подробно рассмотрим это определение.’

Translation: Let us take a closer look at this definition.

d. ‘Представьте ситуацию, что...’

Translation: Imagine the situation that...

Also, participants used markers that indicate communicative settings. Such markers encode the reader's position, discursive actions, and temporal parameters. They occur as personal pronouns or vocatives, discursive verbs, and temporal adverbs or verb tense forms respectively:

(16) a. '**Сегодня мы будем говорить** о дробях.'

Translation: Today, we are going to talk about fractions.

b. '**Теперь мы обсудим** другой вопрос...'

Translation: Now, we will discuss another question...

c. '**Как вы уже поняли**, современные технологии развиваются...'

Translation: As you already understood, contemporary technologies are developing...

39 participants took another way of contextualization and referred to the reader's experience. For clarity, consider the following cases:

(17) a. '**Как вы знаете**...'

Translation: As **you know**...

b. '**Вы**, наверное, **видели**, как...'

Translation: *You have probably seen* how...

(18) a. '**Вспомните, вы ведь наверняка хоть раз сталкивались** с жизненным кризисом, таким, например, как ссора с близкими друзьями или потеря работы.'

Translation: **Think back, you have probably experienced** a crisis at least once, such as a fight with close friends or a job loss.'

b. 'Я думаю, **каждый** когда-то **держал** в руках птичье перо и **видел**, как оно устроено...'

Translation: I think **everyone has** at least once **held** a bird's feather in the hands and **seen** how it is made...'

The cases employ two kinds of linguistic means that refer to a reader, on the one hand, and to the reader's experience, on the other. To refer to a reader, the personal pronouns (e.g., *вы* 'you'), a personal verb form (*знаете* 'know-PRS.2PL'), and pronominal quantifiers (e.g., *каждый* 'everyone' in [18b]) are employed. To refer to the reader's experience, the cases employ cognition and perception verbs (*знаете* 'know', *видели* 'seen', *вспомните* 'think', *видел* 'seen'), imperfective verb forms, and nouns that designate entities with which a reader is likely to have dealt.

3.4. Concrete elaboration

Choi (2006) defined concrete elaboration as "replacing less concrete words and phrases with more concrete counterparts and adding concrete descriptions" (p. 24). According to Dual Coding Theory, this strategy affects the reader's interest by facilitating a reader to create mental images (Sadoski and Paivio, 2013, pp. 115–132).

This strategy of concrete elaboration was used by 17 participants (16%). For example, one participant gave a detailed description of Pheidippides's running from the battlefield of Marathon to Athens:

(19) 'Среди спортсменов ходит легенда, что греческий воин Фидиппид преодолел дистанцию в 37,5 км до Афин, чтобы сообщить о радостной победе в войне. Марафонец действительно донес счастливую весть и рухнул замертво со словами: «Радуйтесь! Мы победили!».'

Translation: There is a legend among athletes that the Greek warrior Phidippides covered 37.5 km to Athens to report a joyful victory in the war. The marathon runner actually delivered the happy message and collapsed dead with the words, "Rejoice! We won!"

The participants also created concrete analogies and comparisons to explain scientific concepts. For instance, one participant expounded a psychological notion of 'gestalt' by comparing it with a dish 'doner', the taste of which is the combination of many ingredients. Also, 5 participants used concrete elaboration along with contextualizing strategies. As an illustration, one participant explained the notion of a 'graph' by referring to the reader's experience of city walks.

4. Discussion

The results demonstrated that participants primarily sought to reduce concrete information and not introduce new. So, 94 participants (90 %) applied reduction strategies; while only 17 participants (16 %) used concrete elaboration. It is well known that the reader's interest is often triggered by concrete content, such as character identification, activity level, vivid description, observable comparison or explanations, and others (see, e. g., (Hidi and Baird, 1988; Odintsov, 1982; Piotrovskaya and Trushchelev, 2019; Sadoski and Paivio, 2013; Wade, 2001)). A number of previous studies on the reader's interest have shown that concretization is often employed by (Russian) school textbooks, most notably textbooks on Geography and History (see (Piotrovskaya and Trushchelev, 2019, 2020; Trushchelev, 2022)). Bornstein et al. (2020) have found that the concrete processing mode – in regard to cognition – increases the intensity of basic emotions, which include interest (see (Izard, 2007, p. 261)). In light of the findings, it appears that the strategies employed by the participants were more geared towards decreasing text-based interest rather than augmenting it.

We can assume that participants avoided significant transformations of primary text content. If so, it would be enough for participants just to insert some contextualization means (e. g., questions or directives) into primary texts. Such operations would take much less effort than operations to implement reduction strategies. However, only 6 participants did so.

Recently, several pragmatic works about emotions (de Saussure and Wharton, 2020; Wharton et al., 2021; Wharton and Strey, 2019) have appealed to the *Relevance theory* that is based on two principles, cognitive and communicative. *Cognitive principle*: "Human cognition tends to be geared to the maximisation of relevance" (Sperber and Wilson, 1995, p. 260). *Communicative principle*: "Every act of ostensive communication communicates a presumption of its own optimal relevance" (p. 260).

Wharton et al. (2021, p. 261) have proposed that the cognitive principle underpins not only verbal interaction but also human cognition. Following the acknowledged psychological findings, they stipulated that emotions are caused by the object that must in some way be *relevant* to the person (p. 264). In their view, emotional relevance depends on the addressee's goals that derive from purposes, motivation, interests, desires, and so forth. In particular, epistemic emotions, which include interest, depend on the goal of acquiring knowledge; therefore, the relevance of an object can be appraised in agreement with this goal and determine epistemic emotional responses (pp. 265–266; see also psychological works (Connelly, 2011; Renninger et al., 2018)). Hence, there is a cause-and-effect ratio between gearing to the maximization of relevance and emotional responses.

The communicative principle is associated with the notion of *optimal relevance*. According to Wilson (1998, p. 60), an object is optimally relevant to an addressee if (1) it is worth the addressee's effort to process it and (2) it is compatible with the addressee's abilities and preferences. Therefore, "An utterance, on a given interpretation, is consistent with the principle of relevance... if the speaker might reasonably have expected it to be optimally relevant on that interpretation" (p. 61). As de Saussure and Wharton (2020) have noticed, speakers "should make their communicative stimuli appear at least relevant enough to be worth processing" (p. 192). Thus, optimal relevance should match the reader's gearing to the maximization of relevance to some degree.

Consider now the participants' strategies in terms of relevance.

First of all, the participants increased optimal relevance by removing pieces of specific information about significant ideas. The sense of reduction operations is quite obvious: significant ideas are more relevant enough to be worth the reader's efforts to process them. It was probably for the same reason that most of the participants also did not apply concrete elaboration.

Second, the avoidance of concrete elaboration might be associated with coherence, which implements optimal relevance pertained to the reader's efforts for processing (Wilson, 1998, pp. 64–73). According to Givón (2020, pp. 107–143), the ground of a coherent discourse is 'referential coherence'. It cues cognitive operations to activate and de-activate referents, search for antecedent referents, and connect new referents with antecedent referents. To minimize the reader's efforts for referent processing, participants reduced specific information and did not introduce new.

Third, participants increased optimal relevance by applying simplifying strategies. The 'simpler' text, the fewer efforts readers put into processing, and, hence, the greater the optimal relevance. Similarly, reduction strategies reduce the size of a text and consequently reduce the number of stimuli that require efforts readers put into processing.

Fourth, the participants increased optimal relevance through contextualization. Contextualizing strategies make content more familiar and accessible to readers by establishing the link between readers and the discourse world. The reader recognizes his/her position in the text and supposes that the text deserves his/her efforts for processing.

5. Conclusion

The present study contributes to the ongoing socio-pragmatic inquiry into emotions and advocates for pragmatic perspectives on emotion processes. Specifically, the study aimed to shed light on the discourse processes underlying the conceptualization of the reader's interest. To this end, the study investigates four common popularization strategies employed to enhance the reader's engagement. The findings demonstrate that popularization discourse conceptualizes the reader's interest with respect to the communicative dimension of relevance (this output supports and expands the pragmatic view of epistemic emotions (Wharton et al., 2021, pp. 265–266)).

The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00284.

References

Alba-Juez, L., 2021. Affect and emotion. In: M. Haugh, D.Z. Kádár and M. Terkourafi, eds. *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*. Cambridge, pp. 340–362, <https://doi.org/10.1017/9781108954105.019>.

Alba-Juez, L. and Mackenzie, J.L., 2019. Emotion processes in discourse. In: J.L. Mackenzie and L. Alba-Juez, eds. *Emotion in Discourse*. Amsterdam, pp. 3–26, <https://doi.org/10.1075/pbns.302.01alb>.

Austin, J.L., 1962. *How to Do Things with Words*. Oxford.

Bohn-Gettler, C.M. and Kaakinen, J., 2022. Introduction to the special issue on emotions in reading, learning, and communication. *Discourse Processes*, 59 (1–2), pp. 1–12, <https://doi.org/10.1080/0163853X.2021.1899369>.

Bondi, M., 2018. Dialogicity in written language use: Variation across expert action games. In: E. Weigand and I. Kecskes, eds. *From Pragmatics to Dialogue*. Amsterdam, Philadelphia, pp. 137–170, <https://doi.org/10.1075/ds.31.08bon>.

Bornstein, O., Katzir, M., Simchon, A. and Eyal, T., 2020. Differential effects of abstract and concrete processing on the reactivity of basic and self-conscious emotions. *Cognition and Emotion*, 35 (5), pp. 1–14, <https://doi.org/10.1080/02699931.2020.1848804>.

Bouko, C., 2020. Emotions through texts and images: A multimodal analysis of reactions to the Brexit vote on Flickr. *Pragmatics*, 30 (2), pp. 222–246, <https://doi.org/10.1075/rag.18060.bou>.

Burdelski, M., 2020. Emotion and affect in language socialization. In: S.E. Pritzker, J. Fenigsen and J.M. Wilce, eds. *The Routledge Handbook of Language and Emotion*. London, N. Y., pp. 28–48, <https://doi.org/10.4324/9780367855093-3>.

Calsamiglia, H. and van Dijk, T.A., 2004. Popularization discourse and knowledge about the genome. *Discourse and Society*, 15 (4), pp. 369–389, <https://doi.org/10.1177/0957926504043705>.

Choi, S.-M., 2006. *Two types of text-based situational interest evoking strategies: Seductive details and concrete elaboration and their effects on the 1st year EFL high school students' written text comprehension and interest*. PhD thesis. Buffalo.

Clinton, V. and van der Broek, P., 2012. Interest, inferences, and learning from texts. *Learning and Individual Differences*, 22, pp. 650–663, <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2012.07.004>.

Clinton-Lisell, V., 2022. Reading medium and interest: Effects and interactions. *Educational Psychology*, 42 (2), pp. 142–162, <https://doi.org/10.1080/01443410.2021.2016635>.

Connelly, D.A., 2011. Applying Silvia's Model of Interest to Academic Text: Is There a Third Appraisal? *Learning and Individual Differences*, 21 (5), pp. 624–628, <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2011.04.007>.

de Saussure, L. and Wharton, T., 2020. Relevance, effects and affect. *International Review of Pragmatics*, 12 (2), pp. 183–205, <https://doi.org/10.1163/18773109-01202001>.

Fetzer, A., 2018. Context. In: Ya. Huang, ed. *The Oxford Handbook of Pragmatics*. N. Y., pp. 259–276, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199697960.013.15>.

Fitria, W., 2019. Reading Interest and Reading Comprehension: A Correlational Study. *Journal Educative: Journal of Educational Studies*, 4 (1), pp. 95–107, <https://doi.org/10.30983/educative.v4i1.1333>.

Fulmer, S.M., D'Mello, S.K., Strain, A. and Graesser, A.C., 2015. Interest-based text preference moderates the effect of text difficulty on engagement and learning. *Contemporary Educational Psychology*, 41, pp. 98–110, <https://doi.org/10.1016/j.cedpsych.2014.12.005>.

Gendenshtein, L.E., 2005. The anatomy of interest. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 7, pp. 120–126 (in Russ.).

Givón, T., 2020. *Coherence*. Amsterdam, Philadelphia.

Hayakawa, S.I., 1977. *Language in Thought and Action*. London.

Hidi, S., 2001. Interest, reading, and learning: Theoretical and practical considerations. *Educational Psychology Review*, 13 (3), pp. 191–209, <https://doi.org/10.1023/A:1016667621114>.

Hidi, S. and Baird, B., 1988. Strategies for increasing text-based interest and students' recall of expository texts. *Reading Research Quarterly*, 23 (4), pp. 465–483, <https://doi.org/10.2307/747644>.

Hoey, M., 2001. *Textual Interaction*. London.

Hyland, K., 2005. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. London, N.Y.

Hyland, K., 2014. Dialogue, community and persuasion in research writing. In: L. Gil-Salom and C. Soler-Monreal, eds. *Dialogicity in Written Specialised Genres*. Amsterdam, Philadelphia, pp. 1–20, <https://doi.org/10.1075/ds.23.02hyl>.

Izard, C.E., 2007. Basic emotions, natural kinds, emotion schemas, and a new paradigm. *Perspectives on Psychological Science*, 1 (3), pp. 260–280, <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2007.00044.x>.

Kang, Q., 2013. On Perlocutionary Act. *Studies in Literature and Language*, 6, pp. 60–64, <https://doi.org/10.3968/n>.

Katriel, T., 2015. Exploring emotion discourse. In: H. Flam and J. Kleres, eds. *Methods of Exploring Emotions*. London, N.Y., pp. 57–66, <https://doi.org/10.4324/9781315756530-7>.

Khoutyz, I.P., 2019. Storytelling in lecture discourse. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (2), pp. 64–73, <https://doi.org/10.18721/JHSS.10206> (in Russ.).

Kintsch, W., 1980. Learning from Text, Levels of Comprehension, or: Why Anyone Would Read a Story Anyway. *Poetics*, 9, pp. 87–98, [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(80\)90013-3](https://doi.org/10.1016/0304-422X(80)90013-3).

Kneepkens, E.W.E.M. and Zwaan, R.A., 1994. Emotions and literary text comprehension. *Poetics*, 23, pp. 125–138, [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(94\)00021-W](https://doi.org/10.1016/0304-422X(94)00021-W).

Koschut, S., 2020. Emotion, discourse, and power in world politics. In: S. Koschut, ed. *The Power of Emotions in World Politics*, n. 1, pp. 3–27, <https://doi.org/10.4324/9780429331220-2>.

Koschut, S., Hall, T.H., Wolf, R., Solomon, T., Hutchison, E. and Bleiker, R., 2017. Discourse and emotions in international relations. *International Studies Review*, 19 (3), pp. 481–508, <https://doi.org/10.1093/isr/vix033>.

Lane, A.B. and Kent, M.L., 2018. Dialogic Engagement. In: K.A. Johnston and M. Taylor, eds. *The Handbook of Communication Engagement*. Hoboken, pp. 61–72, <https://doi.org/10.1002/9781119167600.ch5>.

- Langlotz, A. and Locher, M.A., 2013. The role of emotions in relational work. *Journal of Pragmatics*, 58, pp. 87–107.
- Leckie-Tarry, H., 1991. *Register: A Functional Linguistics theory*. PhD thesis. Murdoch.
- Lepper, Ch., Stang, J. and McElvany, N., 2022. Gender Differences in Text-Based Interest: Text Characteristics as Underlying Variables. *Reading Research Quarterly*, 57 (2), pp. 537–554, <https://doi.org/10.1002/rrq.420>.
- Makkonen-Craig, H., 2014. Aspects of dialogicity: Exploring dynamic interrelations in written discourse. In: A.-M. Karlsson, ed. *Analysing text and talk*. Uppsala, pp. 99–120.
- Martin, J.R. and Rose, D., 2007. *Working with Discourse*. 1. 2nd ed.
- Meyer, B.J.F., 1992. An Analysis of a Plea for Money. In: W.C. Mann and S.A. Thompson, eds. *Discourse description: diverse linguistic analyses of a fund-raising text*. Amsterdam, Philadelphia, pp. 79–108, <https://doi.org/10.1075/pbns.16.05mey>.
- Mikk, J. and Kukemelk, H., 2010. The relationship of text features to the level of interest in science texts. *Trames: A Journal of the Humanities and Social Sciences*, 14 (1), pp. 54–70, <https://doi.org/10.3176/tr.2010.1.04>.
- Moisander, J.K., Hirsto, H. and Fahy, K., 2016. Emotions in institutional work: A discursive perspective. *Organization Studies*, 37 (7), pp. 963–990, <https://doi.org/10.1177/0170840615613377>.
- Naceur, A. and Schiefele, U., 2005. Motivation and learning – The role of interest in construction of representation of text and long-term retention: Inter- and intraindividual analyses. *European Journal of Psychology of Education*, 20 (2), pp. 155–170, <https://doi.org/10.1007/BF03173505>.
- Odintsov, V.V., 1982. *Rechevoye formy populyarizatsii* [Speech Forms of Popularization]. Moscow (in Russ.).
- Olson, R.E., Bellocchi, A. and Dadich, A., 2020. A post-paradigmatic approach to analysing emotions in social life. *Emotions and Society*, 2 (2), pp. 157–178, <https://doi.org/10.1332/263169020X15893854268688>.
- Ozyumenko, V.I. and Larina, T.V., 2021. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), pp. 746–766, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>.
- Piotrovskaya, L., 2009. Description, Expression and Reflection of Emotions in Language Behaviour. In: W. Oleksy and P. Stalmaszczyk, eds. *Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data: Studies in Honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk*. Frankfurt a/Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, pp. 307–338.
- Piotrovskaya, L. and Trushchelev, P., 2019. An Experimental Investigation of Text Emotiogenicity (formation of interest in a school text). *Izoestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 192, pp. 112–123 (in Russ.).
- Piotrovskaya, L.A. and Trushchelev, P.N., 2020. What makes a text interesting? Interest-evoking strategies in expository text from Russian school textbooks. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (4), pp. 991–1016, <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016> (in Russ.).
- Piotrovskaya, L. and Trushchelev, P., 2021. Linguistic Approach to Study of Strategies for Increasing Text-Based Interest. *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 108, pp. 276–183, <https://doi.org/10.15405/epsbs.2021.05.02.33>.
- Piotrovskaya, L. and Trushchelev, P., 2022. Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest. *Training, Language and Culture*, 6 (1), pp. 60–74.
- Putro, N.H.P.S. and Lee, J., 2017. Reading interest in a digital age. *Reading Psychology*, 38 (8), pp. 778–807, <https://doi.org/10.1080/02702711.2017.1341966>.
- Renninger, K.A., Bachrach, J.E. and Hidi, S.E., 2019. Triggering and maintaining interest in early phases of interest development. *Learning, Culture and Social Interaction*, 23, p. 100260, <https://doi.org/10.1016/j.lcsi.2018.11.007>.

Sadoski, M. and Paivio, A., 2013. *Imagery and text: A dual coding theory of reading and writing*. London, N. Y.

Schraw, G. and Lehman, S., 2001. Situational Interest: A Review of the Literature and Directions for Future Research. *Educational Psychology Review*, 13 (1), pp. 23–52, <https://doi.org/10.1023/A:1009004801455>.

Shakhovskiy, V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [The Linguistic Theory of Emotions]. Moscow (in Russ.).

Shin, J., Chang, Yu. and Kim, Yo., 2016. Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory. *The SNU Journal of Education Research*, 25 (2), pp. 39–57.

Silvia, P.J., 2006. *Exploring the Psychology of Interest*. N. Y., Oxford.

Sperber, D. and Wilson, D., 1995. *Relevance. Communication and cognition*. 2nd ed. Oxford, Cambridge.

Springer, Sh. E., Dole, J. A. and Hacker, D. J., 2017. The role of interest in reading comprehension. In: S. E. Israel, ed. *Handbook of research on reading comprehension*. N. Y., London, pp. 519–542.

Tokareva, P., 2006. *Kommunikativnye strategii i taktiki v sovremennom uchebnom diskurse (na materiale shkol'nykh uchebnikov)* [The communicative strategies and tactics in contemporary educational discourse (based on school textbooks)]. PhD Dissertation. Omsk (in Russ.).

Trushchelev, P., 2022. Text-based interest from a linguistic perspective: emotive pragmatics of history textbooks. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, (2), pp. 81–90 <https://doi.org/10.20339/PhS.2-22.081> (in Russ.).

van Berkum, J. J. A., 2018. Language Comprehension, Emotion, and Sociality: Aren't We Missing Something? In: Sh.-A. Rueschemeyer and G. Gaskell, eds. *Oxford Handbook of Psycholinguistics*. 2nd ed. Oxford, pp. 644–669, <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198786825.013.28>.

van Dijk, T. A., 1977. *Text and Context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London, N. Y.

van Dijk, T. A., 2008. *Discourse and Context: A sociocognitive approach*. Cambridge, N. Y., Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo.

van Dijk, T. A. and Atienza, E., 2011. Knowledge and discourse in secondary school social science textbooks. *Discourse Studies*, 13 (1), pp. 93–118. <https://doi.org/10.1177/1461445610387738>.

Wade, S. E., 2001. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. *Educational Psychology Review*, 13 (3), pp. 243–261, <https://doi.org/10.1023/A:1016623806093>.

Westberg, G., 2021. Affect as a multimodal practice. *Multimodality & Society*, 1 (1), pp. 20–38, <https://doi.org/10.1177/2634979521992734>.

Wetherell, M., 2012. *Affect and Emotion*. Los Angeles, London, Washington DC.

Wetherell, M., 2013. Affect and discourse – What's the problem? From affect as excess to affective/discursive practice. *Subjectivity*, (6), pp. 349–368, <https://doi.org/10.1057/sub.2013.13>.

Wharton, T., Bonard, C., Dukes, D., Sander, D. and Oswald, S., 2021. Relevance and emotion. *Journal of Pragmatics*, 181, pp. 259–269, <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.06.001>.

Wharton, T. and Strey, C., 2019. Slave of the Passions: Making Emotions Relevant. In: K. Scott, B. Clark and R. Carston, eds. *Relevance: pragmatics and interpretation*. Cambridge, pp. 253–267, <https://doi.org/10.1017/9781108290593.022>.

Wilson, D., 1998. Discourse, coherence and relevance: A reply to Rachel Giora. *Journal of Pragmatics*, 29, pp. 57–74, [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(97\)00012-X](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(97)00012-X).

Zhong, Ya., Jiang, Ch., Xu, W. and Li, Ju. J., 2020. Discourse level factors for sentence deletion in text simplification. In: *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*, 34 (5), pp. 9709–9716, <https://doi.org/10.1609/aaai.v34i05.6520>.

The authors

Pavel N. Trushchelev, PhD student, Assistant professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: ptruschelev@herzen.spb.ru

Elena V. Petrenko, PhD student, Assistant professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: epetrenko@herzen.spb.ru

Dr. Larisa A. Piotrovskaya, Professor (Slavic Languages), Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia.

E-mail: larisa11799@yandex.ru

To cite this article:

Trushchelev, P.N., Petrenko, E.V., Piotrovskaya, L.A., 2023, Conceptualizing emotions through discourse: a pragmatic view on the reader's interest, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 1, pp. 93–114. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ДИСКУРСЕ: ПРАГМАТИКА ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА

П. Н. Трущелёв, Е. В. Петренко, Л. А. Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Россия, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Поступила в редакцию 27.06.2022 г.

Принята к публикации 31.01.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-6

Статья основывается на социопрагматической трактовке эмоций как дискурсивных переменных. Обсуждается концептуализация читательского интереса в письменной научно-популярной коммуникации. Материал исследования получен экспериментально: студентам нефилологических специальностей РГПУ им. А.И. Герцена было предложено выбрать научный текст и создать на его основе научно-популярный текст, который заинтересует неспециалиста. Получены 104 работы, каждая из которых включала первичный научный текст и вторичный научно-популярный текст. Для анализа материала использовались сравнительные методы эмпирического дискурсивного анализа. Выявлены и описаны четыре типа стратегий трансформации научного текста: стратегии исключения (94 ии.), упрощения (81 ии.), контекстуализации (58 ии.) и конкретизации (17 ии.). Эти стратегии направлены на представление наиболее значимых идей текста, сокращение усилий читателя по восприятию текста и введение читателя в «мир» дискурса. Стратегии повышают оптимальную релевантность речевого сообщения и концептуализируют читательский интерес с точки зрения коммуникативных параметров релевантности.

Ключевые слова: эмоция, читательский интерес, эмотивная прагматика, популяризация, объяснительный текст, релевантность

Список литературы

- Генденштейн Л. Э. Анатомия интереса // Народное образование. 2005. №7. С. 120–126.
- Одинцов В. В. Речевые формы популяризации. М., 1982.
- Пiotровская Л. А., Труцелёв П. Н. Экспериментальное исследование эмоциогенности текстов (формирование интереса в учебном тексте) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. №192. С. 112–123.
- Пiotровская Л. А., Труцелёв П. Н. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24, №4. С. 991–1016.
- Токарева П. В. Коммуникативные стратегии и тактики в современной учебном дискурсе (на материале школьных учебников) : дис. ... канд. филол. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 2006.
- Труцелёв П. Н. Лингвистика читательского интереса: эмотивная прагматика учебных текстов по истории // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. №2. С. 81–90.
- Хурыз И. П. Сторителлинг в лекционном дискурсе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, №2. С. 64–73.
- Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.
- Alba-Juez L. Affect and emotion // The Cambridge Handbook of Sociopragmatics / ed. by M. Haugh, D. Z. Kádár and M. Terkourafi. Cambridge, 2021. P. 340–362.
- Alba-Juez L., Mackenzie J. L. Emotion processes in discourse. Emotion in Discourse / ed. by J. L. Mackenzie, L. Alba-Juez. Amsterdam, 2019. P. 3–26.
- Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford, 1962.
- Bohn-Gettler C. M., Kaakinen J. Introduction to the special issue on emotions in reading, learning, and communication // Discourse Processes. 2022. Vol. 59, №1–2. P. 1–12.
- Bondi M. Dialogicity in written language use: Variation across expert action games // From Pragmatics to Dialogue / ed. by E. Weigand, I. Kecskes. Amsterdam ; Philadelphia, 2018. P. 137–170.
- Bornstein O., Katzir M., Simchon A., Eyal T. Differential effects of abstract and concrete processing on the reactivity of basic and self-conscious emotions // Cognition and Emotion. 2019. Vol. 35, №5. P. 1–14. doi: 10.1080/02699931.2020.1848804.
- Bouko C. Emotions through texts and images: A multimodal analysis of reactions to the Brexit vote on Flickr // Pragmatics. 2020. Vol. 30, №2. P. 222–246. doi: 10.1075/prag.18060.bou.
- Burdelski M. Emotion and affect in language socialization // The Routledge Handbook of Language and Emotion / ed. by S. E. Pritzker, J. Fenigsen and J. M. Wilce. L. ; N. Y., 2020. P. 28–48.
- Calsamiglia H., van Dijk T. A. Popularization discourse and knowledge about the genome // Discourse and Society. 2004. Vol. 15, №4. P. 369–389.
- Choi S.-M. Two types of text-based situational interest evoking strategies: Seductive details and concrete elaboration and their effects on the 1st year EFL high school students' written text comprehension and interest : PhD thesis. Buffalo, 2006.
- Clinton V., van der Broek P. Interest, inferences, and learning from texts // Learning and Individual Differences. 2012. Vol. 22. P. 650–663.
- Clinton-Lisell V. Reading medium and interest: Effects and interactions // Educational Psychology. 2022. Vol. 42, №2. P. 142–162.

- Connelly D.A. Applying Silvia's Model of Interest to Academic Text: Is There a Third Appraisal? // *Learning and Individual Differences*. 2011. Vol. 21, №5. P. 624–628.
- de Saussure L., Wharton T. Relevance, effects and affect // *International Review of Pragmatics*. 2020. Vol. 12, №2. P. 183–205.
- Fetzer A. Context // *The Oxford Handbook of Pragmatics* / ed. by Ya. Huang. N. Y., 2018. P. 259–276.
- Fitria W. Reading Interest and Reading Comprehension: A Correlational Study // *Journal Educative: Journal of Educational Studies*. 2019. Vol. 4, №1. P. 95–107.
- Fulmer S.M., D'Mello S.K., Strain A., Graesser A.C. Interest-based text preference moderates the effect of text difficulty on engagement and learning // *Contemporary Educational Psychology*. 2015. Vol. 41. P. 98–110.
- Givón T. *Coherence*. Amsterdam ; Philadelphia, 2020.
- Hayakawa S.I. *Language in Thought and Action*. L., 1977.
- Hidi S. Interest, reading, and learning: Theoretical and practical considerations // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13, №3. P. 191–209.
- Hidi S., Baird B. Strategies for increasing text-based interest and students' recall of expository texts // *Reading Research Quarterly*. 1988. Vol. 23, №4. P. 465–483.
- Hoey M. *Textual Interaction*. L., 2001.
- Hyland K. *Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing*. L. ; N. Y., 2005.
- Hyland K. Dialogue, community and persuasion in research writing // *Dialogicity in Written Specialised Genres* / ed. by L. Gil-Salom, C. Soler-Monreal. Amsterdam ; Philadelphia, 2014. P. 1–20.
- Izard C.E. Basic emotions, natural kinds, emotion schemas, and a new paradigm // *Perspectives on Psychological Science*. 2007. Vol. 1, №3. P. 260–280.
- Kang Q. On Perlocutionary Act // *Studies in Literature and Language*. 2013. №6. P. 60–64.
- Katriel T. Exploring emotion discourse // *Methods of Exploring Emotions* / ed. by H. Flam, J. Kleres. L. ; N. Y., 2015. P. 57–66.
- Kintsch W. Learning from Text, Levels of Comprehension, or: Why Anyone Would Read a Story Anyway // *Poetics*. 1980. №9. P. 87–98.
- Kneepkens E.W.E.M., Zwaan R.A. Emotions and literary text comprehension // *Poetics*. 1994. №23. P. 125–138.
- Koschut S. Emotion, discourse, and power in world politics // *The Power of Emotions in World Politics* / ed. by S. Koschut. [n. l.], 2020. P. 3–27.
- Koschut S., Hall T.H., Wolf R. et al. Discourse and emotions in international relations // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19, №3. P. 481–508.
- Lane A.B., Kent M.L. Dialogic Engagement // *The Handbook of Communication Engagement* / ed. by K.A. Johnston, M. Taylor. Hoboken, 2018. P. 61–72.
- Langlotz A., Locher M.A. The role of emotions in relational work // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 58. P. 87–107.
- Leckie-Tarry H. *Register: A Functional Linguistics theory* : PhD thesis. Murdoch, 1991.
- Lepper Ch., Stang J., McElvany N. Gender Differences in Text-Based Interest: Text Characteristics as Underlying Variables // *Reading Research Quarterly*. 2022. Vol. 57, №2. P. 537–554.
- Makkonen-Craig H. Aspects of dialogicity: Exploring dynamic interrelations in written discourse // *Analysing text and talk* / ed. by A.-M. Karlsson. Uppsala, 2014. P. 99–120.
- Martin J. R., Rose D. *Working with Discourse*. 2nd ed. [n. l.], 2007.
- Meyer B.J.F. An Analysis of a Plea for Money // *Discourse description: diverse linguistic analyses of a fund-raising text* / ed. by W.C. Mann, S.A. Thompson. Amsterdam ; Philadelphia, 1992. P. 79–108.

Mikk J., Kukemelk H. The relationship of text features to the level of interest in science texts. *Trames: A Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2010. Vol. 14, №1. P. 54–70.

Moisander J.K., Hirsto H., Fahy K. Emotions in institutional work: A discursive perspective // *Organization Studies*. 2016. Vol. 37, №7. P. 963–990.

Naceur A., Schiefele U. Motivation and learning – The role of interest in construction of representation of text and long-term retention: Inter- and intraindividual analyses // *European Journal of Psychology of Education*. 2005. Vol. 20, №2. P. 155–170.

Olson R.E., Bellocchi A., Dadich A. A post-paradigmatic approach to analysing emotions in social life // *Emotions and Society*. 2020. Vol. 2, №2. P. 157–178.

Ozyumenko V.I., Larina T.V. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25, №3. P. 746–766.

Piotrovskaya L. Description, Expression and Reflection of Emotions in Language Behaviour // *Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data: Studies in Honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk* / ed. by W. Oleksy, P. Stalmaszczyk. Frankfurt a/M; Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2009. P. 307–338.

Piotrovskaya L., Trushchelev P. Linguistic Approach to Study of Strategies for Increasing Text-Based Interest // *The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. 2021. Vol. 108. P. 276–183.

Piotrovskaya L., Trushchelev P. Communicating recipient's emotions: Text-triggered interest // *Training, Language and Culture*. 2022. Vol. 6, №1. P. 60–74.

Putro N.H.P.S., Lee J. Reading interest in a digital age // *Reading Psychology*. 2017. Vol. 38, №8. P. 778–807.

Renninger K.A., Bachrach J.E., Hidi S.E. Triggering and maintaining interest in early phases of interest development // *Learning, Culture and Social Interaction*. 2019. Vol. 23. P. 100260.

Sadoski M., Paivio A. Imagery and text: A dual coding theory of reading and writing. L.; N. Y., 2013.

Schraw G., Lehman S. Situational Interest: A Review of the Literature and Directions for Future Research // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13, №1. P. 23–52.

Shin J., Chang Yu., Kim Yo. Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory // *The SNU Journal of Education Research*. 2016. Vol. 25, №2. P. 39–57.

Silvia P.J. Exploring the Psychology of Interest. N. Y.; Oxford, 2006.

Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and cognition. 2nd ed. Oxford; Cambridge, 1995.

Springer Sh.E., Dole J.A., Hacker D.J. The role of interest in reading comprehension // *Handbook of research on reading comprehension* / ed. by S.E. Israel. N. Y.; L., 2017. P. 519–542.

van Berkum J.J.A. Language Comprehension, Emotion, and Sociality: Aren't We Missing Something? // *Oxford Handbook of Psycholinguistics* / ed. by Sh.-A. Rueschemeyer, G. Gaskell. 2nd ed. Oxford, 2018. P. 644–669.

van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the semantics and pragmatics of discourse. L.; N. Y., 1977.

van Dijk T.A. Discourse and Context: A sociocognitive approach. Cambridge; N. Y.; Melbourne; Madrid; Cape Town; Singapore; São Paulo, 2008.

van Dijk T.A., Atienza E. Knowledge and discourse in secondary school social science textbooks // *Discourse Studies*. 2011. Vol. 13, №1. P. 93–118.

Wade S.E. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research // *Educational Psychology Review*. 2001. Vol. 13, №3. P. 243–261.

Westberg, G. Affect as a multimodal practice // *Multimodality & Society*. 2021. Vol. 1, №1. P. 20–38.

Wetherell M. *Affect and Emotion*. Los Angeles; L.; Washington, 2012.

Wetherell M. Affect and discourse – What’s the problem? From affect as excess to affective/discursive practice // *Subjectivity*. 2013. №6. P. 349–368.

Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S. Relevance and emotion // *Journal of Pragmatics*. 2021. Vol. 181. P. 259–269.

Wharton T., Strey C. Slave of the Passions: Making Emotions Relevant // *Relevance: pragmatics and interpretation* / ed. by K. Scott, B. Clark, R. Carston. Cambridge, 2019. P. 253–267.

Wilson D. Discourse, coherence and relevance: A reply to Rachel Giora // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 29. P. 57–74.

Zhong Ya., Jiang Ch., Xu W., Li Ju. J. Discourse level factors for sentence deletion in text simplification // *Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence*. 2020. Vol. 34, №5. P. 9709–9716.

Об авторах

Павел Николаевич Трущелёв, аспирант, ассистент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ptruschelev@herzen.spb.ru

Елена Викторовна Петренко, аспирант, ассистент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: epetrenko@herzen.spb.ru

Лариса Александровна Пиотровская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: larisa11799@yandex.ru

Для цитирования:

Трущелёв П. Н., Петренко Е. В., Пиотровская Л. А. Концептуализация эмоций в дискурсе: прагматика читательского интереса // *Слово.ру: балтийский акцент*. 2023. Т. 14, №2. С. 93–114. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-6.

ПОЛИКОДОВЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ

В. Е. Буденкова, Е. Н. Савельева, О. В. Князюк

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Поступила в редакцию 27.06.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-7

В статье рассматривается сетевая политическая активность (политблогинг). Предметом анализа выступил поликодовый текст веб-сайтов, транслирующих политическое сообщение посредством разнородных семиотических кодов. Цель исследования – показать, как в информационном продукте кодируется и манифестируется политическая идентичность адресантов. Результатом исследования является разработанная типология поликодовых текстов (контента блогов), формирующих картину политической реальности пользователей. К первому типу относятся блоги, которые отличают наличие четкой идеологической базы, маркирующей политическую идентичность адресанта, и «насыщенный» идеологическими значениями поликодовый текст. Вторым типом блогов характеризует отсутствие собственной политической идентичности автора, «аморфный» поликодовый текст, предназначенный для политического потребления и развлечения. К третьему типу отнесены блоги, транслирующие «разреженный» поликодовый текст. Несмотря на то что эти блоги отражают идеологическую базу, а их адресанты имеют политическую идентичность, они ориентированы на потребление политпродукта, а не на актуализацию идентичности в коммуникации и действии. Сравнительный анализ контентов (политико-ориентированных, а также эпизодически обращающихся к политическим темам) подтвердил предложенную типологию. Кроме того, на основе семиотического и дискурс-анализа выявлены механизмы, повышающие коммуникативный потенциал и убедительную силу идейно-смыслового содержания контентом.

Ключевые слова: политическая идентичность, политический дискурс, новые медиа, блогинг, идеология, политический просьюмеризм

1. Введение

Сетевая активность, ставшая приметой времени и одной из специфических характеристик современного человека, возросла под влиянием пандемии и текущей политической ситуации. Сегодня в сети можно найти пользовательский контент на самые разнообразные темы и любой вкус. Популярность такого рода «самовыражения» обусловлена комплексом причин, включая социально-экономические (изменение структуры занятости, возрастание доли нематериального труда, «цифровой капитализм»), психологические, экзистенциальные.

Не стала исключением и сфера политики. Политическая и околополитическая «журналистика» представляет широкий спектр информационных продуктов разного формата и уровня. Создание картины политической реальности предстает ареной борьбы за умы и сердца пользователей и предполагает разнообразные повествования, альтернативные точки зрения, конкурирующие стратегии. В распоряжении блогеров и других производителей политического контента сервисы, платформы, онлайн-инструменты, позволяющие сочетать визуальные, вербальные, невербальные средства, усложняющие текст и одновременно делающие его более выразительным. Так в сфере политической коммуникации формируется *поликодовый текст*, который раньше ассоциировался с искусством и художественными практиками.

Р. Э. Бараш и А. Ю. Антоновский дали «протестующим и критикам» следующую характеристику: «Сложным для восприятия электората партийным программам, принимаемым и реализуемым посредством комплексных механизмов согласования интересов и решений, они противопоставляют метафорически закодированный видеоряд» (Бараш, Антоновский, 2019, с. 36), и она вполне подходит политическому блогингу в целом.

Анализ блогосферы позволяет не только познакомиться с многообразием мнений и интерпретаций политического процесса, но и выявить общие механизмы формирования и трансляции авторской версии социополитической реальности в процессе неформальной политической коммуникации. Данная статья продолжает начатое авторами исследование российской блогосферы как пространства самостоятельной политической активности. В предыдущей работе (Савельева, Буденкова, Князюк, 2021) мы рассматривали сетевую политическую активность через призму авторской модели просьюмерского труда, с «формально-производственной» точки зрения. В этой статье мы хотим обратить внимание на содержательную сторону и попытаться ответить на вопрос, как создаваемый информационный продукт связан с позицией авторов, через какие составляющие поликодового текста транслируется их политическая идентичность. Поставленная задача позволяет обозначить новое направление в изучении сетевой политической активности. Контекст обсуждения формируется под влиянием исследований, которые можно разделить на две группы. К первой относятся работы, посвященные новым форматам политической коммуникации. В зарубежных исследованиях преобладает тематика *politainment* (Van Santen, 2008; Veroccal, Campos-Domingues, Redondo, 2014). Российские авторы (Бондаренко, 2005; Володенков, 2019; Коньков, 2019 и др.) рассматривают влияние новых медиа на социальные институты, политические коммуникации и картину социально-политической реальности. Вторая группа представлена работами, в которых анализируются поликодовые тексты, в том числе и политической направленности (Большакова, 2008; Громова, 2020; Проскурин, 2010; Соколова, 2020). Тем не менее в обозначенном авторами ракурсе сетевая политическая актив-

ность (политблогинг) как производство поликодовых текстов, транслирующих политическую идентичность, еще не рассматривалась, что позволяет надеяться на новизну и оригинальность полученных результатов.

2. Деятельность политблогеров как создание поликодового текста и способ трансляции политической идентичности

Под политическим продуктом мы понимаем результат деятельности политблогеров, представляющий собой особого рода информацию и знания: актуальные новости, сведения исторического характера, анализ и интерпретацию текущих социально-политических событий, прогнозы, проекты, сетевые политические акции и т. п. Весь этот комплекс можно рассматривать как слагаемые социально-политической реальности, в том числе «альтернативных политических пространств» (Плотичкина, 2013).

Поиск идентификационных признаков просьюмеризма в сфере сетевой политической активности (Савельева, Буденкова, Князюк, 2021) позволил нам выстроить классификацию типов политблогинга по следующим основаниям: развести политический блогинг, адресант которого, обладая политической идентичностью, выражает ее в результатах своей деятельности, и блоги адресантов, политическая идентичность которых четко не артикулирована и не позволяет судить о ее наличии / отсутствии.

В качестве материала для анализа использовался политико-ориентированный контент (веб-сайты, блоги, влоги, включая те, которые эпизодически обращаются к политическим темам). Предметом анализа стал поликодовый текст как семиотическая характеристика интернет-пространства.

Термин «поликодовый текст» насчитывает десятки определений, в основе которых лежит акцентуация взаимодействия кодов различных семиотических систем, порождающих новое смысловое поле. В современном дискурс-анализе широко употребляется понятие «гибридный текст», отличительной особенностью которого является взаимодействие гетерогенных элементов, порождающих новые свойства и возможности интерпретации. О. В. Соколова, выделяя наряду с языковой, жанровой, мультимедийной гибридизацией поликодовую, отмечает, что в результате наложения дискурсов поликодовые гибридные тексты формируют новые общие коммуникативные, семиотические и языковые свойства, «а также позволяют передать одно сообщение с помощью различных кодов. При этом каждый из элементов поликодового гибридного сообщения одновременно реферирует и к художественной, и к политической реальности» (Соколова, 2020, с. 68).

Мы будем понимать поликодовый текст как сочетание естественно-языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы, знаков иной природы (Анисимова, 1992; Большакова, 2008; Проскурин,

2010 и др.). Это «лингвизуальный комплекс» (Большаянова, 1986) сложно организованного текстового единства элементов разных знаковых систем. Различают вербальный (лингвистический) и невербальный (нелингвистический) компоненты поликодового текста, которые запускают процесс смыслопорождения. Поликодовые тексты различаются по количеству взаимодействующих знаковых систем (дискурсивных особенностей вербальной компоненты и спектра иконических и индексальных знаков невербальной составляющей структуры поликода). Но, как отмечается, «важной особенностью таких текстов выступает не наличие различных элементов, а их значимость для формирования дополнительных оттенков в содержание всего высказывания в целом» (Громова, 2020, с. 357).

Специфика веб-сайта как поликодового текста заключается в интеграции в нем компонентов разных семиотических систем – вербальных, аудиальных, анимационных и др., которые определяют характер его воздействия на адресата, получающего информацию не только из сообщения (посредством вербальных компонентов), но и в результате соположения разнородных репрезентантов различных знаковых систем (Проскурин, 2010, с. 66).

Коммуникация видеоблогинга (интервью, стрим, блог) формирует единое смысловое, визуальное и идеологическое поле, которое образуется посредством вербальных, визуальных и звуковых компонентов. Как правило, создается поликодовый текст, содержащий в себе комплекс семиотических кодов, который отличается большей информативностью, чем его составляющие по отдельности. По этой причине поликодовый текст более определенно и направленно формирует механизмы понимания содержательной составляющей.

Здесь важно, что «при структурировании информации продуцентом веб-сайта на основе универсальных когнитивных механизмов он преобразует ее в такое содержание и форму, которые создают возможность более удобной и оперативной когнитивной обработки информации реципиентом (Проскурин, 2010, с. 65). Если задаться вопросом, какого рода информация является приоритетной для подобных преобразований в случае политблогинга, ответ очевиден – информация политического характера. Мы полагаем, что забота о механизмах идейно-тематического и концептуального педалирования (на формальном и содержательно-смысловом уровнях), а также о коммуникативном аспекте (прагматике) текста может рассматриваться в качестве маркера политической идентичности адресанта. Кто будет беспокоиться о внятной трансляции собственного видения социально-политических событий? Тот, кто имеет вполне определенную политическую / гражданскую позицию, базирующуюся на четкой системе идеологических взглядов. Тот, кто, конструируя социально-политическую реальность, создавая «альтернативные политические пространства» (Плотичкина, 2013), заботится о том, чтобы донести данный политический продукт до потребителя «без смысловых потерь». Политическая идентичность блогера в таком случае обуславливает политическую принадлежность самого блога.

Таким образом, предлагаем следующую типологию контентов, в которых политическое сообщение кодируется разными семиотическими системами.

№0 — институционализированная профессиональная политическая журналистика (ТВ-каналы: «Россия 1» — ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», информационно-аналитическая телепрограмма «Вести недели» с Дмитрием Киселевым; Первый канал — «Большая игра» и др.), ориентированная на трансляцию «готовых» смыслов. Можно предположить, что в этом сегменте общий политический нарратив формируют акторы, транслирующие добровольно принятые официально допустимые идейно-смысловые установки («официальную» модель социополитической реальности), что, конечно, не отменяет их приверженности данной системе взглядов.

№1 — политические блоги / сетевая активность с четкой идеологической базой, маркирующей политическую идентичность адресанта. Эти блоги нацелены на результат, на активное воспроизводство политпродукта определенной идеологической направленности, рекрутирование единомышленников и формирование политической идентичности сообщества.

Для этих блогов характерен идеологически «насыщенный» поликодовый текст. В семантическом плане он содержит конкретные политические смыслы, воспроизводимые на уровне синтактики в общих принципах соединения составляющих его элементов (кодов). Прагматический аспект такого текста ориентирован на трансляцию внятного идейно-политического содержания. Здесь важно отметить, что политически ориентированный поликодовый текст нацелен не столько на рационально-критическое восприятие, сколько на эмоциональный отклик. Его действие строится на узнавании и стремлении адресата убедиться в «правильности» своей картины мира.

Мы полагаем, что чем больше компонентов поликодового текста содержит политические значения, тем в большей степени блог имеет отношение к политическому нарративу и предполагает интерактивность коммуникации — обратную связь, расширение аудитории через вовлечение в процесс дешифровки, декодирования, выход в офлайн, воспроизводство политпродукта и проч. «Насыщенный» поликодовый текст производят акторы, имеющие политическую идентичность и нацеленные на ее формирование в солидарной группе.

В качестве примеров можно рассматривать медиаресурсы «Телеканал Сталинград», «Красное радио», «Агитация и пропаганда» Константина Семина, «Красная линия», «Навальный LIVE»¹.

Добавим, что экстремистские сайты, в свою очередь, опираются на определенные идеологические доктрины и создают поликодовые тексты, аналогичные первому типу. Но в отличие от легитимных контен-

¹ По требованию Генпрокуратуры РФ канал и другие информационные ресурсы, связанные с Фондом борьбы с коррупцией, заблокированы. ФБК признан экстремистской организацией.

тов, рекрутирующих единомышленников для общей оценки реальности в русле определенной идеологии, экстремистские сайты отличаются призывы к противоправным действиям (Савельева, Буденкова, 2020).

№2 — блоги, предназначенные для развлечения и потребления контента с использованием политического нарратива. Они не транслируют собственную политическую идентичность и не ставят целью своей деятельности формирование политической идентичности у других. Зарабатывая на трансляции разных смыслов, они не стремятся к устойчивой политической идентичности и не заинтересованы в интерактивности (либо она симулируется), обратная связь с аудиторией важна в формате лайков и донатов.

Развлекательный политпродукт характеризует «аморфный» поликодовый текст. Прагматика текста ориентирована на декодирование адресатом любой системы взглядов, на политическую «всеядность», мозаику идейно-политических нарративов. К таковым можно отнести каналы и шоу: «вДудь»², «Осторожно: Собчак», «Сталингулаг», «Ай, Как Просто!».

№3 — блоги, которые имеют идеологическую базу, отражающую политическую идентичность адресанта, но (в отличие от типа №1) ориентированы в большей степени на потребление, а не на воспроизводство политпродукта адресатом. Блогеры самореализуются в трансляции личной «картины» социополитической реальности и авторской интерпретации событий. Им не нужна активность адресатов, их собственная деятельность является свидетельством правильности курса. Это лидеры, формирующие свое сообщество, в большей степени склонные к политической аналитике в духе проповеднического, просветительского характера. Они не нацелены на формирование политической идентичности в группе Других (по крайней мере это не является первоочередной задачей).

Примером таких ресурсов, характеризующихся «разреженным» поликодовым текстом, могут служить «БесогонTV» Н. Михалкова, «Андрей Фурсов», «Простые числа» с Олегом Комоловым, «Движение Альтернативы», «Дмитрий Пучков», «Metametrica», «Наталья Зубаревич».

3. Типология политико-ориентированной блогосферы в контексте политической идентичности адресанта

Сравнительный анализ политико-ориентированного контента (включая те источники, которые эпизодически обращаются к политическим темам) позволяет утверждать, что характеристики их поликодового текста маркируют наличие / отсутствие политической идентичности адресантов, а также стремление / отсутствие сформировать идентичность адресатов.

² Ю. Дудь внесен в реестр иностранных агентов 15 апреля 2022 года. 8 января 2023 года деятельность ИП Юрия Дудя (СМИ, признанного иностранным агентом) в России прекращена.

1. Содержательно-смысловой характеристикой «насыщенного» поликодового текста политблогов первого типа (на *семантическом* уровне) является наличие идеологической базы (либо системы политических взглядов и представлений, которые выступают концептуальным каркасом содержания блога, даже если их «партийная» принадлежность точно не определена / не определяется).

Семантика «аморфного» поликодового текста второго типа (продукта политразвлечения) при наличии критической компоненты такой единой идеологической базы не имеет.

В блогах третьего типа, несмотря на «разреженность» поликодового текста, обнаруживается определенность идеологической базы, обуславливающая его содержательно-смысловое единство.

2. На *синтаксическом* уровне (уровне формальных приемов выразительности, композиционных приемов и акцентов) в блогах первого типа максимально педалируется идеологическая база, маркируются идейно-политические установки. На это нацелен комплекс используемых знаков, которые сопрягаются в соответствии с разнообразными правилами (культурных, иконических, иконографических, стилистических и др. кодов), что обеспечивает целостность текста.

Невербальная составляющая структуры поликодового текста на уровне иконических компонентов (скринов, субтитров, видеоряда, предметного набора, эмблематики, символики, таблиц, схем, списков, диаграмм, гистограмм и проч.), индексальных компонентов (звукового, шумового сопровождения и т.п.), а также таких паралингвистических средств, как цвет, шрифт, фон, графическое оформление текста, рамки, разделительные линии и т.п., обладающих, по замечанию Е.Г. Проскурина, неязыковой основой и взаимодействующих с вербальными элементами текста опосредованно (Проскурин, 2010, с. 66), маркирует базовую идеологию, в контексте которой интерпретируется и оценивается социополитическая реальность. Согласованность комплекса знаков обеспечивается их кодификацией в соответствии с культурными, стилистическими, иконографическими и другими правилами в зависимости от целевой (гипотетически солидарной) аудитории.

Синтактику поликодового текста блогов второго типа не отличают структурная целостность и ценностно-смысловое единство (есть критика, но нет базовой идеологии). Отдельные вербальные и иконические элементы могут присутствовать в несогласованном виде, вне логики единой системы политических взглядов.

Синтактику поликодового текста блогов, отнесенных авторами к третьему типу, определяет доминанта вербальной компоненты.

3. На *прагматическом* уровне поликодовый текст блогов первого типа максимально обеспечивает возможность «правильной» интерпретации текста (в заданном адресантом идеологическом ключе). «Насыщенный» поликодовый текст четче и напористее формирует механизмы понимания содержательной составляющей. Это способствует желаемому рекрутированию (воспроизводству / самопроизводству транслируемого идеологического ценностно-смыслового комплекса в соли-

дарной группе), интерактивности коммуникации. Здесь, хотя и в крайне редких случаях, можно обнаружить просьюмерскую производственную цепочку производства-потребления. Ярко выраженная идеологическая база, концептуальная внятность и устойчивость политического продукта, закреплённая на разных уровнях восприятия, нацелена на обеспечение солидарности акторов, принявших именно «это объективировавшееся видение мира» (Дебор, 1999, с. 13), что может в дальнейшем перейти (но необязательно) в деятельную форму политического участия (от комментариев до политических акций).

Прагматика «аморфных» поликодов развлекательного контента блогов второго типа не опирается на фундамент внятно артикулированной авторской позиции и / или ценностно-смысловой системы. Эти блоги не имеют четких идейно-политических установок. При этом их создатели могут предлагать политический продукт (критического характера), но лишь для того, чтобы удовлетворить запрос аудитории (потребительский спрос) на приобщение к социально-политической тематике как форме самовыражения. Они не нацелены на формирование политической идентичности. Адресат в этом случае только потребляет «идеологически нейтральный, индивидуализированный, перенесённый в сферу частной жизни и частного выбора» (Пшизова, 2009, с. 114) политический продукт. Исследователи определяют аналогичные по характеру контентные как консьюмерские. Объектом критики, осуществляемой политконсьюмеризмом, являются не действия властей или действующие политические институты и системы, а «коллективный субъект», воплощающий социально-политические проблемы и недостатки. При этом данный субъект может «пересобираться» в зависимости от интересов блогера, тематического контекста и социально-политической ситуации. Такого политического потребителя, полагает С. Н. Пшизова, отличают два основных свойства: с одной стороны, он настроен гораздо критичнее по отношению к тому, что ему предлагают профессиональные политики, нежели гражданин, ощущающий свою идеологическую связь с определенной партией. С другой – в сравнении со своим историческим предшественником, имевшим четкие ориентиры в мире политики, он намного сильнее подвержен воздействию разного рода «политических технологий» (Там же, с. 112).

Прагматика «разреженного» поликода блогов третьего типа строится на декодировании социально-политических означающих в общем смысловом поле, но не выходит на уровень совместного воспроизводства идеологических / политических смыслов данной системы взглядов.

4. Анализ поликодовых текстов политико-ориентированной блогосферы

К «насыщенным» политическим поликодам первого типа можно отнести блоги и каналы «Сталинград», «Агитация и пропаганда» (К. Семин), «Красное радио», представляющие левое крыло политического спектра.

Их авторы интерпретируют текущие социально-политические события в рамках марксистской / неомарксистской парадигмы. На это указывает вербальная компонента поликодового текста, которая строится на основе специфического дискурса: используются понятия «пролетариат», «капитализм», «буржуазия», «эксплуатация» и т. п.; актуализируются положения исторических документов и произведений теоретиков марксизма, озвучиваются их основные установки; транслируются предложения по изменению текущей ситуации в рамках критики капиталистического устройства современного российского общества.

В частности, телеканал «Сталинград» на семантическом уровне предъявляет адресату идеи социализма, патриотизма, военных и хозяйственных достижений СССР, сопротивления правой идеологии (коммунизм против капитализма) и анархизма. Синтаксическая конструкция строится посредством системы знаков и образов, имеющих иконографическое сходство с символикой и атрибутикой Советской России, посредством множества иконических знаков, комбинация которых в совокупности с вербальной составляющей, выстраивает единое смысловое поле и ориентирована на узнаваемость не только «Своими», но и «Другими».

В ряду таких означающих элементов — оформление студии, выдержанное в едином стилевом и смысловом универсуме (деревянный с зеленым сукном «наркомовский» стол, ретролампа, ретротелефон, на втором плане армейский сундук с черно-коричневым брезентом); ведущий в одежде темных тонов с красной полосой или бантом на груди; фон стилизован под армейский тент (рис. 1), фирменный знак канала — графическое изображение монумента «Родина-Мать» Е. Вучетича (рис. 2).

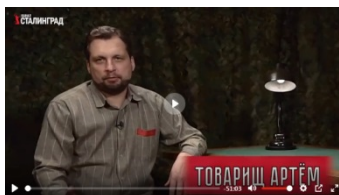

Рис. 1. Ведущий канала «Сталинград»

Источник: stalingrad.life

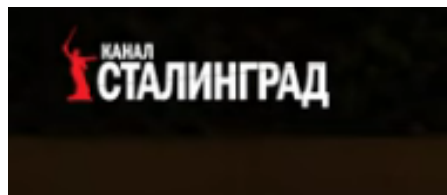

Рис. 2. Логотип канала «Сталинград»

Источник: stalingrad.life

Задействованы и такие паралингвистические средства, как цветовая гамма (красный, черный, белый) с доминированием красного, имеющего особое коннотативное значение в аудиовизуальных системах, базирующихся на идеологии марксистских и неомарксистских движений и левых партий. Белый шрифт на красном или черном фоне; в приветственном превью красный фон с кадрами военной хроники; заканчивается превью белой надписью «СТАЛИНГРАД ТЕЛЕКАНАЛ», все буквы прописные, полужирный шрифт, надпись дополнена сверху символом красной звезды с черной обводкой, внутри звезды — изображение серпа и молота желтого цвета (рис. 3).

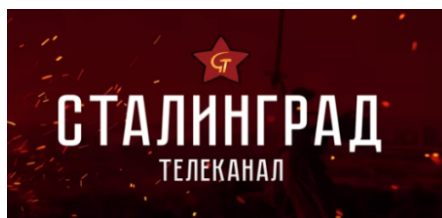

Рис. 3. Заставка канала «Сталинград»

Источник: stalingrad.life

Дублирующие или сопровождающие надписи на фоне, стилизованном под старую газетную бумагу, сопровождается эффект искр от огня. Использование затекстового фона из цитат в стилистике газетных материалов отсылает адресата к документальности и архивности. Данный прием используется для того, чтобы усилить доверие к транслируемой информации. Символичность шрифта в системе анализируемого поликодового текста направлена на формирование эмоционального ракурса восприятия информации. Так, использование полужирного начертания в сочетании с прописными буквами подчеркивает энергичность, четкость и правдивость текста. Предполагается, что с таким текстом нельзя поспорить. Текст мимикрирует под газетную статью или телефонограмму. В результате он воспринимается как «оригинал» сообщения в печатной форме. Цитата дополняется фотографией цитируемого, что направлено на создание наглядной ассоциативной связи, призванной создавать впечатление достоверности сказанного (рис. 4, 5).

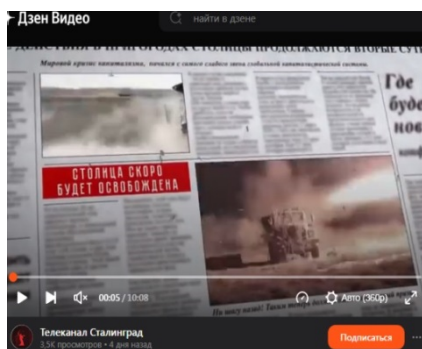

Рис. 4. Материал, опубликованный каналом «Сталинград»

Источник: Дзен.

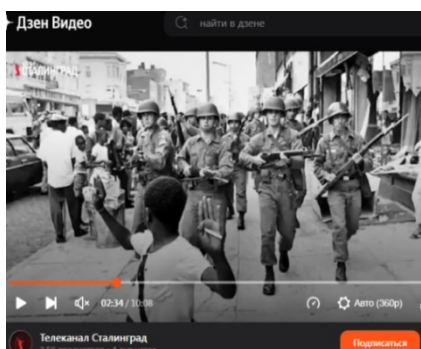

Рис. 5. Материал, опубликованный каналом «Сталинград»

Источник: Дзен.

Текст цитаты с изображением дублируется закадровым голосом, цитирующим вербальную часть. Таким образом, поликодовый текст действует все каналы передачи-восприятия информации. «Неслучай-

ный» характер имеет композиция внутрикадрового размещения субъектов (ведущего и гостя) — по принципу доверительной беседы с малой дистанцией между ними (рис. 6).

Рис. 6. Интервью с В. В. Квачковым на канале «Сталинград»

Источник: stalingrad.life

Мы можем говорить о концептуальной внятности и устойчивости политического продукта канала «Сталинград», что повышает его коммуникативный потенциал. На стремление усилить *прагматическую* составляющую блога указывает использование разных форм интерактивного общения с пользователями (не ограничивающегося лайками и подписками). Так, К. Семин и И. Поляков призывают организовывать «левые» пропагандистские кружки; многие используют диалоговое окно для вопросов. Это (потенциально) повышает шансы на рекрутирование единомышленников через воспроизводство политического продукта.

К первому типу можно также отнести канал «Навальный LIVE»³. Несмотря на то что четкой идеологической программы А. Навальный (представитель либеральной оппозиции) не имел, однако на уровне *семантики* блога транслировался тезис о коррупционном характере власти, разоблачаемой адресантом. Это — базовый идейный политический мотив («концепт» по Барту), конституирующий вербальные и иконические составляющие поликодового текста. Любого рода текущие события рассматривались в контексте коррупционной модели системы российской власти. Случаи, которые не вписываются в данную схему, интерпретировались как пример неэффективности действия властей. Данная позиция характерна для либерального взгляда, когда «государство институализируется в качестве антипода гражданского общества» (Коньков, 2019).

Особое значение в способе сочетания знаков (в синтаксической конструкции) имеет вербальный компонент системы, нацеленный на повышение доверия со стороны адресатов. Наряду с жаргонной лексикой и вульгаризмами («Путинская Россия», «чиновник», «гнусный жулик» и т. п.) употребляются юридические термины («коррупционер», «раследование», «право», «закон», «доказательство» и т. д.). Закадровая речь комментирует демонстрацию иконических компонентов (выписки со счетов; скриншоты сайтов; справки, подтверждающие содержатель-

³ В настоящее время заблокирован по требованию Генпрокуратуры РФ.

ную часть). Не менее важным инструментом является использование инфографики (таблицы, схемы, графики, списки, диаграммы, гистограммы), которые позволяют автору в кратчайшие временные отрезки дать гораздо большее количество информации в сравнении с речью, а также дополнить содержательную составляющую, упростить процесс понимания и внушить зрителю иллюзию «объективности» его взгляда (рис. 7).

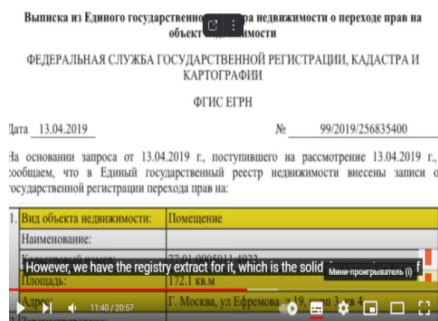

Рис. 7. Материал, опубликованный на канале «Навальный LIVE»

Источник: telegram.

Другим важным аспектом является использование в качестве иконического компонента динамичного изображения видео. В подтверждение своих слов автор блога включает в тело ролика отрывки записей с новостных каналов. При этом саркастичные и ироничные комментарии, а также гиперболизация образов политических деятелей при помощи монтажа влияют на способность зрителя выстраивать собственное мнение и формируют эмоциональную нагрузку. В ряду иконических и индексальных средств и компонентов можно отметить цветочное решение студии (использовавшееся до 2021 года, когда канал был заблокирован): подчеркнуто современный дизайн (ничего красного!) — изумрудная гамма с разбивкой по тону (рис. 8); черный фон с урбанистической графикой; оранжевый стакан с изумрудной крышечкой; строгий пиджак, фигура сдвинута вправо; слоган в первых кадрах «Россия будущего» (рис. 9).

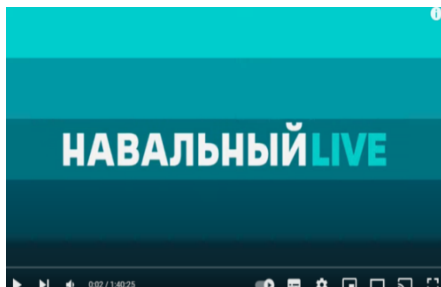

Рис. 8. Заставка канала «Навальный LIVE» (20.04.2019)

Источник: telegram.

Рис. 9. Ведущий канала «Навальный LIVE» (20.04.2019)

Источник: telegram.

Концептуальная убедительность идеологии борца с коррупцией, ее достаточно высокий коммуникативный потенциал (прагматический аспект поликодового текста) получает объяснение с позиции технологий отрицания и терапии в рамках теории социального конструирования реальности (Бергер, Лукман, 1995).

Терапия состоит из ряда необходимых практик, куда входит создание теории отклоняющегося поведения. А. Навальный апеллирует к правовой точке зрения, определяя коррупционные схемы, осуществляемые госслужащими как девиантное поведение. В рамках конструирования своей «теории» А. Навальный создает «диагностическую карту» (понятие, используемое Бергером и Лукманом) — систему «симптомов», которые он раскрывает с помощью инструментов поликодового текста. Диагностическая карта позволяет выявить не только острые состояния девиантов, но и скрытые проявления. Третий этап процесса терапии включает в себя лечение. Для построения такого пространства, где солидарные с альтернативной реальностью субъекты могли бы передавать свой опыт и знания, создавая свой смысловой универсум, противостоящий «официальной» точке зрения, Навальный проводил различные проекты: Умное голосование, Россия Будущего⁴ и др. На это была нацелена и его активность в социальных сетях и деятельность «офлайн» — организация митингов и уличных акций. Отметим, что эти проекты фокусировались на разных проблемах и затрагивали различные институты, что создавало предпосылки для формирования собственного символического универсума. Подобные методы, нацеленные на вовлечение и расширение аудитории, оказались, как показала практика, вполне эффективными.

Смысловое содержание развлекательного политпродукта второго типа в блоге Ю. Дудя⁵ строится на основе идеологически нейтральной позиции автора. Его политическая идентичность не маркируется в системе значений «аморфного» поликодового текста. Но адресант дает возможность высказаться своим респондентам — представить индивидуальную оценку социополитической реальности. Уточним, что блог неполитического характера в содержательно-тематическом плане «вступает» на эту территорию при интервьюировании политических фигур (В. Жириновский, П. Грудинин, А. Навальный и др.) либо деятелей разных сфер культуры, озвучивающих свою гражданскую позицию (А. Иванов, Ю. Шевчук, Н. Михалков, Д. Киселев, О. Кучера и др.)⁶. В результате блог отличает разнообразие вербальных и икониче-

⁴ Сайты проектов и другие информационные ресурсы, связанные с Фондом борьбы с коррупцией, заблокированы. ФБК внесен в реестр иностранных агентов и признан экстремистской организацией.

⁵ Ю. Дудь внесен в реестр иностранных агентов 15 апреля 2022 года. 8 января 2023 года деятельность ИП Юрия Дудя (СМИ, признанного иностранным агентом) в России прекращена.

⁶ В настоящее время информационные материалы, произведенные при участии Ю. Дудя, сопровождаются следующим предупреждением: «Настоящий материал (информация) произведен, распространен совместно с иностранным агентом Дудем Юрием Александровичем либо касается деятельности Дудя Юрия Александровича».

ских компонентов, общий семиотический континуум которых не имеет устойчивой концептуальной базы означаемых и, соответственно, основных означающих. Есть сумма значений, мозаика разнородных идеологий и политических представлений — по принципу «прилавка товаров по вкусу». По меткому замечанию Н.Н. Подосокорского,

особенность образа Дудя-влогера состоит в том, что он умело сочетает цинизм с сентиментальностью, шоу-бизнес с политикой, конформизм с легкой фрондой по отношению к набившему оскомину официозу. Он вполне может пригласить в свое шоу оппозиционера Алексея Навального, записать беседу с политэмигрантом Михаилом Ходорковским или опальным мэром Евгением Ройзманом, но все они для него — не более чем экзотические медийные фигуры, точно такие же, как рэперы, комики или киноактеры. Ему, по большому счету, все равно с кем разговаривать — с Тиньковым или Жириновским, Цекало или Доренко, Шевчуком или Guf. Дудь не является политическим актором, а его шоу — прежде всего бизнес-проект, главная цель которого — монетизация через рекламу разнообразных брендов от авиакомпаний и банков до бытовой техники и одежды (Подосокорский, 2018, с. 156).

Дискурсивная картина складывается из общих понятий («страна», «Россия», «политика», «Крым», «граждане», «идеология», «русский народ» и т.п.) и в большей степени политически индивидуализируется при ответах респондентов на ряд «нейтральных» вопросов ведущего («Оказавшись перед Путиным, что вы ему скажете?» и т.д.). Наряду с тем, что активно задействуется вербальная составляющая, невербальные компоненты выполняют «уточняющую» функцию. Иконические и индексальные знаки имеют ситуативный характер: интерьер, выбор городских пространств и мест встречи с интервьюируемыми, инфографику и тексты обуславливает не позиция автора (ее нечем маркировать), а аутентичная субъекту встречи атмосфера (П. Грудинин на фоне русской печи, с самоваром и баранками (рис. 10); Баста в своей музыкальной студии (рис. 11); О. Кучера в домашней обстановке (рис. 12); С. Бодров — на «нейтральной территории» — в гостинице (рис. 13).

Грудинин: Сталин наш лучший лидер за 100 лет / вДудь

Рис. 10. Интервью с П. Грудининым на канале «вДудь»

Источник: Дзен.

Рис. 11. Интервью с Бастой на канале вДудь

Источник: rutube.

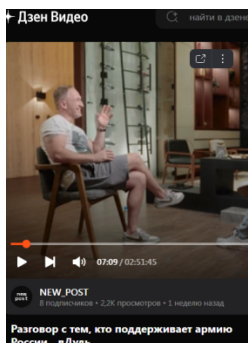

Рис. 12. Интервью с О. Кучерой на канале vДудь

Источник: Дзен.

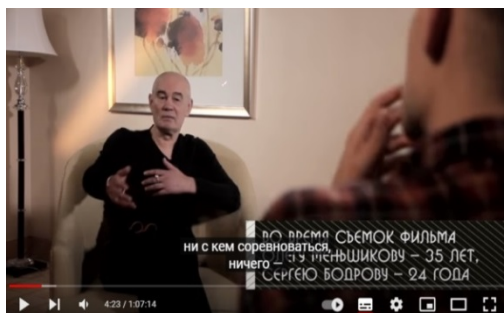

Рис. 13. Интервью с С. Бодровым на канале vДудь

Источник: Дзен.

К данному типу развлекательного блогинга, формирующего «аморфный» поликод, относятся ресурсы «Сталингулаг» (рис. 14), «Ай, Как Просто!» (рис. 15), которые также отличает идеологически нейтральное содержание. Критика представителей власти или обсуждение политических проблем не привязываются к определенному идейно-смысловому комплексу или системе взглядов. Обсуждение текущих событий осуществляется в дискурсе обывателя, включая ненормативную лексику, при полном отсутствии аналитики («треп чиновничий», «свора псов», «изголодавшийся народ», «рожа»). Данные блоги не имеют каких-либо знаково-символических элементов, указывающих на политические предпочтения / политическую идентичность их создателей.

Рис. 14. Ведущий канала «Сталингулаг»

Источник: Дзен.

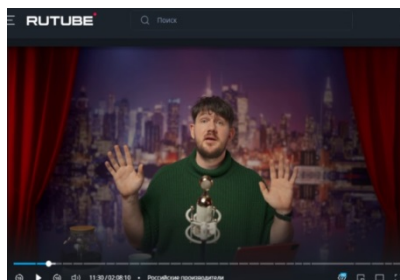

Рис. 15. Ведущий канала «Ай как просто»

Источник: rutube.

К типу «разреженного» поликода можно отнести блоги, семиотическая система которых содержит признаки политической идентичности адресанта, но в плане воздействия на адресатов (прагматический аспект) они ориентированы на формирование политической идентично-

сти солидарной группы *потенциально*, то есть не ставят задачу формирования сообщества и активного воспроизводства соответствующего политпродукта. К таким политблогам для потребления можно отнести следующие: Наталья Зубаревич (рис. 16); «БесогонТВ» Никиты Михалкова (означающие его принадлежности к патриотически-охранительному / консервативному направлению: флажок триколора, иконы за спиной, бюсты российских императоров (рис. 17)); канал «Евгений Спицын», в рамках которого собраны выступления и дискуссии с участием Евгения Спицына (Студия Аврора, Царьград, Спас и др.) (рис. 18); «Суть Времени» Сергея Кургияна (рис. 19); блог «Призыв к Разуму / Appeal to Reason» Ивана Полякова (в ряде программ на столе были выложены книги Ленина, документы ВЧК, бюст Маяковского и т.д. (рис. 20)), который в настоящий момент видеоизменился, приобретая характеристики «насыщенного» поликода.

Рис. 16. Ведущая канала «Наталья Зубаревич»

Источник: Дзен.

Рис. 17. Ведущий канала «БесогонТВ»

Источник: besogontv.

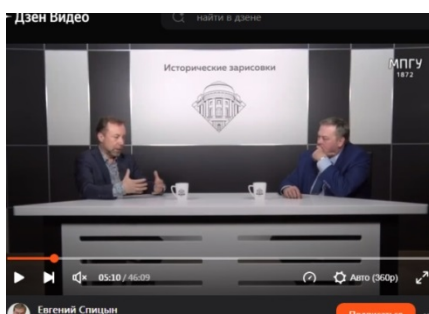

Рис. 18. Беседа Е. Спицына и Г. Артамонова на канале «Евгений Спицын»

Источник: Дзен.

Рис. 19. Ведущий канала «Суть времени»

Источник: Дзен.

Рис. 20. Ведущий канала
«Призыв к Разуму / Appeal to Reason»

Источник: vk.com.

Рис. 21. Беседа с А. Фурсовым
на канале «Metametrica»

Источник: rutube.

К этой же группе отнесены каналы, в которых смысловое семиотическое единство политического нарратива обеспечивает вербальный компонент поликодового текста, создаваемого в процессе интервью гостями. Иконические означающие мало представлены, но речь интервьюируемых формирует общее идеологическое пространство: например, актуализацию левых установок каналов «Metametrica» (рис. 21), «Движение Альтернативы» (гости которого А. Бузгалин, А. Колганов, Л. Булавка и др.) (рис. 22), «День ТВ» (гости – Ю. Катасонов, М. Делягин, О. Четверикова и т. д.) (рис. 23, 24), «Dmitry Puchkov» (гости – А. Вассерман, Н. Стариков, К. Семин); или утверждение либеральных взглядов канала «Живой Гвоздь» (Н. Сванидзе, Н. Зубаревич, Аббас Галлямов⁷, В. Ерофеев, А. Архангельский, К. Ремчуков, Е. Аникина, Л. Гудков и др.) (рис. 25). Данные ресурсы отличаются от шоу Ю. Дудя⁸, представляющего гостей разных взглядов, которых ничто не объединяет.

Рис. 22. Гость канала «Движение
Альтернативы» (А. Бузгалин)

Источник: Дзен.

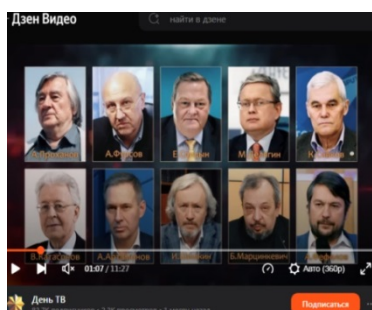

Рис. 23. Гости канала
«День ТВ»

Источник: Дзен.

⁷ А. Галлямов внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 10 февраля 2023 года.

⁸ Ю. Дудь внесен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов 15 апреля 2022 года. 8 января 2023 года деятельность ИП Юрия Дудя (СМИ, признанного иностранным агентом) в России прекращена.

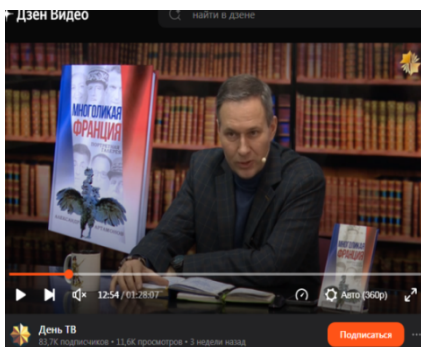

Рис. 24. Ведущий канала
«День ТВ»

Рис. 25. Интервью с Н. Зубаревич
на канале «Живой Гвоздь»

Источник: Дзен.

Источник: Дзен.

Итак, следует подчеркнуть, что политический блогинг «насыщенного» поликодового текста в большей степени способствует формированию политической идентичности адресатов. Политическая концепция (версия социокультурной реальности в определенном идеологическом или идейно-политическом фокусе) транслируется посредством поликодового текста, каждый элемент которого определяется данной системой. Выбор того или иного знака следует рассматривать как отражение политической идентичности субъекта, демонстрирующего индивидуальный выбор социополитической реальности, конструирующей ее, «уточняющего», а также рекрутирующей солидарную группу. Если поликодовый текст «аморфный», он не может транслировать идентификационные маркеры и играть роль объединяющего начала ни в случае формирования любого уровня социальной (Буденкова, Савельева, 2016, с. 40–42), ни в ситуации конструирования политической идентичности.

Список литературы

- Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. №1. С. 71–79.
- Бараиш Р. Э., Антоновский А. Ю. Человек бунтующий, будь видимым или умри! К визуализации семантики протестно-сетевой коммуникации // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. Вып. 4 (22). С. 36–59.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского государственного университета. 2008. №4 (63). С. 19–24.
- Большакова Л. М. Вербальное сопровождение фотоизображения в современной британской прессе: содержание и структура : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
- Бондаренко С. В. Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. №3. С. 76–92.

Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. №1 (21). С. 31 – 44.

Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 341 – 364.

Громова Н.С. Поликодовые тексты в сети интернет: специфика бытования и особенности экспертизы // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. 2020. Т. 1. С. 357 – 360.

Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М., 1999.

Коньков А.Е. Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. М., 2019. Вып. 14, ч. 1. С. 119 – 121.

Плотичкина Н.В. Просьюмеризм как политическая практика // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2013. №3. С. 66 – 79.

Подосокорский Н.Н. «Лицо с экрана». В чем секрет популярности ток-шоу «вДудь»? // Наука телевидения. 2018. №14.3. С. 151 – 166.

Проскурин Е.Г. Веб-сайт как полисемиотический гипертекст: к постановке проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2010. №3 (22). С. 64 – 67.

Пишова С.Н. От «гражданского общества» к «сообществу потребителей»: политический консьюмеризм в сравнительной перспективе // Полис. Политические исследования. 2009. №1. С. 100 – 117.

Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Методологические аспекты культурологической экспертизы в условиях политического просьюмеризма // Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции «Вопросы экспертизы в области культуры, искусства, дизайна» (6–7 июня 2019, Екатеринбург, УрФУ им. Б.Н. Ельцина). Екатеринбург, 2020. С. 132 – 137.

Савельева Е.Н., Буденкова В.Е., Князюк О.В. Политическая активность в сети как просьюмерская деятельность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. №44. С. 134 – 145.

Соколова О.В. Гибридные тексты как форма взаимодействия авангардного художественного и политического дискурсов // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 1, №1. С. 50 – 86.

Beroccal S., Campos-Domingues E., Redondo M. Media prosumers in political communication: Politainment on YouTube // Comunicar. Media Education Research Journal. 2014. Vol. 22, №43. P. 65 – 72.

Van Santen R. Review essay politics and entertainment: a happy marriage? // Javnost – The Public. 2008. Vol. 15. P. 89 – 100.

Перечень электронных ресурсов, упомянутых в статье

Metametrica. URL: <https://rutube.ru/channel/23486857/videos/>; <https://dzen.ru/metametrica> (дата обращения: 15.01.2023).

Агитпроп. Константин Семин. URL: <https://rutube.ru/channel/23807418/videos/>; <https://agitblog.ru/> (дата обращения: 25.01.2023).

Ай как просто. URL: <https://rutube.ru/channel/21014334/videos/> (дата обращения: 14.01.2023).

Альтернативы (А.В. Бузгалин и другие). URL: <https://dzen.ru/id/622bb0948074d541d7e57268>; <https://vk.com/alternativy> (дата обращения: 05.01.2023).

Андрей Фурсов. URL: <https://rutube.ru/channel/23473513/videos/>; <https://dzen.ru/govoritfursov> (дата обращения: 13.02.2023).

БесогонTV. URL: <https://besogontv.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).
вДудь. URL: <https://rutube.ru/channel/1741132/videos/>; <https://t.me/s/yurydud> (дата обращения: 15.01.2023).

Дмитрий Пучков. URL: <https://rutube.ru/u/goblin/videos/> (дата обращения: 23.01.2023).

День ТВ. URL: <https://dzen.ru/id/5f1db0f593c4900b3ab99297> (дата обращения: 23.01.2023).

Евгений Спицын. URL: <https://dzen.ru/istorik115>; <https://rutube.ru/channel/2811621/videos/> (дата обращения: 23.01.2023).

Живой гвоздь. URL: <https://t.me/livevozhd>; URL: <https://tgram.me/livevozhd> (дата обращения: 10.01.2023).

Наталья Зубаревич. URL: <https://dzen.ru/id/631c8b70c8d2281ad11ae89b>; <https://t.me/+CtvxY7FZSgQ5NmQy> (дата обращения: 19.01.2023).

Навальный LIVE. URL: <https://ru.telegram-politics.com/catalog/channels/navalnylivechannel>; <https://t.me/navalnylivechannel> (дата обращения: 15.01.2023).

Осторожно: Собчак. URL: <https://ksenia-sobchak.com/category/ostorozhno-sobchak/> (дата обращения: 16.01.2023).

Призыв к Разуму / Appeal to Reason» (И. Поляков). URL: https://thewikihow.com/channel_UCLTIjiUaJkIC1OuG92mBXLA#videos (дата обращения: 25.01.2023).

Простые числа. URL: <https://rutube.ru/channel/23325655/videos/> (дата обращения: 29.01.2023).

Сталингулаг. URL: https://telegram.me/s/stalin_gulag; <https://dzen.ru/agorbunov> (дата обращения: 13.01.2023).

Суть Времени (С. Кургиян). URL: <https://rutube.ru/channel/23614828/videos/>; <https://dzen.ru/id/60db2c9709b5b829dfe5965b> (дата обращения: 22.01.2023).

Телеканал Сталинград. URL: <https://stalingrad.life/video/>; <https://t.me/s/TELEKANALSTALINGRAD> (дата обращения: 23.01.2023).

Об авторах

Валерия Евгеньевна Буденкова, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

E-mail: dissovet_iik@mail.ru

ORCID 0000-0003-3966-3330

Елена Николаевна Савельева, кандидат философских наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

E-mail: limi77@inbox.ru

Олеся Вячеславовна Князюк, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.

E-mail: leleko.olesya@yandex.ru

Для цитирования:

Буденкова В. Е., Савельева Е. Н., Князюк О. В. Поликодовый текст как средство политической идентификации: анализ российской блогосферы // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, № 2. С. 115–138. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-7.

MULTIMODAL TEXT AS A MEANS OF POLITICAL IDENTIFICATION: AN ANALYSIS OF THE RUSSIAN BLOGOSPHERE

V. E. Budenkova, E. N. Savelieva, O. V. Knasuk

National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia

Submitted on June 27, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-7

This article explores the phenomenon of online political activism, specifically political blogging, from the perspective of the author's concept of prosumer activity. It focuses on the multimodal texts of websites that convey political messages using a range of semiotic codes. The study aims to demonstrate how the political identity of the addresser is encoded and expressed in the information product. The analysis results in a typology of multimodal texts, classified into three types based on their political identity and intended purpose. The first type comprises blogs that have a clear ideological basis that marks the political identity of the producer, with a 'concentrated' multimodal text. The second type includes blogs that do not reflect the author's political identity, with an 'amorphous' multimodal text intended for political consumption and entertainment. The third type encompasses blogs that transmit 'disperse' multimodal text, which presents an ideological basis but is focused on political consumption rather than identity manifestation in communication and action. The proposed typology is confirmed through a comparative study of politically oriented blogs and those that address political topics occasionally. The study also identifies mechanisms that increase the communicative potential and persuasive power of the ideological and semantic content, using semiotic and discourse analysis.

Keywords: political identity, political discourse, new media, blogging, ideology, political presumption

References

Anisimova, E. E., 1992. Paralinguistics and text (on the problem of creolized and hybrid texts). *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 71–79 (in Russ.).

Barash, R. E. and Antonovskiy, A. Yu., 2019. Rebellious man, be visible, or perish! Visualisation of the semantics of protest communication in social networks. *ПРАЭХМА. Problemy vizual'noi semiotiki* [ПРАЭХМА], 4 (22), pp. 36–59, <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2019-4-36-59> (in Russ.).

Berger, P. and Lukman, T. 1995. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of Reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow (in Russ.).

Beroccal, S., Campos-Domingues, E. and Redondo, M., 2014. Media prosumers in political communication: Politainment on YouTube. *Comunicar. Media Education Research Journal*, 22 (43), pp. 65–72.

Bol'shakova, L. S., 2008. On «polycode texts». *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 4 (63), pp. 19–24 (in Russ.).

Bol'shiyanova, L.M., 1986. *Verbal'noe soprovozhdenie fotoizobrazheniya v sovremennoi britanskoi presse: sodержanie i struktura* [Verbal accompaniment of photographic images in the modern British press: content and structure]. PhD thesis. Leningrad (in Russ.).

Bondarenko, S.V., 2005. Political identity in cyberspace. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, pp. 76–92 (in Russ.).

Budenkova, V.E. and Savelieva, E.N., 2016. Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 1 (21), pp. 31–44, <https://doi.org/10.17223/22220836/21/4> (in Russ.).

Debor, G., 2019. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Performance]. Translated from French by C. Ofertas and M. Yakubovich. Moscow (in Russ.).

Gromova, N.S., 2020. Polycodic texts on the Internet network: specificity of living and features of expertise. In: *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnosti, institutov i territorii* [Strategies for the development of social communities, institutions and territories], Vol. 1, pp. 357–360 (in Russ.).

Kon'kov, A.E., 2019. Political discourse in the context of expanding digital space. In: *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], 14. Moscow, pp. 119–121 (in Russ.).

Plotichkina, N.V., 2013. Prosumption as a political practice in a “Producer-consumer environment”. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology], 3, pp. 66–79 (in Russ.).

Podosokorsky, N.N., 2018. “A face from the screen”. Where in lies the secret of the popularity of the talk show “Vdud”? *Nauka televideniya* [The Art and Science of Television], 14 (3), pp. 151–166, <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2018-14.3-151-166> (in Russ.).

Proskurin, E.G., 2010. Website how polisemioteskiy hypertext: problem formulation. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 3 (22), pp. 64–67 (in Russ.).

Pshizova, S.N., 2009. From “civil society” to “consumers’ community”: political consumerism in comparative perspective. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1, pp. 100–117 (in Russ.).

Savelieva, E.N. and Budenkova, V.E., 2020. Methodological Issues of Cultural Evaluation in the Context of Political Prosumption. *Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii Voprosy ekspertizy v oblasti kul'tury, iskusstva, dizaina* [Issues of expertise in the field of culture, art, design – Collection of scientific papers of the International Scientific and Practical Conference], 6–7 June, Yekaterinburg, pp. 132–137 (in Russ.).

Savelieva, E.N., Budenkova, V.E. and Knasuk, O.V., 2021. Online Political Activity as a Prosumer Agency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], 44, pp. 134–145, <https://doi.org/10.17223/22220836/44/11> (in Russ.).

Sokolova, O.V., 2020. Hybrid texts as a form of interaction between avant-garde artistic and political discourses. *Slovo. ru: baltic accent*, 11 (1), pp. 50–86, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-3> (in Russ.).

Van Santen, R., 2008. Review essay politics and entertainment: a happy marriage? *Javnost – The Public*, 15, pp. 89–100.

Volodenkov, S.V., 2019. Influence of Internet communication technologies on contemporary social and political processes: scenarios, challenges, and actors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, pp. 341–364, <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.16> (in Russ.).

Online resources

Zhivoi gvozd' [A living nail]. URL: <https://t.me/livegvozd>; Available at: <https://tgram.me/livegvozd> [Accessed: 10 January 2023].

Agitprop. Konstantin Semin [Agitprop. Konstantin Semin]. Available at: <https://rutube.ru/channel/23807418/videos/>; <https://agitblog.ru/> [Accessed: 25 January 2023].

Ai kak prosto [Ah how simple]. Available at: <https://rutube.ru/channel/21014334/videos/> [Accessed: 14 January 2023].

Al'ternativy (A.V. Buzgalin i drugie) [Alternatives (A.V. Buzgalin and others)]. Available at: <https://dzen.ru/id/622bb0948074d541d7e57268>; <https://vk.com/alternativy> [Accessed: 05 January 2023].

Andrei Fursov [Andrey Fursov]. Available at: <https://rutube.ru/channel/23473513/videos/>; <https://dzen.ru/govoritfursov> [Accessed: 13 February 2023].

BesogonTV [BesogonTV]. Available at: <https://besogontv.ru/> [Accessed: 10 January 2023].

Dmitry Puchkov [Accessed: <https://rutube.ru/u/goblin/videos/> (дата обращения: 23 January 2023)].

Den' TV [TV Day]. Available at: <https://dzen.ru/id/5f1db0f593c4900b3ab99297> [Accessed: 23 January 2023].

Evgenii Spitsyn [Evgeny Spitsyn]. Available at: <https://dzen.ru/istorik115>; <https://rutube.ru/channel/2811621/videos/> [Accessed: 23 January 2023].

Metametrica. Available at: <https://rutube.ru/channel/23486857/videos/>; <https://dzen.ru/metametrica> [Accessed: 15 January 2023].

Natal'ya Zubarevich [Natalia Zubarevich]. Available at: <https://dzen.ru/id/631c8b70c8d2281ad11ae89b>; <https://t.me/+CtvxY7FZSgQ5NmQy> [Accessed: 19 January 2023].

Naval'nyi LIVE [Navalny LIVE]. Available at: <https://ru.telegram-politics.com/catalog/channels/navalnylivechannel>; <https://t.me/navalnylivechannel> [Accessed: 15 January 2023].

Ostorozhno: Sobchak [Caution: Sobchak]. Available at: <https://ksenia-sobchak.com/category/ostorozhno-sobchak/> [Accessed: 16 January 2023].

Prizyv k Razumu / «Appeal to Reason» (I. Polyakov) [Appeal to Reason (I. Polyakov)]. Available at: [https://thewikihow.com/channel_UCLTIJiUa\)kIC1OuG92mBXLA#videos](https://thewikihow.com/channel_UCLTIJiUa)kIC1OuG92mBXLA#videos) [Accessed: 25 January 2023].

Prostye chisla [Prime numbers]. Available at: <https://rutube.ru/channel/23325655/videos/> [Accessed: 29 January 2023].

Stalingulag [Stalingulag]. Available at: https://telegram.me/s/stalin_gulag; <https://dzen.ru/agorbunov> [Accessed: 13 January 2023].

Sut' Vremeni (S. Kurginyan) [The Essence of Time (S. Kurginyan)]. Available at: <https://rutube.ru/channel/23614828/videos/>; <https://dzen.ru/id/60db2c9709b5b829dfe5965b> [Accessed: 22 January 2023].

Telekanal Stalingrad [Stalingrad TV Channel]. Available at: <https://stalingrad.life/video/>; <https://t.me/s/TELEKANALSTALINGRAD> [Accessed: 23 January 2023].

vDud' [VDUD]. Available at: <https://rutube.ru/channel/1741132/videos/>; <https://t.me/s/yurydud> [Accessed: 15 January 2023].

The authors

Dr. Valeriya E. Budenkova, Associate professor, National Research Tomsk State University.

E-mail: dissovet_iik@mail.ru

ORCID 0000-0003-3966-3330

Dr. Elena N. Savelieva, Associate professor, National Research Tomsk State University.

E-mail: limi77@inbox.ru

Olesia V. Knasuk, PhD student, National Research Tomsk State University, Russia.

E-mail: leleko.olesya@yandex.ru

To cite this article:

Budenkova, V.E., Savelieva, E.N., Knasuk, O.V., 2023, Multimodal text as a means of political identification: an analysis of the Russian blogosphere, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 115–138. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-7.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

СПОР О ГОЛЬБЕЙНЕ КАК СПОР О ВЕРЕ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ РОМАНА «ИДИОТ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

А. И. Васкиневич

Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 10.09.2022 г.
Принята к публикации 31.01.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-8

Статья посвящена полемике вокруг картины Ганса Гольбейна Младшего «Христос во гробе» и романа «Идиот» Ф. М. Достоевского, в котором она является центральным экфрасисом. Цель исследования состоит в анализе имеющихся тенденций истолкования картины Гольбейна и романа Достоевского в их соотношении с христианской догматикой, каноническими требованиями к изображению образа Христа, библейским контекстом, а также в установлении существующих и возможных интерпретационных моделей, их границ и перспектив. Рассматривается полемика о картине Гольбейна до Достоевского (Карамзин, Жуковский, Грунер, Шпацир, Лафатер, Чокке, Хегнер), затрагивающая вопросы догматики и художественного вкуса и получающая развитие в романе «Идиот» и спорах вокруг него, разворачивающихся в работах современных исследователей творчества Гольбейна и Достоевского. Особое внимание уделяется вопросу кенозиса, тления и истления, значения библейских аллюзий для понимания смысла картины в романе «Идиот». Сделан вывод о том, что картина Гольбейна актуализирует библейский контекст, неся провокативный смысл, который имел в глазах мира и сам распятый Христос: «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23).

Ключевые слова: Гольбейн, Достоевский, Христос, вера, кенозис, тление, истление, провокация

1. Введение

В 2021 году исполнилось 200 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского, около 500 лет¹ прошло со времени создания картины Ганса Гольбейна Младшего «Христос во гробе», оказавшей яркое впечатление на самого Достоевского и ставшей испытанием веры героев его романа «Идиот» (1868).

Картина Гольбейна не имеет названия, данного ей художником (Токарев, 2013, с. 81), и в ряде исследований получает разное наименование. Н. М. Перлина указывает, что до 1862 года картина по каталогам называлась “Christus im Grabe” (Перлина, 2017, с. 231), то есть «Христос во гробе». Такое название соотносится с иконографией Иисуса Христа, изображенного в гробу, при этом образ Христа на картине отличается

© Васкиневич А. И., 2023

¹ Есть расхождения в датировке этой картины, разные ее слои датируются 1521 и 1522 годами (Кристева, 2010, с. 117, 121).

от православных икон «Спас Царь славы», также иногда называемых «Христос во гробе», где Христос стоит в гробу по пояс или во весь рост (см., напр.: Антонова, Мнева, 1963, с. 380–381), но их типологически сближает надпись «Царь славы» / *Rex Jud.* В остальном картина Гольбейна композиционно ближе всего к плащанице, ее сходство с Туринской плащаницей отмечают исследователи (Бегичева, 2012, с. 47). Встречающиеся названия картины подчеркивают момент смерти Христа, его телесной мертвенности: «Христос в могиле» (вариант перевода нем. *Christus im Grabe*), «Мертвый Христос», «Мертвый Христос в гробу», «Труп Христа в гробу» (нем. *Der Leichnam Christi im Grabe*), «Смерть Иисуса Христа» и т.п. (Prater, 2018a, S. 23–24; Токарев, 2013, с. 81) Уже сами названия картины содержат элемент интерпретации, сигнализируя разрыв с традицией там, где он не предполагался.

Споры вокруг этой картины не ослабевают. Невозможно привести здесь все работы, отражающие сложившуюся полемику, ввиду значительного их количества даже за последние годы; основные интерпретационные подходы, касающиеся ее значения в романе «Идиот», изложены в примечаниях к девятому тому нового Полного собрания сочинений Достоевского (2013, IX, с. 571–580, 651–652, 672–673)², однако этот обзор не раскрывает всей сути дискуссии, связанной с христианской догматикой. В отсылках к роману Достоевского, как и в самом романе, картина Гольбейна остается индикатором веры. Ярким примером тому явилась вышедшая в 2013 году энциклика *Lumen fidei* («Свет веры»), представляющая собой совместный труд двух римских пап³. В §16 этой энциклики содержится полемическая отсылка к роману Достоевского:

Высшее доказательство нерушимой любви Христа обнаруживается в его смерти за человека... Ф.М. Достоевский в своем произведении «Идиот» заставляет главного героя, князя Мышкина, сказать при виде изображения мертвого Христа в гробнице, работы Ганса Гольбейна Младшего: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» Картина и впрямь весьма безжалостно изображает разрушительное действие смерти на тело Христа. И тем не менее именно в созерцании смерти Иисуса вера укрепляется и наполняется дивным сиянием, когда она проявляется как вера в его неколебимую любовь к нам, которая способна пойти на смерть, чтобы спасти нас. В эту любовь, которая не уклонилась от смерти, чтобы показать, насколько сильно я любим, можно верить; ее тотальность побеждает всякое подозрение и позволяет нам полностью довериться Христу (Энциклика, 2013).

На чем основана и что обнажает эта полемика?

² Здесь и далее полные собрания сочинений Ф.М. Достоевского (1972–1990 и 2013–2020) цитируются с указанием в скобках года выхода первого тома соответствующего издания, номера тома (обозначен римской цифрой) и номера страницы (арабские цифры).

³ Энциклика была почти полностью написана папой Бенедиктом XVI и закончена папой Франциском, избранным 13 марта 2013 года. Есть несколько переводов энциклики на русский язык. В статье приводится перевод, выполненный с латинского оригинала.

2. «Христос оболганный и поруганный» vs «Высшее доказательство нерушимой любви Христа»

Текст папской энциклики, на первый взгляд, высвечивает разницу православного / католического восприятия картины Гольбейна. Текст романа «Идиот» дает возможность такой интерпретации спора о Гольбейне. Князь Мышкин в своей речи, направленной против католицизма, восклицает: «Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного!» (2013, VIII, с. 498). С этой точки зрения образ Христа на картине Гольбейна предстает *искаженным*, и именно потому, что сам образ «оболган и поруган», он порождает неверие. Эта версия подкрепляется и впечатлением Ипполита от картины. Он задается вопросом: если бы такой свой образ увидел *сам Христос*, «то так ли бы сам он взошел на крест и так ли бы умер, как теперь?» (Там же, с. 377). Среди исследователей творчества Достоевского эту точку зрения представляет В. В. Лепахин, указывающий на слова русского писателя о том, что именно православие хранит божественный лик Христа во всей чистоте, а картина Гольбейна «внушает страх перед смертью и утверждает неумолимую обязательность законов природы для всех, даже для Богочеловека. Князь Мышкин прямо, а Ипполит косвенно воспринимают эту картину и истолковывают ее как *антихристианскую проповедь*, способную подавить, разрушить в человеке веру в воскресение и бессмертие» (Лепахин, 2000, с. 260–261; см. также с. 255). Схожей точки зрения придерживается и В. М. Лурье: «В отталкивании от картины Гольбейна Достоевский уже в “Идиоте” сближает безбожие с латинством, считавшимся им источником первого» (Лурье, 1996, с. 300).

Если эта логика верна, среди католических реципиентов картины следует ожидать, как в папской энциклике, его полного принятия. Однако К. Корбелла, анализируя интерпретации Достоевского католическими богословами, приводит разные мнения. Так, французский иезуит Анри де Любак считает изображение мертвого Христа у Гольбейна «мощным символическим выражением атеизма» (цит. по: Корбелла, 2022, с. 176). В приведенной выше папской энциклике взгляд на картину как *укрепляющую веру* основывается на том, что божественность Христа, его воскресение не ставится под сомнение в связи с этой картиной, в §17 энциклики подчеркивается: «Именно *смерть Христа в свете его Воскресения* раскрывает абсолютную подлинность Божией любви» (Энциклика, 2013).

Представители разных христианских конфессий, с большей или меньшей веротерпимостью, представляют целый спектр точек зрения на картину Гольбейна. Poleмика вокруг картины сложилась еще до того как она стала важным экфрасисом в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»⁴.

⁴ О других «символических картинах» в романе см. обзор соответствующих исследований в 9-м томе Полного собрания сочинений и писем Достоевского (2013, IX, с. 576–577).

В русской литературе до Достоевского самым известным и цитируемым описанием картины Гольбеина был текст Н. М. Карамзина (православного, масона, обладающего изрядной веротерпимостью) в «Письмах русского путешественника»: «В Христе, снятом со Креста, не видно ничего божественного; но как умерший человек изображен он весьма естественно» (Карамзин, 1984, с. 98). Эта запись датирована 1789 годом. Считается, что Карамзин задал модель восприятия картины для русского человека XIX века (Касаткина, 2015, с. 249; Новикова, 2008, с. 417). Обратим внимание на то, что у Карамзина нет явной оценки этой картины, притом что в целом о художнике он довольно высокого мнения. Он упоминает ее в ряду других картин «славного Гольбеина», которые он смотрел «с большим примечанием и удовольствием» (Карамзин, 1984, с. 98). Характерно, в какой последовательности он называет картины: сначала «Тайную вечерю» (1524/25), восклицая: «Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери!» (Там же), потом упоминает Иуду (изображенного Гольбеином на картинах «Тайная вечеря» и «Поцелуй Иуды», ок. 1523), а затем интересующую нас картину, которую он называет «Христос, снятый с Креста». Карамзин в своем описании выстраивает хронологию евангельских событий. Известна еще запись В. А. Жуковского в дневнике 1833 года: «Картины и рисунки Гольбеина. Неблагодородство Христа» (Жуковский, 2004, с. 286), где речь предположительно идет об интересующей нас картине.

Описания картины немецкими и швейцарскими авторами протестантского происхождения не столь однозначны, скорее полярны. Рассмотрим несколько примеров.

Источник, непосредственно посвященный творчеству художника, — книга о Гольбеине швейцарского писателя Ульриха Хегнера (1759–1840), видевшего, как и Карамзин, картины Гольбеина в публичной библиотеке Базеля (Hegnner, 1827, S. V). Хегнер подробно описывает интересующую нас картину Гольбеина, называя ее «Мертвым Христом». Он отмечает ее натурализм и рассуждает о том, *соответствует ли это изображение образу Христа-Спасителя*: «Он лежит на плате, очоленевший, цвета разложения, мертвый настолько, насколько это возможно. Так, вероятно, мог выглядеть распятый, но ни один художник не должен был бы изображать Спасителя столь ужасно обезображенным (курсив мой. — А. В.; нем. *entstellt* можно перевести и как «искаженным», «изуродованным»)» (Ibid., S. 165). Хегнер отмечает, что путешественники, видевшие картину, находят ее безвкусной и испытывают к ней отвращение (Ibid., S. 166). В частности, он приводит мнение швейцарского писателя и протестантского богослова Иоганна Каспара Лафатера (1741–1801), что «этот мертвый Христос безобразен, отвратителен», и Гольбеин «утратил всякий вкус, отверг всякую любовь, отрекся от любого человеческого чувства» (Ibid., S. 167). В физиогномическом очерке «Иуда кисти Гольбеина» (1774) оценка, данная Лафатером, более мягкая: «Картина Гольбеина “Мертвый Христос” — шедевр рисунка и верности природе, однако она лишена и тени возвышенности чувств» (Лафатер, 2008, с. 117).

Еще один источник, упоминаемый Хегнером, — путевые заметки немецкого философа и богослова Карла Шпацера (1761–1805) «Про-

гулки по Швейцарии» (1790). У самого Шпацера картина Гольбейна вызвала отвращение, однако он указывает, что «труп Христа, лежащий вытянуто над дверью на саване, многие очень хвалят, и автор превосходных путешествий по Гельвеции считает, что был восхищен, а если смотреть на нее христианским взглядом, то тебя охватит религиозное чувство» (Spazier, 1790, S. 39–40). «Но я должен признаться, — продолжает Шпацер (напомним, богослов), — что я был настолько нерелигиозен, что ощутил от этого отвратительного натурализма ужас» (Ibid., S. 40).

Упомянутый автор хвалебного отзыва, который мог быть Шпацеру не знаком, поскольку книга, на которую он ссылается, вышла анонимно, — немецкий естествоиспытатель Готлиб Зигмунд Грунер (1717–1778), сын протестантского пастора; имеются в виду его «Путешествия по любопытнейшим местностям Гельвеции» (1778). Он называет изображение Христа «бледным трупом Спасителя», но картину считает превосходнейшей, вызывающей восхищение, «а если смотреть на нее христианским взглядом, то и религиозное чувство (курсив мой. — А. В.)» (Gruner, 1778, S. 5) — слова, вызвавшие язвительную реакцию Шпацера. Жаль, что Грунер не раскрывает, что он понимает под «христианским взглядом».

Но вернемся к Хегнеру, первому упомянутому источнику. Интересным совпадением (вряд ли Достоевский был знаком с этим автором) является то, что Хегнер, как и Рогожин у Достоевского, подчеркивает высокую цену, которую давали за эту картину Гольбейна (2013, VIII, с. 201; Hegner, 1827, S. 166). Весьма любопытно и то, что, приведя критику картины, Хегнер, вроде бы и сам вначале высказавшийся против подобного изображения Христа, далее заявляет, что критика эта слишком субъективна, она передает первое впечатление, не проверяя его, и поэтому не является истинным суждением о картине. Он задается вопросом, не было ли такое изображение Христа *намеренным* или не был ли он выполнен именно так в соответствии с *заказом* изобразить Сына Человеческого «*в его глубочайшем унижении*» (курсив мой. — А. В.), только что снятого с креста, подвергнувшегося поруганию, избивению, бичеванию, «изнемогшего от ужасной пытки на кресте, от жажды и боли, и даже чувствовавшего себя оставленным Богом» и т. д. (Hegner, 1827, S. 167–168). То есть Хегнер говорит о кенотическом образе Христа на картине Гольбейна и приходит к выводу о ее назидательном смысле (Erbauung): отказываясь от «лучшего вкуса», художник подчеркивает любовь Христа к людям (Ibid., S. 168).

Таким образом, мы можем констатировать, что картина Гольбейна вызывала полемику у реципиентов разной конфессиональной принадлежности задолго до Достоевского, полемика эта касалась тоже вопросов веры и адекватности изображения Христа, его соответствия христианской догматике⁵. Это не означает, что герои Достоевского не могут толковать ее

⁵ Любопытен, но ненадежен еще один источник. Во втором томе путевых заметок немецко-швейцарского писателя Генриха Чокке (Johann Heinrich Daniel Zschokke, 1771–1848) «Мое паломничество в Париж», вышедших анонимно в 2 томах в 1796–1797 гг. в Цюрихе, также встречается описание некоей картины Гольбейна, которую он называет «Христос, снятый с креста». В пользу предпо-

так, как им отведено в соответствии с авторским замыслом, но тогда речь может идти лишь об их субъективном взгляде и вопросах их личной веры. Кстати, князь Мышкин, восклицающий, что от картины Гольбейна «у иного еще вера может пропасть» (2013, VIII, с. 201), является фигурой в вопросах веры неоднозначной, он — православный и критикует католицизм, но при этом он тезка Льва Николаевича Толстого, а своим безумием, лечением в Швейцарии, а затем приездом в Россию напоминает Якоба Михаэля Рейнхольда Ленца (1751—1792), которого знал и упоминал Н.М. Карамзин: «Глубокая меланхолия, следствие многих несчастий, свела его с ума — но в самом сумасшествии он удивлял нас иногда своими пиитическими идеями, а всего чаще трогал добродушием и терпением» (Карамзин, 1984, с. 9). Упоминался Ленц и в статье А. Вейса «Поэты в Германии», о которой Ф.М. Достоевский писал: «Мне до сих пор как-то страшно» (1972, т. XXVIII.1, с. 108, 426).

Напомним, что сам Достоевский высоко ценил картину Гольбейна. А.Г. Достоевская в «Дневнике 1867 года» пишет, что произведение Гольбейна «до того поразило» писателя, «что он провозгласил Гольбейна замечательным художником и поэтом» и «восхищался этой картиной» (Достоевская, 1993, с. 234).

3. Канонически-догматические споры. Антиикона. Две природы Христа. Кенозис. Тление и истление

Православные авторы, исходящие из того, что Христос на картине Гольбейна изображен искаженно, часто противопоставляют ей православные иконы. Наиболее радикально эту точку зрения представляет В. Лепяхин, считающий что «картина эта — антииконична» (Лепяхин,

ложения, что речь может идти именно об интересующей нас картине Гольбейна, говорит ее описание: «Ужасная мертвенная голова, в холодных, серо-голубых чертах которой еще обитает мучительная боль смерти. Полуоткрытый рот, фиолетового цвета губы, слегка вздыбленные, откиннутые назад во время положения трупа русые волосы нагоняют на зрителя легкий ужас. “Настоящая, естественная голова побледневшего распятого человека, но не голова Христа”, — сказал отец библиотекарь. — Все в целом застыло и безжизненно окоченело. Кожа на локтях, скукожившаяся, сползшая назад на полотно, натуралистична, как у мертвеца» (Zschokke, 1797, S. 154). Однако идет ли речь о картине «Христос во гробе», не вполне понятно. Ненадежность источника заключается в том, что Чокке описывает картину Гольбейна, которую он видел в монастырской библиотеке Санкт-Галлена, и можно предположить, что там хранилась копия картины «Христос во гробе». Хегнер указывает на то, что с нее было сделано множество копий, которые можно встретить в разных местах (Hegner, 1827, S. 166). Упоминаемый «отец библиотекарь» работал в монастыре Санкт-Галлен, ранее Чокке уточняет, что речь идет об Иоганне Непомукке Хаутингере (1756—1823), он выражает католическую точку зрения, и звучит она однозначно: «Это не голова Христа». Ненадежность источника определила то, что он приводится здесь в примечаниях, упоминание о нем включено, поскольку Чокке был неизвестен Ф.М. Достоевскому. У Достоевского была книга Чокке «Часы благоговения» (Stunden der Andacht) (Frank, 1976, p. 78; Jones, 2005, p. 2).

2000, с. 261). В духе противопоставления иконописи и западноевропейской живописи интерпретирует картину Гольбейна и Н. Н. Третьяков: «за такой смертью нет Воскресения и жизни. Вот страшный вывод, к которому искусство Запада пришло уже в начале XVI века» (Третьяков, 2001, с. 123). Очевидно, что иконопись и религиозная живопись не идентичны, вопрос заключается в том, почему авторы, акцентирующие подобное противопоставление, отказывают религиозной живописи в адекватном изображении образа Христа. О том, что на картине Гольбейна изображен именно Христос, свидетельствуют раны, полученные при распятии и надпись на раме “cum titulo Iesus Nazarenus rex [Judaeorum]” (Перлина, 2017, с. 199, 224).

Споры о картине Гольбейна в основном связаны с вопросом, видна ли на ней только человеческая природа Христа или также его божественная природа. А. Пратер считает, что картина Гольбейна «Христос во гробе» остро ставит вопрос о двух природах Христа, которые зритель должен распознать, пережив сострадание и катарсис: «...кому удастся преодолеть эстетическое и эмоциональное сопротивление и прочесть черты жизни в смерти, для того страдание претворится в радость, дающую надежду на Воскресение» (Prater, 2018b, S. 94). Схожую мысль высказывает В. Н. Сузи (Сузи, 2021, с. 45).

В романе Достоевского «Идиот» вопрос природы в большей степени поставлен как неизбежность действия природных сил, однако слова Ипполита «тут *одна природа* (курсив мой. — А. В.), и воистину таков и должен быть труп человека, кто бы он ни был, после таких мук» (2013, VIII, с. 376), могут означать не только *ничего кроме природы*, но и *одна, человеческая, природа Христа*, изображенная на картине. Ипполит пытается найти опору в христианской догматике, оправдывая *такое* изображение человеческой природы Христа: «Я знаю, что христианская церковь установила еще в первые века, что Христос страдал не образно, а действительно и что и тело его, стало быть, было подчинено на кресте закону природы вполне и совершенно» (Там же), но герою, видящему на картине изображение одной лишь человеческой природы, она не дает надежды на Воскресение и расшатывает его веру.

Парадокс заключается в том, что вопрос о том, как визуально отобразить две природы Христа, — это вопрос иконоборческий. Л. А. Успенский в книге «Богословие иконы Православной Церкви» подчеркивает, что в православной иконописи *не изображается природа Христа*: «Именно образ Бого-Человека, образ Ипостаси Христовой и не могли принять иконоборцы. Они спрашивали, как можно изображать две природы Спасителя. Но православные никогда не имели в виду изображать ни Божественную природу, ни человеческую природу Спасителя: они изображали... Его Личность, Личность Бого-Человека, нераздельно и неслиянно сочетавшего в Себе две эти природы» (Успенский, 1997, с. 174). П. Н. Евдокимов также указывает на подобное понимание иконы, ссылаясь на Феодора Студита: «икона представляет собой ни природу, ни две природы, но, будучи символом... созерцает самое таинство Воплощения» (Евдокимов, 2005, с. 210). Тем не менее Л. А. Успенский указывает на то, что Христос изображается на иконе «как Бого-Человек в славе

Его, даже в момент Его крайнего истощания (курсив мой. — А.В.)... Православная Церковь в своих иконах никогда не показывает Христа просто человеком, страдающим физически и психически, подобно тому как это делается в западной религиозной живописи» (Успенский, 1997, с. 174).

«Момент крайнего истощания» — это кенозис (кеносис), по поводу которого разворачивается масса дискуссий. Т.А. Касаткина указывает на то, что долгое время точка зрения на картину Гольбейна как на «антиикону» доминировала в российских исследованиях, в то время как европейские и американские ученые обращали внимание на «адекватное изображение кенозиса» в картине Гольбейна (Касаткина, 2015, с. 251). Мы видели, что такое понимание встречается уже в XIX веке, до Достоевского, в частности у Хегнера. Т.А. Касаткина упоминает в этой связи работу А.Д. Мартинсен (Мартинсен, 2001), схожее мнение высказывает и С.М. Капилупи (Капилупи, 2007, с. 217). Н.М. Перлина приводит мнения Герберта фон Айнема и Романа Гуардини, считающих, что о десакрализации образа Христа на картине Гольбейна у Достоевского не может быть и речи (Перлина, 2017, с. 226). Однако, с одной стороны, единодушия нет и у зарубежных исследователей. Ю. Кристева начинает 5-ю главу «Мертвый Христос Гольбейна» своей книги «Черное солнце. Депрессия и меланхолия» (1987) с цитаты из романа Достоевского: «У иного еще вера может пропасть» (Кристева, 2010, с. 117), становящейся исходной точкой ее рассуждений. Кристева трактует образ Христа на картине Гольбейна как «действительно умершего человека... оставленного отцом... без надежды на Воскресение» (Кристева, 2010, с. 120). С. Янг трактует картину Гольбейна как символ утраты веры (Янг, 2001, с. 33). С другой стороны, замечание Т.А. Касаткиной не вполне справедливо, поскольку среди российских исследователей вопрос кенозиса в творчестве Достоевского поднимал Б.Н. Тихомиров. По сути, он говорил об этом еще в работе «О христологии Достоевского» (1994), не употребляя сам термин: «Ужас Христа перед смертью, предельная... полнота его страдания оказывается в то же время и последним свидетельством о полноте проявления человеческого начала в Богочеловеке Иисусе» (Тихомиров, 1994, с. 120), а в диссертации 2006 года он возражал против применения к картине Гольбейна характеристики «антиикона», указывая на то, что подлинная красота для Достоевского — красота кенотическая, которая и проявляется в этом образе Христа (Тихомиров, 2006, с. 157–168). Полемизирует с мнением, что картина Гольбейна свидетельствует о безбожности автора, а Христос на ней лишен божественности, и искусствовед И.К. Языкова, также интерпретирующая смерть на картине Гольбейна как воплощение идеи кенозиса, предельную точку вочеловечивания Бога (Языкова, 2018). В свою очередь, Д.В. Токарев, рассматривающий экфрасис в романе Достоевского, опровергает мнение В.В. Лепяхина о картине Гольбейна как антииконе и соглашается с Б.Н. Тихомировым в том, что «в переживании крестной смерти как абсолютного конца кроется глубина кенотического замысла», но полемизирует с интерпретацией Т.А. Касаткиной, считая ее

взгляд «ангажированным», заставляющим ее «увидеть в картине то, чего никто больше не видит, — воскресающего Христа» (Токарев, 2013, с. 69, 100). Однако и другие исследователи *видят* на картине Христа воскресающего, например, в статье Е. Г. Новиковой встречается интерпретация, схожая с трактовкой Т. А. Касаткиной, и тоже после знакомства с оригиналом (Новикова, 2008, с. 415–416).

Д. В. Токарев считает, что описание Ипполитом картины Гольбейна является примером «неполного совпадения описания с изображением» (Токарев, 2013, с. 66), видя искажение в том, что тот «говорит о теплом, живом лице Спасителя, только что снятого с креста», в то время как «художник изобразил Христа после распятия и погребения, уже окоченевшим и заострившим» (Там же, с. 67). Тем не менее исследователь творчества Гольбейна К. Мюллер описывает картину почти так же, как видит ее Ипполит, считая, что художник изображает только что умершего человека, положенного с еще открытыми глазами в нишу гробницы, что эмоционально затрагивает зрителя и вызывает у него сострадание; более того, падающий сверху свет связан с идеей Воскресения (Müller, 2001, S. 285).

Как видим, восприятие картины не только героями Достоевского (о чем говорит ряд исследователей, см., напр.: Янг, 2001; Сузи, 2021, с. 44), но и исследователями творчества Достоевского и Гольбейна оказывается весьма различным, при этом на первый план в современных дискуссиях выходит обсуждение того, насколько *адекватно* картина отражает идею кенозиса.

Кенозис делает возможным само изображение Христа на иконе (Успенский, 1997, с. 173), апеллирование к факту Боговоплощения было универсальным аргументом иконопочитателей (Михальцов, 2020, с. 85). Но всегда ли сам факт изображения Христа воспринимался иконопочитателями как достаточный для выражения идеи кенозиса? А. Е. Кунильский отмечает, что «в первые века христианства было распространено мнение о внешней некрасивости Иисуса» (Кунильский, 1998, с. 397). В. Кутковой указывает на интересный факт: на некоторых византийских иконах Богородицы начиная с XII века Младенец Христос изображался грубовато, «коряво». Он считает подобные изображения «некрасивого» Младенца Христа, воплощающегося в земном мире в человеческом облике, кенотическим приемом. Этот прием является «разрешением изобразительными средствами богословской задачи». Но для полного решения богословской задачи используется не только «кенотический» прием (истощение Бога), но и уравновешивающий его прием «светового аккорда» (прославление Богомладенца) (Кутковой, 2004). Таким образом как раз и достигается одновременная передача двуприродности Христа. Кутковой видит в подобных изображениях отличие от римско-католической традиции. Однако у Гольбейна многие замечают схожий прием.

Характерно, что исследователи творчества Гольбейна и Достоевского, позитивно оценивающие картину, видят в ней признаки приема «светового аккорда», уравновешивающего «кенотический прием» и передающего идею Воскресения. Так, К. Мюллер указывает на то, что па-

дающий сверху свет связан с идеей Воскресения (Müller, 2001, S. 285). Свет на картине как «свет Христов» интерпретирует и А. Пратер (Prater, 2018a, S. 30). А Т. А. Касаткина говорит о зеленоватом свечении, «свечении прорастающего зерна», побеждающего и преобразующего мрак (Касаткина, 2015, с. 255–256). Д. В. Токарев характеризует такую интерпретацию как стремление исследовательницы «увидеть в картине икону» (Токарев, 2013, с. 83–84).

В романе «Идиот» Ипполит, описывая картину Гольбейна, распознает в отказе от изображения «красивого» Христа какой-то особый прием живописца, но до конца не понимает его сути (2013, VIII, с. 376). Образ «некрасивого» Христа в момент его смерти представляется таким же «кенотическим приемом», как и изображение «некрасивого» Младенца Христа, явившегося в мир, как и представление о «некрасивом Христе» в раннем христианстве. Можно, конечно, вспомнить слова В. Н. Лосского: «...только глаза верующего узнают образ Божий под образом раба и, распознавая в лице человеческом присутствие Лица Божественного, научаются во всяком лице открывать тайну личности, созданной по образу Божию» (Лосский, 1991, с. 271). Исходя из такой позиции, можно считать негативное восприятие картины, ее непонимание признаком кризиса веры, отсутствия любви к Богу и ближнему. Но Ипполит ставит вопрос о том, *как вообще возможна вера*: «Но странно, когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один особенный и любопытный вопрос: если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели все ученики его, его главные будущие апостолы, видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста, все веровавшие в него и обожавшие его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что этот мученик воскреснет?» (2013, VIII, с. 376). Слова «а он непременно должен был быть точно такой», данные в скобках, подчеркивают, что Ипполит вовсе не сомневается, адекватно ли художник изобразил тело умершего Христа, нет, удивление Ипполита связано с тем, *каким образом могли поверить* ученики Христа в его Воскресение, видя его смерть.

Помимо вопроса о кенозисе дискутируется и вопрос о тлении, коснувшемся тела Христа, изображенного на картине Гольбейна. В наибольшей степени картина тления представлена не в романе «Идиот», а в описании, данном А. Г. Достоевской в «Дневнике 1867 года»: «Обыкновенно Иисуса Христа рисуют после его смерти с лицом, искривленным страданиями, но с телом, вовсе не измученным и истерзанным, как в действительности было. Здесь же представлен он с телом похудевшим, кости и ребра видны, руки и ноги с пронзенными ранами, распухшие и сильно посинелые, как у мертвеца, *который уже начал предаваться гниению* (курсив мой. — А. В.)» (Достоевская, 1993, с. 234). Примерно так же она описывает картину и в воспоминаниях за 1867 год: «Эта картина... изображает Иисуса Христа, вынесшего нечеловеческие истязания, уже снятого со креста и *предавшегося тлению*. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен» (Достоевская, 1987, с. 186).

Св. Иоанн Дамаскин, святой тогда еще не разделенной церкви, почитаемый как православной, так и римско-католической церковью, в «Точном изложении православной веры» ввел различие тления (греч. φθора) и истления, разложения, гибели (διαφθора). Тление — все, что ведет человека к смерти (голод, жажда, страдания), и сама смерть. В этом смысле тело Христа было подвержено тлению и стало нетленным лишь после Воскресения. Но истлению, разложению его тело после смерти подвержено не было (Иоанн Дамаскин, 2003, с. 124).

В.М. Лурье пишет: «...сам того не зная (в то время было трудно об этом где-либо прочесть, кроме богослужебных текстов, но для знакомства с последними Достоевскому потребовалось бы проявить степень знакомства с богослужением, незаурядную для тогдашних мирян), Достоевский выразил важнейшую истину православия — причем послужившую одним из оснований для анафематствования римской ереси в 1054 г. — о фактическом неистлении тела Христова во гробе. Это тело, хотя и тленное по природе, не было оставляемо Божеством ни в каком состоянии и потому не только не истлело, но силою Св. Духа было живым и животворящим» (Лурье, 1996, с. 299—300).

Это высказывание В.М. Лурье требует уточнений. Достоевский вполне мог знать о догматических представлениях о том, что тело Христа во гробе не предавалось истлению. Иоанн Дамаскин был известен писателю, он упоминает его в набросках к роману «Братья Карамазовы» (1972, XV, с. 203, 204, 230). В книге «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа» архиепископа Иннокентия (И. А. Борисова, 1800—1857), которая (в приводимом или другом издании) была в библиотеке Ф.М. Достоевского (Библиотека, 2005, с. 122), также излагаются подобные догматические представления, со ссылками на «Деяния святых апостолов» (Деян. 2:27; Деян. 2:31): «...вскоре после распятия Господа Промысл начал являть, что Он не даст Преподобному Своему увидеть истление... Что было бы с человечеством, — если бы печать сия не растаяла от огня правды Божьей, если бы плоть Праведника увидела истление?» (Иннокентий, 1860, с. 419, 472). Более того, проблема тления / истления поднимается и в других романах Ф.М. Достоевского, где она тоже связана с вопросом веры. В «Преступлении и наказании» это мотив воскресения Лазаря, пробовавшего четыре дня во гробе и уже смердевшего, в «Братьях Карамазовых» это «провонявший» старец, становящийся предметом смущения веры Алеши. История Лазаря опровергает представление о том, что истлевшее тело не может воскреснуть, в смущении Алеши по поводу старца Зосимы отец Паисий видит маловерие (1972, XIV, с. 305). Что касается «римской ереси», то В.М. Лурье говорит о специфическом аспекте — служении на опресноках (Лурье, 1996, с. 300); в катехизисе католической церкви на вопрос «В каком состоянии пребывало Тело Христово, покоясь во гробе?» дается ответ: «Христос воистину умер и был погребен. Однако божественная добродетель сохранила Его тело от тления (курсив мой. — А.В.)» (Катехизис, 2007, с. 51). Так что сходства православного и католического взгляда на вопрос (ис)тления тела Христа, восходящие к формулировкам святых неразделенной церкви, представляются более значимыми, чем отли-

чия. С точки зрения как православного, так и католического вероучения изображение не просто мертвого, а *разлагающегося* тела Христа на картине Гольбейна (если воспринимать этот образ именно так, как, например, А.Г. Достоевская и некоторые другие реципиенты, и учитывать легенду, что Гольбейн писал тело Христа с утопленника) можно считать догматически некорректным.

Однако интересно, что в романе картина описывается иначе. Исполнит рисует образ Христа у Гольбейна как картину страдания и смерти, но *не как картину разложения, истления*: «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста... это лицо человека, *только что* снятого со креста, то есть сохранившее в себе очень много живого, теплого; ничего еще не успело закаменеть, так что на лице умершего даже проглядывает страдание, как будто бы еще и теперь им ощущаемое» (2013, VIII, с. 376). Таким образом, в самом романе «Идиот» этот догматический вопрос снимается.

4. «Христос во гробе»: иконографические и библейские контексты

Ряд исследователей рассматривают картину Гольбейна «Христос во гробе» в романе «Идиот» как экфрасис (Токарев, 2013), устанавливающий межтекстуальные и интерпретационные связи на основе соотношения с архетипической моделью (Перлина, 2017, с. 58, 60). Однако картина Гольбейна не является «архетипической моделью», а сама восходит к ней, их диалог порождает дальнейшую полемику как в романе, так и за его пределами.

Т.А. Касаткина исследует, как смысл картины меняется от ракурса ее восприятия (Касаткина, 2015, с. 253–258), Д.В. Токарев — от местонахождения картины в музее, мрачном доме Рогожина или в храме (Токарев, 2013, с. 83), однако в романе картина висит в доме Рогожина *над дверью*, отсылая к главе 10-й Евангелия от Иоанна, где передаются слова Христа: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется» (Ин. 10:9). На эту евангельскую отсылку указывает и А.А. Фаустов (Фаустов, 2021, с. 20), приходящий к выводу о «провокативной природе картины» (Там же, с. 19).

Картина Гольбейна означает пространство таким образом, что актуализируется библейский контекст, с которым сама картина устанавливает межтекстуальные и интерпретационные связи. То впечатление, которое картина производит на зрителей, тоже предопределено библейским контекстом. В Книге пророка Исаи сказано: «Как многие изумлялись, *смотря* на Тебя, — столько был обезображен паче всякого человека лик Его, и вид Его — паче сынов человеческих!» (Ис. 52:14), там же предвосхищено и совершенно неоднозначное восприятие *самого Христа*: «И будет Он освящением и камнем преткновенения, и скалою соблазна для обоих домов Израиля, петлею и сетью для жителей Иерусалима» (Ис. 8:14). Если учитывать библейский контекст, картина Гольбейна в романе Достоевского «Идиот» предстанет совсем в ином свете. Она (как копия) отражает некоторые свойства оригинала (Христа), она

становится таким же «преткновением», «соблазном», «скандалом» (οκάνδαλον) для зрителей, как Христос для окружавших его людей. Этот смысл неоднократно выражен и в Новом Завете. Распятый Христос — «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23), и сам Иисус говорит: «все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: поражу пастыря, и рассеются овцы стада» (Мф. 26:31). Безумие настигает в финале романа и князя Мышкина (вновь), и Рогожина. Вопрос, мучивший Ишполита (каким образом могли поверить ученики Христа в то, что он воскреснет), представляется совершенно оправданным, ведь они «еще не знали из Писания, что Ему надлежало воскреснуть из мертвых» (Ин. 20:9) и уверовали лишь тогда, когда, придя ко гробу, увидели только лежащие там пелены, но не тело Иисуса.

А. Пратер утверждает, что история искусств вообще не знает иконографически корректного изображения положения Христа во гроб (Prater, 2018a, S. 22). Под этим он подразумевает несоответствие изображаемого образа евангельской истории, где сообщается, что Иосиф Аримафейский положил тело в гроб, высеченный в скале, обвив его плащаницей (полотном) (Мф. 27:57–56; Мк. 15:42–46; Лк. 23:50–53, Ин. 19:40). Пратер, очевидно, имеет в виду живописные изображения, а не иконы; в иконописи изображение гроба с телом Христа в белых пеленах — один из иконографических вариантов типа «Положение во гроб» (Антонова, Мнева, 1963, с. 151–152, 155, ил. 73, 76). В православной иконописи это не единственный вариант изображения Христа во гробе, но нас интересует именно он, поскольку он представлен в романе Достоевского «Идиот».

Т. А. Касаткина указывает на то, что в финале романа дважды моделируется композиция иконы «Положение во гроб». Это семифигурная композиция, сцена, где вокруг князя собирается пять оплакивающих его человек, дополняемая двумя незримо присутствующими корреспондентами, Колей и Верой. Т. А. Касаткина называет эту композицию «романной иконой» (Касаткина, 1996, с. 270–271). И двухфигурная композиция, сцена у постели, где лежит Настасья Филипповна, убитая Рогожиным (что вряд ли позволяет отождествлять Рогожина и князя Мышкина с Иосифом Аримафейским и Никодимом). Рогожин накрывает тело клеенкой, а сверху простыней, и ставит рядом четыре склянки ждановской жидкости (2013, VIII, с. 557), подражая ритуалу погребения (клеенка, простыня и ждановская жидкость замещают пелены с благовониями, ср. Ин. 19:39–40). Описание тела отсылает к иконографии «Положения во гроб»: «Спавший был закрыт с головой белою простыней, но члены как-то неясно обозначались; видно только было, по вышению, что лежит протянувшись человек» (2013, VIII, с. 556). Т. А. Касаткина называет возникающую ассоциацию «слишком неортодоксальной, чтобы изложить ее без робости, слишком навязчивой, чтобы ее миновать» (Касаткина, 1996, с. 271). Еще М. С. Альтман указывал на значение имени и фамилии героини. Фамилия Барашкова отсылает к образу закланного, жертвенного агнца, имя Анастасия образовано от др.-греч. ἀνάστασις — «воскресение, возрождение», правда, с точки зрения М. С. Альтмана, в романе Достоевского воскресения героини не случи-

лось (Альтман, 1975, с. 67–70); напротив, Т. А. Касаткина считает, что героиня, Настасья Филипповна Барашкова, в том числе благодаря значению своего имени представляет здесь воскресшего Агнца (Касаткина, 1996, с. 272). На воскресение намекает, помимо имени героини, дальнейший диалог между Рогожиным и Мышкиным. Представляется также, что и отчество героини представляет собой важный смысловой компонент образа. Можно предположить, что оно отсылает к фигуре апостола Филиппа. С одной стороны, Филиппов пост – простонародное название Рождественского поста; таким образом, если имя Анастасия связано с Воскресением, то отчество Филипповна – с Рождеством. Анастасия Филипповна Барашкова, таким образом, объединяет «рождественский и пасхальный архетипы» (Есаулов, 2009, с. 166), которые так любят противопоставлять (как доминанты европейской и русской культуры) исследователи, хотя это противопоставление говорит о разрушении единства образа Христа. С другой стороны, отсылка к апостолу Филиппу может быть связана с тем, что он появляется в 12-й главе Евангелия от Иоанна, Христос объявляет что «пришел час прославиться Сыну Человеческому» (Ин. 12:20–23), непосредственно перед этим к Филиппу приходят эллины, желающие видеть Христа.

Исследовательница видит в образе Настасьи Филипповны в финале произведения ответ на «женский вопрос» романа: Христос – прообраз и мужчины, и женщины (Касаткина, 1996, с. 272–273). Это подтверждается тем, что в ее описании сняты гендерные характеристики: «Снавший был закрыт с головой белою простыней... видно только было... что лежит протянувшись человек (курсив мой. – А. В.)» (2013, VIII, с. 556). Помимо этого, на выбор женского образа мог повлиять и личный опыт Ф. М. Достоевского – переживание, связанное со смертью первой жены, М. Д. Достоевской (1864), и последовавшая за этим религиозная рефлексия. «Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?» (1972, XX, с. 172), – гласит дневниковая запись от 16 апреля 1864 года. На это указывает и В. Бегичева (Бегичева, 2012, с. 46).

Однако хочется предложить еще один вариант трактовки описанной выше сцены из романа. Представляется, что образ Настасьи Филипповны соотносим с библейским образом «дщери Сиона» как олицетворением «избранного народа». Это невеста Господа (Иер. 2:2), ставшая блудницей и распутницей (Иер. 3), «красивая и изнеженная» (Иер. 6:2), душа которой «изнывает пред убийцами» (Иер. 4:31) и которой предвещается спасение (Зах. 9:9; Ис. 62:11; Мф. 21:5; Ин. 12:15). Обратимся еще раз к описанию убитой Настасьи Филипповны: «Кругом в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати на креслах, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое белое шелковое платье, цветы, ленты. На маленьком столике, у изголовья, блистали снятые и разбросанные бриллианты. В ногах сбиты были в комок какие-то кружева...» (2013, VIII, с. 556). Это описание напоминает суд Бога над «дщерью Сиона»:

И сказал Господь: за то, что дочери Сиона надменны и ходят, подняв шею и обольщая взорами, и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах... в тот день отнимет Господь красивые цепочки на ногах и звездочки, и луночки, серьги, и ожерелья, и опახала, увясла и запястья, и

пояса, и сосудцы с духами, и привески волшебные, перстни и кольца в носу, верхнюю одежду и нижнюю, и платки, и кошельки, светлые тонкие епанчи и повязки, и покрывала. И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос — плешь, и вместо широкой епанчи — узкое вретиче, вместо красоты — клеймо» (Ис. 3:16–23).

Но далее у Исайи «дщери Сиона» дается обетование спасения: «Тогда оставшиеся на Сионе и уцелевшие в Иерусалиме будут именоваться святыми, все, вписанные в книгу для житья в Иерусалиме, когда Господь омоет скверну дочерей Сиона и очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня» (Ис. 4:3–4). Обетование спасения провозглашается «дщери Сиона» в Библии неоднократно (см. выше), в том числе в 12-й глава Евангелия от Иоанна, наиболее интересной в соотнесении с романом. В романе выстраивается целая сеть отсылок к этой главе Евангелия. Лазарь упоминается при описании Ипполитом картины Гольбейна (2013, VIII, с. 376). Мышкин при въезде в Швейцарию, в Базеле (где он увидел оригинал картины Гольбейна), слышит крик осла на городском рынке и «пробуждается от мрака» (Там же, с. 54)⁶ и т. д.

Образ «дщери Сиона» вскрывает проблему веры не только отдельных персонажей, но и всего народа. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Но евангельская формула «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1:23) оказывается применима и к современному Достоевскому русскому и европейскому обществу. Картина Гольбейна становится знаком, актуализирующим этот смысл. В пользу этой версии говорят слова Ф. М. Достоевского из записной книжки 1860–1862 годов, где уже не только распятый, но и воскресший Христос предстает перед человеком как соблазн, испытание его веры: «Чудо воскр^есения нам сделано нарочно для того, чтоб оно впоследствии соблазняло, но верить должно, так как этот соблазн (перестанешь верить) и будет мерою веры» (1972, XX, с. 152).

Список литературы

- Альтман М. С. Достоевский: По вехам имен. Саратов, 1975.
 Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации : в 2 т. М., 1963. Т. 1 : XI — начало XVI века.
 Бегичева В. Достоевский и Гольбейн: вера против неверия // Наука и религия. 2012. №8. С. 42–47.
 Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005.
 Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1987.
 Достоевская А. Г. Дневник 1867 года. М., 1993.

⁶ Можно задуматься о том, нет ли здесь отсылки к «движению пробуждения» (Erweckungsbewegung), сформировавшемуся в основном в протестантских, но отчасти и в католических кругах, где пробуждение (Erweckung) — центральный, наиболее значимый субъективный опыт вхождения Бога в жизнь человека, воплощающий призыв из Послания к Ефессянам: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5:14).

- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Л., 1972—1990.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем : в 35 т. СПб., 2013—2020 (продолжающееся издание).
- Евдокимов П. Н.* Искусство иконы. Богословие красоты. Клин, 2005.
- Есаулов И. А.* Пасхальный архетип русской литературы как фактор жанро-порождения // Дергачевские чтения — 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 164—173.
- Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. М., 2004. Т. 13.
- Иннокентий (Борисов И. А.), архиеп.* Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа : в 5 ч. 2-е изд. Одесса, 1860.
- Иоанн Дамаскин*, преподобный. Точное изложение православной веры. М., 2003.
- Капилуни С. М.* Вопрос о грехопадении и всеобщем спасении в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения. М., 2007. С. 187—225.
- Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984.
- Касаткина Т. А.* Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М., 1996.
- Касаткина Т. А.* Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М., 2015.
- Катехизис* католической церкви. Компендиум. [М.], 2007.
- Корбелла К.* «Идиот» Ф. М. Достоевского в прочтении католических богословов // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, №2. С. 175—184.
- Кристева Ю.* Черное солнце. Депрессия и меланхолия. М., 2010.
- Кунильский А. Е.* О христианском контексте в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 391—408.
- Кутковой В.* О некоторых концептуальных приемах личного письма в древней иконописи. 2004. URL: <https://pravoslavie.ru/154.html> (дата обращения: 01.09.2022).
- Лафатер И. К.* Сто правил физиогномики. М., 2008.
- Лепяхин В.* Икона в творчестве Достоевского («Братья Карамазовы», «Кроткая», «Бесы», «Подросток», «Идиот») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2000. №15. С. 237—263.
- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991.
- Лурье В. М.* Догматика «религии любви»: Догматические представления позднего Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1996. Сб. 2. С. 290—309.
- Мартинсен Д. А.* Повествования о самообособлении: литературные самоубийства в творчестве Достоевского // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 427—434.
- Михальцов Н. Н.* Христологическая аргументация прп. Иоанна Дамаскина в контексте философии иконопочитания // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, №1. С. 81—87.
- Новикова Е. Г.* «На картине этой изображен Христос, только что снятый со креста»: Н. М. Карамзин, Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна Мл. «Христос во гробе» // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2008. Вып. 8. С. 414—428.
- Перлина Н. М.* Тексты-картины и экфразисы в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». СПб., 2017.
- Сузи В. Н.* Драма героя — драма автора. Размышления по случаю 200-летию Ф. М. Достоевского // Язык и текст. 2021. Т. 8, №4. С. 40—53.

Тихомиров Б. Н. О «христологии» Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Вып. 11. С. 102–121.

Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского. Проблемы интерпретации, комментирования, текстологии: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2006.

Токарев Д. Дескриптивный и нарративный аспекты экфрасиса («Мертвый Христос» Гольбейна – Достоевского и «Сикстинская мадонна» Рафаэля – Жуковского) // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте. М., 2013. С. 62–109.

Третьяков Н. Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001.

Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. Переславль, 1997.

Фаустов А. А. Отсроченное будущее: две картины в пересказе Ф. М. Достоевского // Вестник ВГУ. Сер.: Филология, журналистика. 2021. №3. С. 18–23.

Энциклика «Свет веры» – Lumen Fidei. 2013. URL: <https://papst.pro/ru/1349/> (дата обращения: 20.09.2021).

Языкова И. К. Самая странная картина Ганса Гольбейна // Решение. 2018. №65. URL: <https://reshenie.vcc.ru/magazine/issues/a652018/view/article/1478273> (дата обращения 21.09.2021).

Янг С. Картина Гольбейна «Христос в могиле» в структуре романа «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 28–41.

Frank J. Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821 – 1849. Princeton, 1976.

[Gruner G. S.] Reisen durch die merkwürdigsten Gegenden Helvetiens : in 2 Bdn. L., 1778. Bd. 1.

Hegner U. Hans Holbein der jüngere. Berlin, 1827.

Jones M. Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience. L., 2005.

Müller Ch. Holbeins Gemälde “Der Leichnam Christi im Grabe” und die Grabkapelle der Familie Amerbach in der Basler Kartause // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. 2001. Bd. 58, H. 4. S. 279–289.

Prater A. Zwischen Grabesruhe und Auferstehung. Holbeins “Christus im Grab” neu gesehen // Kunstchronik: Monatsschrift für Kunstwissenschaft, Museumswesen und Denkmalpflege. 2018a. Bd. 71, №1. S. 22–35.

Prater A. Ein Andachtsbild für Erasmus? Holbeins “Christus im Grab” neu gesehen // Kunstchronik: Monatsschrift für Kunstwissenschaft, Museumswesen und Denkmalpflege. 2018b. Bd. 71, №2. S. 94–105.

Spazier K. W-nderungen durch die Schweiz. Gotha, 1790.

[Zschokke H.] Meine Wallfahrt nach Paris : in 2 Bdn. Zürich, 1796–1797. Bd. 2 : 1797.

Об авторе

Анжелика Игоревна Васкиневич, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

ORCID 0000-0002-2549-4882

Для цитирования:

Васкиневич А. И. Спор о Гольбейне как спор о вере: полемика вокруг романа «Идиот» Ф. М. Достоевского // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №2. С. 139–159. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-8.

DISPUTE ABOUT HOLBEIN AS A DISPUTE ABOUT FAITH:
DISCUSSION AROUND FEDOR DOSTOEVSKY'S NOVEL 'THE IDIOT'

A. I. Vaskinevich

Immanuel Kant Baltic Federal University
14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on September 07, 2022

Accepted on January 31, 2023

doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-8

The article is devoted to the controversy around the painting by Hans Holbein the Younger "Christ in the tomb" and the novel "The Idiot" by Fedor Dostoevsky, where this picture is the central ekphrasis. The aim of the study was to analyze the current trends in the interpretation of Holbein's painting and Dostoevsky's novel, in their relationship with Christian dogmatics, canonical requirements for depicting the image of Christ, the biblical context, and to establish existing and possible interpretive models, their boundaries and perspectives. The article discusses the controversy about the painting by Holbein before Dostoevsky (Karamzin, Zhukovsky, Gruner, Spazier, Lavater, Zschokke, Hegner) and its development in the novel "The Idiot" and in the disputes around it, presented by modern researchers of Holbein's and Dostoevsky's works. Particular attention is paid to the issue of kenosis, corruption and destruction, the significance of biblical allusions for understanding the meaning of the picture in the novel "The Idiot". The central argument of the article is that Holbein's painting actualizes the biblical context, carrying a provocative meaning that the crucified Christ himself had in the eyes of the world: "for the Jews a stumbling block and for the Greeks foolishness" (1 Cor. 1: 23).

Keywords: Holbein, Dostoevsky, Christ, faith, kenosis, corruption, destruction, provocation

References

Altman, M.S., 1975. *Dostoevsky: Po vekham imen* [Dostoevsky: According to milestones of names]. Saratov (in Russ.).

Antonova, V.I. and Mneva, N.E., 1963. *Katalog drevnerusskoi zhivopisi XI – nachala XVIII vv. Opyt istoriko-khudozhestvennoi klassifikatsii* [Catalog of ancient Russian painting of the 11th – early 18th centuries. Experience of historical and artistic classification]. In 2 vol. Vol. 1. XI – the beginning of the XVI century. Moscow (in Russ.).

Begicheva, V., 2012. Dostoevsky and Holbein: faith versus disbelief. *Nauka i religiya* [Science and religion], 8, pp. 42–47 (in Russ.).

Budanova, N.F., ed., 2005. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F.M. Dostoevsky's Library: Experience of reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg (in Russ.).

Capilupi, S.M., 2007. *The question of the fall into sin and universal salvation in the novel "The Brothers Karamazov"*. In: Roman F.M. Dostoevskogo «Brat'ya Karamazovy»: *sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Roman F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov": the current state of the study]. Moscow, pp. 187–225 (in Russ.).

Corbella, C., 2022. Dostoevsky's The Idiot in the interpretation of catholic theologians. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 28 (2), pp. 175–184, <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-175-184> (in Russ.).

Dostoevskaya, A.G., 1987. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow (in Russ.).

- Dostoevskaya, A. G., 1993. *Dnevnik 1867 goda* [Diary in 1867]. Moscow (in Russ.).
- Dostoevsky, F. M., 1972–1990. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [Complete Set of Works: In 30 vol.] Leningrad (in Russ.).
- Dostoevsky, F. M., 2013–2020 (ongoing edition). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem v 35-ti tomakh* [Complete Set of Works and Letters: In 35 vol.] St. Petersburg (in Russ.).
- Entsiklika «Svet very» – Lumen Fidei* [Encyclical Letter Lumen fidei], 2013. Available at: <https://papst.pro/ru/1349> [Accessed 20 September 2021] (in Russ.).
- Esaulov, I. A., 2009. The Easter Archetype of Russian Literature as a Genre Generation Factor. In: *Dergachevskie chteniya – 2008. Russkaya literatura: natsional'noe razvitiye i regional'nye osobennosti. Problema zhanrovyykh nominatsii* [Dergachev Readings – 2008. Russian Literature: National Development and Regional Peculiarities. The problem of genre nominations]. Yekaterinburg, Vol. 1, pp. 164–173 (in Russ.).
- Evdokimov, P. N., 2005. *Iskusstvo ikony. Bogoslovie krasoty* [Icon art. Theology of Beauty]. Klin (in Russ.).
- Faustov, A. A., 2021. Delayed Future: two pictures retold by Fyodor Dostoyevsky. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Vestnik VSU. Series: Philology. Journalism], 3, pp. 18–23 (in Russ.).
- Frank, J., 1976. *Dostoevsky: The Seeds of Revolt, 1821–1849*. Princeton University Press.
- [Gruner, G. S.], 1778. *Reisen durch die merkwürdigsten Gegenden Helvetiens*. In 2 Bdn. London. Bd.1.
- Hegner, U., 1827. *Hans Holbein der jüngere*. Berlin.
- Innokenty (Borisov, I. A.), Abp., 1860. *Poslednie dni zemnoi zhizni Gospoda nashego Iisusa Christa* [The Last Days of the Earthly Life of Our Lord Jesus Christ]. Odessa (in Russ.).
- John of Damascus, 2003. *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoi very* [An Exact Exposition of the Orthodox Faith]. Moscow (in Russ.).
- Jones, M., 2005. *Dostoevsky and the Dynamics of Religious Experience*. London.
- Karamzin, N. M., 1984. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveller]. Leningrad (in Russ.).
- Kasatkina, T. A., 1996. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsenostnykh orientatsii* [Characterology of Dostoevsky. Typology of emotional value orientations]. Moscow (in Russ.).
- Kasatkina, T. A., 2015. *Svyashchennoe v povsednevnom: dvasostavnyi obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [The Sacred in the Everyday: A Two-Part Image in the Works by F. M. Dostoevsky]. Moscow (in Russ.).
- Katekhizis katolicheskoi tserkvi. Kompendium* [Compendium of the Catechism of the Catholic Church.], 2007. Moscow (in Russ.).
- Kristeva, J., 2010. *Chernoe solntse. Depressiya i melankholiya* [The Black Sun: Depression and Melancholia]. Moscow (in Russ.).
- Kunilsky, A. E., 1998. About the Christian context in the novel by F. M. Dostoevsky “The Idiot”. In: *Evangel'skii tekst v russkoi literature XVIII – XX vekov: Tsitata, reminitsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [Gospel Text in Russian Literature of the 18th – 20th Centuries: Quote, Reminiscence, Motif, Plot, Genre]. Petrozavodsk, 2, pp. 391–408 (in Russ.).
- Kutkovoy, V., 2004. *O nekotorykh konceptualnykh priemakh lichnogo pisma v drevney ikonopisi* [On some conceptual techniques of personal writing in ancient iconography]. Available at: <https://pravoslavie.ru/154.html> [Accessed 01 September 2022] (in Russ.).
- Lavater, J. K., 2008. *Sto pravil fiziognomiki* [One hundred rules of physiognomy]. Moscow (in Russ.).

Lepakhin, V., 2000. An icon in the work of Dostoevsky ("The Brothers Karamazov", "A Gentle Creature", "Demons", "The Adolescent", "The Idiot"). In: *Dostoevsky. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and research], 15. St. Petersburg, pp. 237–263 (in Russ.).

Lossky, V.N., 1991. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [The Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow (in Russ.).

Lurje, V.M., 1996. The dogmatics of the "religion of love". Dogmatic Representations of the Late Dostoevsky. In: *Christianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature], 2. St. Petersburg, pp. 290–309 (in Russ.).

Martinsen, D.A., 2001. Narratives of self-isolation: literary suicides in the work of Dostoevsky. In: *Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": Modern State of Studies]. Moscow, pp. 427–434 (in Russ.).

Mikhaltsov, N.N., 2020. Christological argumentation of venerable John of Damascus in the context of philosophy of icon-worship. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 45 (1), pp. 81–87, <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-1-81-87> (in Russ.).

Müller, Ch., 2001. Holbeins Gemälde "Der Leichnam Christi im Grabe" und die Grabkapelle der Familie Amerbach in der Basler Kartause. *Zeitschrift für schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte*, 58 (4), pp. 279–289, <https://doi.org/10.5169/seals-169631>.

Novikova, E.G., 2008. "This painting depicts Christ just taken down from the cross": N.M. Karamzin, F.M. Dostoevsky, S.N. Bulgakov about the painting by Hans Holbein the Younger "Christ in the Tomb". In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 8. Petrozavodsk, pp. 414–428 (in Russ.).

Ouspensky, L.A., 1997. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoi Tserkvi* [Theology of the Orthodox Church Icon]. Pereslavl-Zalessky (in Russ.).

Perlina, N.M., 2017. *Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot»* [Picture-texts and ekphrases in F. Dostoevsky's novel "The Idiot"]. St. Petersburg (in Russ.).

Prater, A., 2018a. Zwischen Grabesruhe und Auferstehung. Holbeins „Christus im Grab“ neu gesehen. *Kunstchronik. Monatsschrift für Kunstwissenschaft, Museumswesen und Denkmalpflege*, 71 (1), pp. 22–35, <https://doi.org/10.11588/kc.2018.1.85582>.

Prater, A., 2018b. Ein Andachtsbild für Erasmus? Holbeins „Christus im Grab“ neu gesehen. *Kunstchronik. Monatsschrift für Kunstwissenschaft, Museumswesen und Denkmalpflege*. Bd. 71, 2, S. 94–105, <https://doi.org/10.11588/kc.2018.2.85589>.

Spazier, K., 1790. *Wanderungen durch die Schweiz*. Gotha.

Suzi, V.N., 2021. The Drama of the Hero is the Drama of the Author. Reflections on the Occasion of the 200th Anniversary of F.M. Dostoevsky. *Yazyk i tekst* [Language and Text], 8 (4), pp. 40–53, <https://doi.org/10.17759/langt.2021080406> (in Russ.).

Tikhomirov, B.N., 1994. On Dostoevsky's «Christology». In: *Dostoevsky: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research], 11. St. Petersburg, pp. 102–121 (in Russ.).

Tikhomirov, B.N., 2006. *Religioznye aspekty tvorchestva F.M. Dostoevskogo. Problemy interpretatsii, kommentirovaniya, tekstologii* [Religious aspects of the work of F.M. Dostoevsky. Problems of interpretation, commenting, textual criticism]. PhD Dissertation. St. Petersburg (in Russ.).

Tokarev, D., 2013. Descriptive and narrative aspects of ekphrasis ("Dead Christ" by Holbein – Dostoevsky and «The Sistine Madonna» by Raphael – Zhukovsky). In: *«Nevyrazimo vyrazimoe»: ekfrazis i problemy reprezentatsii vizual'nogo v khudozhestvennom tekste* [Describing the indescribable: ekphrasis and problems of visual representation in a literary text]. Moscow, pp. 62–109 (in Russ.).

Tretyakov, N.N., 2001. *Obraz v iskusstve. Osnovy kompozitsii* [Image in Art. Composition Fundamentals] (in Russ.).

Yazykova, I.K., 2018. The strangest painting by Hans Holbein. *Reshenie* [Decision], 65. Available at: <https://reshenie.vcc.ru/magazine/issues/a652018/view/article/1478273> [Accessed 21 September 2021] (in Russ.).

Young, S., 2001. Holbein's painting "Christ in the Tomb" in the structure of the novel "The Idiot". In: *Roman F.M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya* [F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot": the current state of the study]. Moscow, pp. 28–41 (in Russ.).

Zhukovsky, V.A., 2004. *Polnoe sobranie sochinenii I pisem: v 35 tomakh* [Complete Works and Letters: in 35 volumes], 13. Moscow (in Russ.).

[Zschokke, H.], 1797. *Meine Wallfahrt nach Paris*. In 2 Bdn. Zürich, 1796–1797. Bd. 2.

The author

Dr. Anzhelika I. Vaskinevich, Associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: AVaskinevich@kantiana.ru

ORCID 0000-0002-2549-4882

To cite this article:

Vaskinevich, A.I., 2023, Dispute about Holbein as a disput about faith: discussion around Fedor Dostoyevsky's novel 'The Idiot', *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 14, No. 2, pp. 139–159. doi: 10.5922/2225-5346-2023-2-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2023

Том 14
Vol.
№ 2

ПОВЕРХ TRANSDISCIPLINARITY:
ДИСЦИПЛИНАРНЫХ БАРЬЕРОВ: DIALOGUE OF CODES
ДИАЛОГ КОДОВ И МЕТОДОВ AND METHODS

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 24.04.2023 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 14,5
Тираж 300 экз. (1-й завод — 50 экз.). Заказ 48
Свободная цена

Signed 24.04.2023
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 14,5
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 48
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia